

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Федеральное государственное казённое
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова»

2021 г. № 1(3)
В двух томах. Том 1

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Министерство внутренних дел Российской Федерации

**Федеральное государственное казённое
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова»**

2021 г. № 1(3)

В двух томах. Том 1

**СОВРЕМЕННОЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ
И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО
РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Журнал

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2021**

Учредитель: Федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова»

**СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ
ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ**

**2021 г.
№ 1(3)**

В двух томах. Том 1

Периодическое печатное научное издание – журнал
Издается с 2018 года
Выходит 1 раз в год

Редакционная коллегия:

Председатель редакционной коллегии, главный редактор:

С.А. Синенко, начальник института, доктор юридических наук, доцент.

Заместители главного редактора:

К.В. Муравьев, заместитель начальника института (по научной работе), доктор юридических наук, доцент;

В.Ф. Васюков, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

А.В. Гришин, начальник кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент;

Д.Ф. Флоря, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент;

В.Н. Чаплыгина, начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент;

Е.В. Марковичева, профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент;

Е.А. Семёнов, профессор кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук;

Ю.П. Якубина, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент;

Е.Б. Гришина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук;

О.А. Ветрова, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Адрес редакции, издателя, типографии:
Игнатова ул., д. 2, Орёл, 302027.
Тел.: (4862) 42-31-14, факс: (4862) 41-48-56.
E-mail: nir-ogui@yandex.ru.

Подписано в печать 5 октября 2021 г. Заказ № 336.
Дата выхода в свет 5 октября 2021 г. Формат 60x90^{1/16}.
Усл. печ. л. – 19,13. Тираж 42 экз.
Распространяется бесплатно.

Выпуск подготовлен по материалам выступлений участников Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (к 20-летию принятия УПК РФ) (7–8 октября 2021 года).

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова».

Компьютерная вёрстка: Е.В. Мурашев.

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2021.

Содержание

Алекперов Р.Р. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ	8
Андроник Н.А. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ В КОНФЛИКТНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ.....	14
Аскарова Б.П. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКСПЕРТА СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ	19
Быстрова Ю.В. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ АДВОКАТА ПО НАЗНАЧЕНИЮ НА ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ	24
Валов С.В. ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ И ПРАКТИКА РЕАГИРОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБСТВОВАВШИЕ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	31
Ветрова О.А., Меркулов С.В. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	37
Власов В.В., Гаврилин С.А. ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПРОВОДИМЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ.....	44
Гаврилин Ю.В. ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ, НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.....	49
Гаврилов Б.Я. РОЛЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	56

Гирько С.И. СОВРЕМЕННОЕ УСКОРЕННОЕ ДОЗНАНИЕ – ШАГ ВПЕРЕД ИЛИ НАЗАД	68
Гладышева О.В. ЗАПРЕТЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ.....	77
Грибунов О.П. ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ: ЗА И ПРОТИВ	84
Гриненко А.В. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ (К 20-ЛЕТИЮ УПК РФ).....	91
Гришин А.В. О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРОКУРОРА В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	96
Гришина Е.Б. ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА.....	102
Гришина М.В., Гришин А.В. К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗЛОЖЕНИЯ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ ПРОКУРОРОМ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА И ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ.....	107
Давыдов М.В., Харыбин А.Ю. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ.....	114
Егоров Н.Н. НАПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	121
Екимцев С.В., Флоря Д.Ф. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	127
Емельянова Н.Ю., Семенкова Е.В. АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	133

Ефремова О.М., Васюков В.Ф. ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	138
Жамкова О.Е. К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ДОСЛЕДСТВЕННАЯ ПРОВЕРКА	150
Журавлева Н.М. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ	155
Зайцев В.П. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СЛЕДСТВЕННЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	160
Зайцева Е.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УГОЛОВНО ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЛИЦА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	168
Замуруева Е.Ю. СООТНОШЕНИЕ ОСНОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	173
Во Ким Зунг ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ – ПОТЕРПЕВШЕМУ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ВЬЕТНАМА).....	179
Калюжный А.Н. КРИТЕРИИ «СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ» КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	187
Карагодин В.Н. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	194

Колотушкин С.М., Жилиев Р.М. АНАЛИЗ УГРОЗ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЛИЦАМИ, ПОМЕЩЕННЫМИ ПОД ДОМАШНИЙ АРЕСТ, ЗАПРЕТА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ СВЯЗИ И СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»	199
Колычева А.Н. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ.....	206
Коновалов П.Н. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЛИЦ, ВОВЛЕКАЕМЫХ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ОХРАНЯЕМУЮ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ ТАЙНУ	211
Костенко Н.С. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА	217
Кузьменко Е.С., Шайдуллина Э.Д. ПОДПИСКА О НЕВЫЕЗДЕ ИЛИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО О ЯВКЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО.....	223
Кучин О.С. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ДЕФИНИЦИИ «РЕЗУЛЬТАТЫ ОРД»	231
Лакеева Е.В., Волченко А.В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	236
Лисицын А.Г. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ КРАЖ И УГОНОВ АВТОТРАНСПОРТА	243
Лукьянчикова С.А. ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ДТП И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРИ ИХ ПРОИЗВОДСТВЕ.....	251
Мальшев К.С. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	259

Марковичева Е.В. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	265
Маткаримов М.М. ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА МЕЖДУНАРОДНОГО РОЗЫСКА ПРЕСТУПНИКОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УЗБЕКИСТАНА.....	271
Матчанов А.А. ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ В РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ИЛИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В УЗБЕКИСТАНЕ.....	277
Мерецкий Н.Е. РАССЛЕДОВАНИЕ ИНСЦЕНИРОВОК ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ЦЕЛЬЮ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ.....	283
Моисеев Н.А., Новоселов Н.Г., Флоря Д.Ф. ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ ЭКСТРАСЕНСОРНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ, ДЛЯ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РОЗЫСКА ЛИЦ.....	290
Морозова Н.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	299

Алекперов Р.Р.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

ON THE QUESTION ABOUT THE DEFINITION OF PREVENTION MEASURES IN THE FORM OF DETENTION

В статье рассматривается вопрос об определении понятия меры пресечения в виде заключения под стражу в Республике Беларусь. Перечислены основные детерминанты, которые необходимо учитывать при решении данного вопроса. Автором предложено понятие заключения под стражу в случае изменения уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь в части перехода к непосредственному судебному контролю над применением указанной меры пресечения.

The article discusses the issue of defining the concept of a preventive measure in the form of detention in the Republic of Belarus. The main determinants that must be taken into account when solving this issue are listed. The author proposes the concept of taking into custody in the event of a change in the criminal procedural legislation of the Republic of Belarus in terms of the transition to direct judicial control over the application of this preventive measure.

Заключение под стражу в Республике Беларусь – мера пресечения, в наибольшей степени ограничивающая личные права и свободы лица, подозреваемого и обвиняемого в общественно опасных деяниях, предусмотренных уголовным законом.

Вместе с тем, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) отсутствует понятие данной меры пресечения [1].

Понятие – логически оформленная мысль о классе предметов и явлений, представлении о чем-нибудь [2, с. 561], которая состоит из совокупности признаков, входящих в состав толкуемого предмета [3, с. 543].

В связи с изложенным, определение понятия «заключение под стражу» способствует более четкой его интерпретации и, как следствие, его «идентификации» в системе мер пресечения.

«Заключение под стражу» является одним из значений дефиниции «арест» [2, с. 28]. Анализ отечественного законодательства показывает, что арест в некоторых отраслях права связан с изоляцией лица (ч. 1 ст. 6.6 Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [4], ч. 1 ст. 54 Уголовного кодекса Республики Беларусь [5]). Одной из мер пресечения является домашний арест. В ч. 1 ст. 125 УПК и ч. 1 ст. 175 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств [6] его суть заключается в изоляции подозреваемого, обвиняемого от общества без его содержания под стражей. Т.А. Савчук считает, что законодатель раскрыл понятие этой меры пресечения посредством заключения под стражу [7, с. 35]. Следуя такой точке зрения, думаем, суть заключения под стражу видится в изоляции подозреваемого, обвиняемого от общества в специально предназначенных для этого местах под надзором, охраной. Отметим, что многие процессуалисты придерживаются аналогичного мнения [7, с. 35; 8, с. 377].

В юридической литературе существует множество дефиниций заключения под стражу, вместе с тем их анализ позволяет сделать вывод, что при определении понятия этой меры пресечения в недостаточной степени отражены ряд критериев, которые способствуют ее идентификации.

Полагаем, при определении понятия «заключение под стражу» необходимо учитывать, что данная мера применяется, во-первых, органами, ведущими уголовный процесс (ч. 2 ст. 119 УПК); во-вторых, к подозреваемому или обвиняемому (ч. 1 ст. 117 УПК), а также к лицу на основании исполнения просьбы органа иностранного государства либо в связи с его нахождением в международном розыске с целью выдачи (чч. 1, 2 ст. 512 УПК); в-третьих, устанавливается определенный срок ее действия (ст. 127 УПК).

Как указано выше, в действующей редакции УПК мера пресечения в виде заключения под стражу применяется органами, ведущими уголовный процесс. Согласно ч. 2 ст. 119 УПК на стадии предварительного расследования рассматриваемая мера пре-

сечения может применяться прокурором или его заместителем либо Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, либо органом дознания или следователем с санкции прокурора или его заместителя, а на стадии судебного разбирательства – судом.

В своих исследованиях мы неоднократно приходили к выводу о необходимости реформирования законодательства в части установления того, что заключение под стражу должно применяться только по решению суда [9, с. 79; 10, с. 98]. Считаем, что в случае реализации данных изменений при определении понятия заключения под стражу следует учесть данный момент.

Кроме того, давая понятие заключения под стражу, в первую очередь необходимо учитывать такие детерминанты, как правоограничительный критерий, содержание принудительного воздействия, цель этого средства уголовно-процессуального принуждения, так как они позволяют в наибольшей мере дифференцировать заключение под стражу в системе мер пресечения.

По правоограничительному критерию заключение под стражу ограничивает многие основные права и свободы личности, закрепленные в Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) [11]. Для идентификации заключения под стражу в системе мер пресечения необходимо выделить те личные права, которые иными мерами пресечения не ограничиваются либо ограничиваются рассматриваемой мерой пресечения в наибольшей степени. Таковыми являются неприкосновенность личности и свобода передвижения. При этом неприкосновенность личности ограничивается (прежде всего, телесная неприкосновенность), а также лицо при применении к нему заключения под стражу лишается свободы передвижения [12, с. 16].

Содержание принудительного воздействия. Заключение под стражу вбирает в себя и физическую, и моральную, и психическую формы воздействия. Однако первая из перечисленных форм при ее применении проявляется в наивысшей степени по сравнению с остальными [12, с. 16].

Цель меры пресечения. В своих ранних исследованиях мы пришли к выводу, что ближайшую цель можно определить как

изоляцию лица от общества путем помещения в специально предназначенные для этого учреждения, а перспективную – как устранение ненадлежащих действий, закрепленных в ч. 1 ст. 117 УПК при раскрытии оснований применения мер пресечения, а также решение вопроса об экстрадиции лица в случае взятия его под стражу в порядке ст. 512 УПК [12, с. 17].

Таким образом, при изменении редакции ч. 2 ст. 119 УПК, в части того, что данная мера пресечения может применяться только по решению суда, ее понятие следует сформировать следующим образом. Заключение под стражу – это мера пресечения, применяемая по решению суда:

1) в установленном законом порядке на определенный срок к подозреваемым/обвиняемым, а также к лицам на основании ст. 512 УПК;

2) в форме физического воздействия;

3) ограничивающая неприкосновенность вышеуказанных лиц и лишаящая их свободы передвижения;

4) с целью изоляции от общества путем помещения в специально предназначенные для этого учреждения для устранения возможности скрыться от органов, ведущих уголовный процесс; в целях воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела и рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации доказательств, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам вышеуказанных органов; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора, а также с целью экстрадиции.

По нашему мнению, представленную дефиницию положительно отличает содержательная сторона и точность, что исключает вариативную интерпретацию при ее восприятии. Данное понятие отражает суть заключения под стражу и способствует отличить его от иных мер пресечения.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 16 июля 1999 г. № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 января

2021 г. // ИПС «Эталон-Online» / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 26.05.2021).

2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А Темп», 2006. 944 с.

3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Томъ XXIVа Полярныя сіянія–Прая. С-Петербургъ: Типо-Литография И.А. Евфрона, 1898. 961 с.

4. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь. Минск: Акад. МВД, 2014. 1230, [2] с.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: от 6 января 2021 г. № 91-3: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.: одобр. Советом Республики 18 декабря 2020 г. // ИПС «Эталон-Online» / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091&q_id=3309749 (дата обращения: 26.05.2021).

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 9 июля 1999 г. № 275-3: принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 января 2021 г. // ИПС «Эталон-Online» / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9900275> (дата обращения: 26.05.2021).

7. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. // Международный комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/ipa.pdf> (дата обращения: 26.05.2021).

8. Савчук Т.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск, 2014. 234 л.

9. Зайцева Л.Л., Пурс А.Г. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск: Харвест, 2011. 224 с.

10. Алекперов Р.Р. Заключение под стражу: национальное законодательство и международно-правовые стандарты // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1 (39). С. 76–80.

11. Алекперов Р.Р. Субъекты применения заключения под стражу в уголовном процессе Республики Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1 (39). С. 94–99.

12. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus> (дата обращения: 27.05.2021).

13. Алекперов Р.Р. Понятие меры пресечения в виде заключения под стражу // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 24 сентября 2020 г.: тез. докл. / Уфимский ЮИ МВД России; под общ. ред. канд. юрид. наук А.Ю. Терехова. Уфа, 2020. С. 14–20.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алекперов Руслан Ракбероглы. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

220005, Республика Беларусь, г. Минск, просп. Машерова, 6.

Alekperov Ruslan Rakberogly. Teacher of the Chair of Criminal Procedure.

Educational institution «Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus».

220005, Republic of Belarus, Minsk, Masherov ave., 6.

Ключевые слова: мера пресечения; заключение под стражу; понятие.

Keywords: preventive measure; detention; concept.

УДК 343.1

Андроник Н.А.

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ
ОЧНОЙ СТАВКИ В КОНФЛИКТНОЙ
СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ**

**TACTICAL FEATURES OF CONDUCTING
A CONFRONTATION IN A CONFLICT
INVESTIGATIVE SITUATION**

В статье рассматриваются отдельные тактические приемы проведения очной ставки, проводится сравнительный анализ проведения очной ставки в США.

The article discusses some tactical methods of conducting a confrontation, a comparative analysis of conducting a confrontation in the United States is carried out.

Порядок проведения очной ставки регламентирован ст. 192 УПК РФ [1]. Несоблюдение процессуальных правил является существенным нарушением закона. Процессуальное законодательство не закрепляет тактических приемов проведения очной ставки.

Общая цель проведения очной ставки – установить достоверность, ранее данных показаний на допросе. Ученый-процессуалист Л.Я. Драпкин, выделяет конкретные задачи проведения очной ставки: разоблачение лжи, самооговора, разоблачение инсценировок [2, с. 353].

Тактико-криминалистические приемы при расследовании уголовных дел носят рекомендательный характер. Однако применение тактических приемов при проведении следственных действий, в частности при допросе и очной ставке позволяет избегать конфликтных ситуаций, а соответственно повысить качество расследования и направить уголовное дело в суд в установленные процессуальные сроки.

Основная задача очной ставки в конфликтной ситуации – это разоблачение лжи. Противоречия, на устранение которых направлена очная ставка, в этой ситуации обычно возникают в результате заведомо ложных показаний. Чаще всего такие пока-

зания дают подозреваемые и обвиняемые, свидетели, а иногда – и потерпевшие.

В качестве тактических приемов в этой ситуации можно рекомендовать следующее:

В качестве тактических приемов в этой ситуации можно рекомендовать следующее:

1. Детализация показаний, при которой правдивый участник очной ставки дает наиболее полные показания и аргументирует их, а в показаниях недобросовестного допрашиваемого выявляются внутренние противоречия, что позволяет склонить последнего к отказу ото лжи.

При использовании данного тактического приема наиболее целесообразно первоначально вопрос задавать участнику – именно тому, кто дает правдивые показания, так как у следователя (дознавателя), возможно, появится больше доказательств, а противодействующий участник, понимая бесперспективность своей позиции, даст правдивые показания.

2. Использование показаний сознавшихся «лидеров» преступной группы – то есть ее организаторов или активных исполнителей. Их развернутые показания могут явиться положительным примером для колеблющихся соучастников.

3. Сочетание очной ставки с другими следственными действиями. Например, проведение очной ставки во время допроса обвиняемого (подозреваемого). Это осуществляется в таких случаях, когда обвиняемым во время допроса даются явно ложные показания, противоречащие информации, полученной от других допрошенных по делу лиц. В такой ситуации следователь может прервать допрос, провести очную ставку (одну или несколько), а затем продолжить допрашивать обвиняемого.

4. Повторная очная ставка. Она проводится в тех случаях, когда после проведения первоначальной очной ставки ее добросовестный участник активизировал свою память и может сообщить о новых фактах, имеющих значение для разъяснения спорных обстоятельств. Также целесообразно проведение повторной очной ставки в том случае, когда правдивый участник очной ставки сменил свои показания на ложные под воздействием другого допрашиваемого, но впоследствии решил все же вернуться к

истине и готов в ходе новой очной ставки подтвердить первоначальные показания и объяснить причину их изменения.

5. Использование «слабых мест» психики недобросовестного участника очной ставки. Под «слабыми местами» обычно понимаются такие качества и склонности недобросовестного участника очной ставки, как приступы меланхолии, частый самоанализ, повышенная вспыльчивость, высокомерие, скептицизм, тщеславие и т.п. Умелое использование их при производстве очной ставки приводит к получению правдивых показаний [3, с. 157].

6. Обострение противоречий в показаниях участников очной ставки по менее значимым спорным обстоятельствам. Данный тактический прием применяется при производстве очной ставки между соучастниками преступления. Сущность приема заключается в том, что следователь начинает очную ставку с выяснения менее существенных спорных обстоятельств, постановкой вопросов акцентирует внимание допрашиваемых на этих противоречиях, постепенно все больше и больше обостряет их. В такой обстановке очной ставки допрашиваемые вопреки своему желанию переходят от обсуждения менее важных спорных вопросов к более важным.

7. Использование положительных сторон личности недобросовестного участника. Знание положительных свойств личности недобросовестного участника очной ставки может послужить ключом для определения наиболее целесообразного к нему подхода. Подчеркивая положительные свойства лица, дающего ложные показания, следователь может показать, что у него еще есть возможность исправиться, искупить свою вину и стать достойным гражданином нашего общества.

В ходе проведения очной ставки также могут применяться иные тактические приемы, аналогичные применяемым при допросе, – например, последовательное предъявление доказательств, форсированный темп и т.д.

Бесконфликтная ситуация при проведении очной ставки возникает, когда между ее участниками существует психологический контакт и они взаимно стремятся к установлению истины по делу. При этом имеющиеся в их показаниях противоречия они стремятся устранить общими усилиями. А следователь играет при этом координирующую роль, направленную на активизацию

их памяти, внимания, подробное рассмотрение возможных причин возникших противоречий.

Рассмотрим тактику проведения очной ставки на примере Соединенных Штатов Америки. Так, очная ставка проводится не следователем или лицом, производящим дознание, и даже не государственным обвинителем. Она проводится защитником и (или) обвиняемым – то есть ее порядок, характер и объем определяются стороной защиты. Участники очной ставки в этом случае определены как обвиняемый (его защитник) и свидетель, в то время как в российском судопроизводстве очная ставка проводится между любыми ранее допрошенными лицами, в показаниях которых есть противоречия.

В нашей стране в ходе очной ставки следователь может предоставлять ее участникам право задавать вопросы друг другу, а может и не предоставлять. В американском же следственном действии один из участников очной ставки (обвиняемый) всегда задает, самостоятельно (или через своего адвоката) вопросы другому участнику (свидетелю). И, наконец, само проведение очной ставки при рассмотрении материалов уголовных дел в США гарантировано, т.к. предусмотрено в конституции, а в России оно обязательным не является. Поэтому, рассматривая понятие очной ставки в системе американской юстиции, можно признать это следственное действие весьма полезным в плане обеспечения состязательности уголовного процесса и объективности судопроизводства, но в отношении использования упомянутой тактики очной ставки в качестве передового опыта для отечественных следователей следует признать, что перспектива распространения американских наработок в этом направлении практически нулевая в силу коренных терминологических, правовых и процессуальных отличий двух законодательных систем.

Таким образом, очная ставка – важнейшее следственное действие, от которого в огромной степени зависит ход расследования уголовного дела. Сложность состоит не только в том, что в большинстве случаев следователю противостоит лицо, не желающее давать показания либо дающее ложные показания, но и в том, что в показаниях допрашиваемого лица, вроде бы искренне стремящегося сообщить все известное ему по уголовному делу, в силу ряда причин могут быть ошибки, заблуждения и вымысел,

которые надлежит своевременно обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний.

Важным условием обеспечения результативности следственного действия является тщательная подготовка к его проведению, которая заключается в получении и анализе исходных данных, определении предмета проведения очной ставки и изучении материалов уголовного дела; изучении личности допрашиваемого; выборе места, времени и способа вызова лиц на очную ставку; составлении плана и прогнозировании результатов; обеспечении нормальной обстановки получения и фиксации показаний.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Криминалистика: учебник для бакалавриата / под ред. Л.Я. Драпкина. М.: Юрайт, 2013. С. 353.

3. Куницына А.В. Тактика выявления организаторов преступных групп: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 157.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андроник Наталья Ауреловна. Старший преподаватель кафедры криминалистики.

Уральский юридический институт МВД России.

620017, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Andronik Natalia Aurelovna. Senior lecturer of the Chair of Criminalistics.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

620017, Russian Federation, Yekaterinburg, Korepin st., 66.

Ключевые слова: очная ставка; допрос; следственное действие; тактический прием.

Keywords: confrontation; interrogation; investigative action; tactical technique.

УДК 343.9

Аскарова Б.П.

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКСПЕРТА
СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ**

**ABOUT FEATURES OF INTERACTION
OF THE EXPERT WITH THE INSPECTOR
WHEN MANUFACTURING BALLISTIC EXAMINATIONS**

В статье рассматриваются особенности взаимодействия эксперта со следователем при назначении и проведении судебно-баллистической экспертизы с целью раскрытия и качественного расследования преступлений, определение алгоритма скоординированных действий, связанных с использованием результатов экспертизы для выдвижения следственных версий, раскрываются формы и значение их взаимодействия посредством проведения консультаций эксперта со следователем о возможностях проведения судебно-баллистической экспертизы.

The article features interaction of the expert with the inspector when appointing and carrying out a judicial-ballistic examination for the purpose of disclosing and qualitative investigation of crimes, definition of algorithm of the co-ordinated actions of the results of examination connected with use for promotion of investigatory versions, forms and value of their interaction by means of carrying out consultations of the expert with the inspector about possibilities of carrying out of judicial-ballistic examination reveal.

В борьбе с терроризмом, бандитизмом, разбоем, убийствами и другими видами особо тяжких преступлений, орудием совершения которых являются огнестрельное оружие, взрывные устройства, особо актуальным вопросом является оптимизация взаимодействия экспертов в сфере баллистики с органами следствия. Это связано, прежде всего, с совершенствованием алгоритма их совместных действий, направленных на быстрое и качественное расследование уголовных дел, где применялось огнестрельное оружие. Это предполагает, что в решении проблем

взаимодействия вышеуказанных субъектов, связанных с процессуальной теорией и правоприменительной практикой, необходима разработка тактики взаимодействия между указанными субъектами уголовно-процессуальных правоотношений.

Определение алгоритма взаимодействия эксперта в области баллистики с органами, осуществляющими расследование преступлений, его особенностей, этапов реализации, имеет большое практическое значение. Эффективность следствия требует совершенствования существующего криминалистического механизма взаимодействия эксперта с органами следствия при назначении и проведении баллистических экспертиз, от результата которых зависит быстрота и качество раскрытия, а также расследование преступлений.

Судебно-баллистическая экспертиза относится к традиционным видам криминалистических экспертиз, которая дает заключения по оружию, боеприпасам и следам их применения [1, с. 801]. При этом экспертиза разрешает вопросы, связанные с определением оружия как огнестрельного, его идентификации по имеющимся продуктам выстрела (гильзам, пулям, снарядам, пыжам, дробям и др.). В вышеуказанном процессе активное участие принимает эксперт, который как участник уголовно-процессуальных правоотношений непосредственно взаимодействует со следственными органами.

Взаимодействие обусловлено, прежде всего, тем, что эксперт и следователь, должностные лица органов, осуществляющих предварительную проверку, обладают, только им присущими специфическими тактическими средствами раскрытия и расследования преступлений. В.С. Горшкова отмечает важность взаимодействия субъектов проведения экспертных исследований [2, с. 87]. Кроме этого, важно знать тактические особенности взаимодействия между ними.

В сущности, органам, осуществляющим расследование, по которому необходимо получить доказательственную информацию, связанную применением огнестрельного оружия, взрывного устройства или иных сфер, связанных с баллистикой, необходимо привлечь соответствующего эксперта, специалиста. Эти участники, обладая необходимыми научными знаниями в области баллистики, могут оказать действенную помощь в получении доказа-

тельств. При этом работники следствия должны иметь общие представления о баллистике и в своем постановлении поставить перед экспертами квалифицированные вопросы. Чтобы уметь это сделать, следователь должен тесно взаимодействовать с экспертом и знать основы тактики взаимодействия. В этом важную роль занимает именно эксперт, который должен подсказать следователю, какие необходимые сведения или предметы последнему следует предоставить эксперту и как правильно сформулировать вопросы в постановлении о назначении судебно-баллистической экспертизы. Не обладая достаточными познаниями в сфере баллистики, следователь взаимодействует со специалистами и экспертами, которые помогают следователю отыскивать, закреплять, изымать и исследовать вещественные доказательства как непосредственно участвуя в следственных действиях, так и при производстве баллистической экспертизы.

Алгоритм взаимодействия эксперта в сфере баллистики и следователя состоит из нескольких последовательных этапов. Первоначальный этап взаимодействия осуществляется еще на стадии доследственной проверки. Так, при осмотре места происшествия, назначении экспертизы, получении образцов для экспертного исследования специалист принимает непосредственное участие в этих следственных действиях. При этом когда уже известны объекты исследования, необходимо четко определить вопросы в сфере баллистики, которые необходимо задать в постановлении о назначении судебно-баллистической экспертизы.

На этапе назначения и проведения баллистической экспертизы эксперт должен убедиться в том, что на исследование представлены именно те объекты, которые указаны в постановлении. Если возникнут вопросы, вызывающие сомнения, эксперт обязан обсудить со следователем, и прежде всего это относится к разрешаемым баллистической экспертизой проблемам.

Эксперты могут столкнуться с особенностью, связанной с недостаточностью информации об обстоятельствах разрешаемых вопросов, поставленных перед баллистической экспертизой. Эксперт может в этом случае потребовать от следователя предоставления ему материалов дела, которые непосредственно касаются исследуемого объекта.

Еще одной особенностью механизма взаимодействия эксперта со следователем является возможность присутствия следователя при производстве экспертного баллистического исследования, которое может быть полезным обоим участникам расследования. Следователь может непосредственно наблюдать за ходом проведения баллистической экспертизы и при этом задавать вопросы, давать пояснения, касающиеся обстоятельств дела, а эксперт может ответить на них и дать соответствующие пояснения. Это является наиболее оптимальной формой взаимодействия, позволяющее оперативно получить доказательственную информацию следователем, и, опираясь на них, выдвигать следственные версии для дальнейшего расследования уголовного дела. Если такая форма взаимодействия представляется невозможной, то следователь может допросить эксперта относительно проведенной судебно-баллистической экспертизы. Это связано с тем, что в заключении эксперта имеется специальная научная терминология в сфере баллистики, которую эксперт при допросе поясняет и делает понятной для следователя.

Эксперту порой требуются в определенной степени властные полномочия, которыми он не обладает, и именно поэтому не может быть самостоятельного допроса экспертом свидетеля и других лиц, даже если им не будут получены новые факты и обстоятельства, а целью будет лишь их уточнение и разъяснение.

Следует отметить, что взаимодействие эксперта в сфере баллистики со следователем обусловлено различием выполняемых экспертом и следователем задач, когда эксперт в силу своих специальных знаний в области баллистики действует в соответствии с имеющимися у него необходимыми умениями, а следователь с юридической точки зрения расследует дело и принимает процессуальные решения.

Совершенствование расследования преступлений, связанных с огнестрельным оружием, предполагает оптимизацию криминалистической тактики взаимодействия эксперта и следователя, которые в силу предоставленных им полномочий активно участвуют в процессе доказывания.

В процессуальной форме эксперт выполняет свою функцию посредством участия как специалист или эксперт в проведении экспертных исследований в сфере баллистики. При этом эксперт,

используя свои специальные знания, действует на основе полномочий, предоставленных ему уголовно-процессуальным законодательством.

Следует признать, что результаты баллистической экспертизы занимают важное место в выдвижении, проверке версий, направленных на установление факта нарушения хранения, обнаружения огнестрельного оружия или взрывчатых веществ, раскрытие особо тяжких преступлений с их использованием. Заключение данной экспертизы может оказать влияние на квалификацию преступления. В связи с этим к заключениям экспертов в сфере баллистики предъявляются повышенные требования. Заключение должно быть научно обосновано, выводы объективны и достоверны [3, с. 3].

В заключение можно отметить, что алгоритм взаимодействия эксперта-баллистика со следователем позволяет успешно решать широкий круг задач идентификационного и диагностического характера, связанных с исследованием огнестрельного оружия, боеприпасов, следов выстрела. От оптимального, скоординированного алгоритма их взаимодействия при назначении и проведении судебно-баллистической экспертизы зависит быстрое раскрытие и расследование преступлений.

1. Яровенко В.В. Применение специальных знаний при исследовании объектов судебной баллистики // Право и политика. 2012. № 4. 801–806.

2. Горшкова В.С., Каримов В.Х. К вопросу о взаимодействии, субъектов проведения экспертных исследований // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями: материалы межд. науч.-практ. конф. Барнаул, 2008. С. 87–68.

3. Хасанов Ш.Х., Хусанов А.Д., Маматкулов Т.Б. Сборник образцов заключений по баллистической экспертизе: учебно-практическое пособие. Т.: Академия МВД Республики Узбекистан, 2014. С. 3.

СВЕДЕНИЕ ОБ АВТОРЕ

Аскарова Бахытгуль Полатовна. Преподаватель кафедры предварительного следствия и криминалистики.

Академия МВД Республики Узбекистан.
100197, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, 68.

Askarova Bahytgul Polatovna. Teacher of the Chair of Preliminary Investigation and Criminalistics.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

100197, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Intizor st., 68.

Ключевые слова: взаимодействие; алгоритм и формы взаимодействия; эксперт; специалист; следователь; судебно-баллистическая экспертиза; огнестрельное оружие.

Keywords: interaction; algorithm and interaction forms; the expert; specialist; the inspector; judicial-ballistic examination; fire-arms.

УДК 347.948

Быстрова Ю.В.

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ АДВОКАТА
ПО НАЗНАЧЕНИЮ НА ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ**

**PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF A LAWYER BY
APPOINTMENT TO PROCEDURAL COSTS IN CRIMINAL
PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье рассмотрены проблемы взыскания процессуальных издержек за оплату услуг адвоката по назначению в случае, если адвокат посещает подзащитного в СИЗО, ИВС без следователя в рамках оказания юридической помощи и согласования позиции защиты перед проведением следственного действия.

The article deals with the problems of collecting procedural costs for paying for the services of a lawyer by appointment, if the lawyer visits the client in a pre-trial detention center, a temporary de-

tention facility without an investigator in the framework of providing legal assistance and coordinating the position of the defense before conducting an investigative action.

Согласно УПК РФ [2] всех участников уголовного судопроизводства можно разделить на четыре группы: суд, сторона обвинения, сторона защиты, иные участники уголовного судопроизводства.

В случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ, со стороны защиты обязательным участником является адвокат – защитник подозреваемого, обвиняемого, оказывающий квалифицированную юридическую помощь в процессе расследования преступлений, а также на судебных стадиях. Адвокат в дело может вступать как по соглашению, так и по назначению следователя, дознавателя, суда.

В настоящее время актуальной проблемой является проблема назначения и выплаты процессуальных издержек со стороны органов следствия на счет адвоката. Органы следствия, в частности органы СК РФ, отказываются выплачивать дни консультаций, свиданий, которые проводит адвокат в целях согласования позиции защиты, ссылаясь на то, что считают необходимым оплачивать только дни участия адвоката в следственных действиях, в целях экономии бюджетных средств.

В соответствии со ст. 37 Конституции РФ [1] любой труд должен быть оплачен, и поэтому работа адвоката должна быть оплачена в полном объеме.

Оплата труда адвоката, участвующего в деле по назначению, производится по постановлениям суда или следствия в соответствии с постановлением Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» [7].

По смыслу ст. 131 УПК РФ процессуальные издержки представляют собой необходимые и оправданные расходы, связанные с производством по уголовному делу, понесенные вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве защитника адвокатом, привлекаемым к решению стоящих перед ним задач. Но, исходя из положений п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, перечень видов процессуальных издержек не является исчерпывающим.

Согласно п. 23 постановления Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240, утвердившего Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного суда РФ, «При определении размера вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, подлежит учету время, затраченное адвокатом на осуществление полномочий, предусмотренных частями первой и второй статьи 53 УПК РФ, а также на осуществление других действий адвоката по оказанию квалифицированной юридической помощи (далее – полномочия адвоката) при условии предоставления подтверждающих документов [6].

Время занятости адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, исчисляется в днях, в которые он был фактически занят осуществлением полномочий адвоката по соответствующему уголовному делу, вне зависимости от продолжительности работы по данному уголовному делу в течение дня, в том числе в течение нерабочего праздничного дня или выходного дня, либо ночного времени.

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», «разъяснить судам, что при определении размера вознаграждения адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя и суда, подлежит учету время, затраченное им на осуществление полномочий, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 53 УПК РФ, включая время, затраченное на посещение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, находящегося соответственно в следственном изоляторе (изоляторе временного содержания) или в психиатрическом стационаре, на изучение материалов уголовного дела, а также на выполнение других действий адвоката по оказанию квалифицированной юридической помощи при условии их подтверждения документами».

В соответствии со ст. 7 ФЗ РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ» от 31 мая 2002 г. «адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя не запрещенными законодательством РФ средствами», что предполагает осуществление защиты и вне пределов следственных действий. В ходе защиты адвокат реализует полномочия, предусмотренные чч. 1, 2 ст. 53 УПК РФ, а также другие действия по оказанию квалифицированной юридической помощи [4].

Вторая актуальная проблема в выплате процессуальных издержек адвокату со стороны органов следствия – порядок их взыскания. В настоящий момент судебная практика достаточно разнообразна. В одних регионах РФ процессуальные издержки взыскивают в порядке ст. 125 УПК РФ (Курская область), в других – в рамках КАС РФ, в иных судебная практика по данному вопросу не сформирована (Орловская область).

Ч. 1 ст. 218 КАС РФ [3] закрепляет право граждан, организаций, иных лиц обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти или местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, если они полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности.

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ [3], суды в порядке, предусмотренном этим кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений органов государственной власти, иных государственных органов, должностных лиц.

Конкретизируя указанную правовую норму, Верховный Суд Российской Федерации в абз. 4 п. 1 постановления Пленума от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения су-

дами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» разъяснил, что к административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику [8].

В соответствии с ч. 9 ст. 226 КАС РФ при рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, суд выясняет: нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца; соблюдены ли сроки обращения в суд; соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих полномочия органа, лица на принятие оспариваемого решения; порядок принятия оспариваемого решения или совершения оспариваемого действия (бездействия); основания для принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия); соответствует ли содержание оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения. В соответствии с требованиями главы 7 УПК РФ защитник является участником уголовного судопроизводства. Осуществляя профессиональную деятельность, адвокат как защитник, в соответствии со ст. 48 Конституции РФ, имеет право получить соответствующее достойное вознаграждение за свой труд, порядок и размер которого определяется постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 [6], а сама оплата такого труда производится за счет средств федерального бюджета.

Считаем, что постановления судов, в которых взыскиваются процессуальные издержки по уголовному делу за участие адвокатов в уголовном процессе в порядке ст. 125 УПК РФ, необоснованными и незаконными.

Постановление следователя о взыскании процессуальных издержек всегда выносится после стадии окончания предваритель-

ного расследования. На тот момент дело уже либо рассматривается по существу в суде первой инстанции, либо уже находится на рассмотрении в судах второй и последующих инстанций.

Как следует из п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ», обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ подлежат действия (бездействия) должных лиц на досудебных стадиях, т.е. если предварительное расследование уголовного дела завершено [5].

Таким образом, для правильного разрешения обозначенных в статье проблем – порядок назначения и выплаты процессуальных издержек, а также порядок защиты права на оплату труда адвоката по назначению, необходимо обобщение судебной практики, не сложившейся ни в одном регионе РФ, и принятие в связи с этим Постановления Пленума ВС РФ.

1. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 63-ФЗ: в редакции от 24 февраля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кодекс административного судопроизводства Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: в ред. от 8 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ: в ред. от 31 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела,

административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного суда РФ [Электронный ресурс]: утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240: в ред. от 28 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВС Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42: в ред. от 15 мая 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума от 27 сентября 2016 г. № 36. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Быстрова Юлия Викторовна. Заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, доктор юридических наук, доцент.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.

302001, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.

Bystrova Yulia Viktorovna. Head of the Chair of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Oryol State University named after I.S. Turgenev.

302001, Russian Federation, Orel, Komsomolskaya st., 95.

Ключевые слова: уголовный процесс; следственные действия; сторона защиты; адвокат; процессуальные издержки.

Keywords: criminal proceedings; investigative actions; defense party; lawyer; procedural costs.

УДК 343.12

Валов С.В.

**ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ И ПРАКТИКА РЕАГИРОВАНИЯ
СЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА,
СПОСОБСТВОВАВШИЕ СОВЕРШЕНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**THE LEGAL MODEL AND PRACTICE
OF THE INVESTIGATORS' RESPONSE
TO THE CIRCUMSTANCES THAT CONTRIBUTED
TO THE COMMISSION OF CRIMES**

Обосновывается возможность внесения следователями представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и иных нарушений закона в ходе всего досудебного производства.

The article substantiates the possibility of making representations by investigators about taking measures to eliminate the circumstances that contributed to the commission of crimes and other violations of the law during the entire pretrial proceedings.

Конструкция, содержание и расположение в тексте УПК РФ норм, определяющих порядок реагирования следователей на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, являются предметом дискуссий учёных и практиков [1; 2]. Преимущественно высказывается мнение, основанное на противопоставлении права и обязанности их субъекта. Выход видится в рассмотрении использованной законодателем формулировки – «следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер» – через призму корреспондирующих субъективных прав и юридических обязанностей участников общественных отношений. Один субъект правоотношений реализует предоставленное ему право требовать от противной стороны соответствующего поведения (выполнения или прекращения действий, принятия или отмены решений). У другого субъекта возникает обязанность исполнить требования. Исходя из этого, следователь

уполномочен использовать предоставленное ему правовое средство для принуждения другой стороны к принятию мер, направленных на устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или других нарушений закона. При этом следует учитывать, что большинство адресатов представлений не являются участниками уголовного судопроизводства. Выработка и реализация ими мер осуществляются в связи с полученным представлением, но на основе правовых норм, регулирующих не уголовно-процессуальные, а иные правоотношения. Невыполнение законных требований следователя является разновидностью противоправного посягательства на институты государственной власти, а не относится к нарушениям порядка уголовного судопроизводства.

С учётом вышеизложенного толкование содержания ч. 2 ст. 158 УПК РФ в системной взаимосвязи с иными положениями уголовно-процессуального законодательства позволяет утверждать следующее:

1) норма ориентирует следователя не только на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, но и на установление иных нарушений закона, совершение которых влечёт за собой не уголовную, а иную юридическую ответственность (административную, гражданско-правовую, дисциплинарную);

2) обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и иные нарушения закона должны быть не только выявлены, но и доказаны в установленном УПК РФ порядке. Они включены в состав предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), единство которого определено в ч. 1 ст. 421 УПК РФ. Фактические данные об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, и иных нарушениях закона, носят преюдициальный характер при принятии уполномоченными лицами решений на основании представления (например, при подготовке приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности).

Неисполнение следователями требований ст. 73 УПК РФ в части выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, рассматривается в качестве фактического основания для внесения прокурорами требований об устранении нарушений федерального законодательства. Отсутствие в материалах

уголовного дела сведений о проведении процессуальных действий по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и иных нарушений закона; представлений, составленных в соответствии с требованиями УПК РФ, а также ответов на них указывают на неполноту предварительного расследования [3; п. 6.9; 4; п. 4.1].

3) Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и иных нарушений закона производится следователем в ходе досудебного производства по уголовному делу (п. 9 ст. 5 УПК РФ) – то есть с момента начала проверки сообщения о преступлении до окончания производства по уголовному делу. Нормы, изложенные в ч. 2 ст. 158 УПК РФ, по своему содержанию относятся ко всему досудебному производству, а не только к общим условиям предварительного расследования (ст. 156, 158 УПК РФ). Следовательно, имеются все основания вносить представление и в стадии возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем на практике реагирование следственных органов на обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, и иные нарушения закона замещается информированием. Так, по итогам проверок, проведённых в порядке ст. 144 УПК РФ, СУ СК России по Челябинской области в 2020 г. направлено 14 писем (информаций) в целях предупреждения правонарушений, подвергающих опасности права и законные интересы несовершеннолетних [5]. В качестве правового основания данной формы реагирования используются [6] положения статутного закона об СК России [7, п. 4 ч. 4 ст. 1]. Требования о применении информирования включаются в управленческие решения руководителей следственных органов [8, п. 1.3; 9; п. 2.17].

4) Следователь не должен откладывать внесение представления до принятия окончательного решения по уголовному делу. Размещение нормы, определяющей его реакцию на обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, и иные нарушения закона, в статье УПК, посвященной окончанию расследования, вводит правоприменителя в заблуждение, оттягивая запуск механизма профилактики новых преступлений на неопределённый срок. В свою очередь руководство СК России требует по каждому уголовному делу обеспечить направление представления, не дожидаясь завершающего этапа расследования [10,

п. 1.17]. Данное правило следственными органами в субъектах Федерации распространено на иные категории расследуемых уголовных дел.

Полагаем, что наличие фактических данных, совокупность которых обладает признаками достоверности, полноты и достаточности (фактическое основание), даёт следователю право, руководствуясь соответствующей нормой закона (юридическое основание), внести представление в любой момент досудебного производства. Наличие фактических и юридических оснований придаёт обоснованным и мотивированным решениям следователя властный характер, подкреплённый возможностью возложения юридической ответственности.

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, могут быть установлены при производстве осмотра места происшествия, произведённого в стадии возбуждения уголовного дела, а условия формирования антиобщественной мотивации поведения обвиняемого – после установления конкретного лица, причастного к совершению преступления. Выявление одной и второй групп обстоятельств может быть существенно удалено по времени друг от друга в ходе расследования уголовного дела. Затягивание с одномоментным реагированием на своевременно установленные, но разнородные по своему происхождению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, создаёт условия для аналогичных противоправных деяний иными лицами или неоднократных преступлений со стороны неустановленного лица.

Полагаем, что содержащиеся в отдельных управленческих решениях [11, п. 2.17] требования об установлении и тщательном исследовании обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в течение первых 3 суток с момента начала проведения доследственной проверки либо 10 суток с момента возбуждения уголовного дела в полной мере распространяются на условия, облегчившие выполнение объективной стороны противоправного деяния или совершение иных нарушений закона, а также на материалы и уголовные дела, по которым изначально имелась информация о лице, совершившем преступление. Выполнить данное требование в отношении причин и условий формирования противоправных целей и мотивов неустановленного

лица объективно не представляется возможным. Однако указанный 10-суточный срок разумно распространить на возобновленные производством уголовные дела в связи с установлением виновного лица.

Своевременность внесения представления на практике иногда увязывают с истечением определённого периода после возбуждения уголовного дела. Так, в одном из управленческих решений [12] на следователей возложена обязанность обеспечить внесение представлений по всем расследуемым уголовным делам в месячный срок с момента возбуждения уголовного дела. Полагаем, что такое требование может быть истолковано двояко. Стремление подчинённых внести представления, ориентируясь исключительно на установленный в приказе срок, может привести к принятию неправомερных решений, если не установлены фактические основания. Обеспечение внесения представлений в месячный срок следует рассматривать как применение следователями всех предоставленных им полномочий для установления фактических оснований предъявления законных требований и незамедлительное принятие процессуального решения после выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и иных нарушений закона.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что предоставленное следователям ч. 2 ст. 158 УПК РФ право внести представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и иных нарушений закона, закреплено с целью установления корреспондирующих с ним обязанностей адресатов представлений. Право может быть реализовано следователем во всех стадиях, составляющих досудебное производство, при наличии достаточных фактических оснований в соответствии с закрепленными в законе правилами.

1. Тамаев Р.С. О некоторых направлениях совершенствования УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 24–25.

2. Данилова С.И. Профилактика преступлений, осуществляемая в ходе дознания по уголовным делам: проблемы и пути их решения // Рос. следователь. 2015. № 5. С. 31–35.

3. Постановление координационного совещания руководителей правоохранительных органов Тюменской области от 23 октября 2018 г. № 7.

4. Решение координационного совещания руководителей правоохранительных органов г. Севастополя от 19 августа 2020 г. № 5.

5. Алгоритм организации профилактической работы в следственных подразделениях: приложение к информации СУ СК России по Республике Саха (Якутия): от 26 февраля 2021 г. № 798-207-27-21.

6. О Следственном комитете Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 15; 2021. № 27. Ч. I, ст. 5070.

7. Информация СУ СК России по Челябинской области от 20 января 2021 г. № 575-216/1-8-2021.

8. Решение коллегии ГСУ СК России по Республике Крым и г. Севастополю от 18 апреля 2018 г. № решгсу-16-2018.

9. Об организации работы по противодействию преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении них: приказ СУ СК России по Тюменской области от 10 декабря 2019 г. № 174.

10. О мерах по совершенствованию организации работы в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в отношении несовершеннолетних: указание СК России от 2 июля 2018 г. № 2/206.

11. Об организации работы по противодействию преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении них: приказ СУ СК России по Тюменской области от 10 декабря 2019 г. № 174.

12. Приказ СУ СК России по Забайкальскому краю от 20 июля 2016 г. № 47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Валов Сергей Владимирович. Старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, кандидат юридических наук, доцент.

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

125080, Российская Федерация, г. Москва, ул. Врубеля, 12.

Valov Sergey Vladimirovich. Senior Researcher of the Research Department, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

125080, Russian Federation, Moscow, Vrubel st., 12.

Ключевые слова: следователь; профилактика; уголовное судопроизводство; управленческие решения.

Keywords: investigator; prevention; criminal proceedings; management decisions.

УДК 343.851

Ветрова О.А., Меркулов С.В.

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА
РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ**

**ON THE QUESTION ABOUT THE PROBLEMS
OF IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE
OF REHABILITATION IN THE CRIMINAL
PROCESS OF RUSSIA**

В статье раскрываются проблемы реализации института реабилитации в уголовном процессе России.

The article reveals the problems of implementing the institution of rehabilitation in the criminal process of Russia.

Исследование сущности института реабилитации предполагает анализ содержания соответствующего права, который позволит определить круг лиц, вовлеченных в компенсационно-восстановительные правоотношения.

В контексте констатации государством права на реабилитацию ключевым представляется вопрос о круге лиц, им наделяемых. С точки зрения требований уголовно-процессуальной формы, значимыми представляются несколько положений. Во-первых, на момент признания права на реабилитацию, что, как уже было отмечено, сопряжено с вынесением соответствующего процессуального акта, лицо должно обладать процессуальным статусом, предусмотренным ст. 46.

Во-вторых, до недавнего времени пробелом в действующем законодательстве являлось отсутствие указания на возможность признания права на реабилитацию за лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, возбужденное по инициативе частного обвинителя; это объяснялось тем фактом, что государство не несет ответственности за действия частных лиц [1].

В частности, Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал на то, что нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие возмещение государством вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, своей направленностью имеют защиту прав и интересов пострадавшего лица, независимо от формы реализации функции обвинения.

В-третьих, острые дискуссии в специальной литературе возникают в связи с вопросом о возможности частичной реабилитации лиц, указанных в чч. 2, 2.1 ст. 133 УПК РФ. Законодатель указывает на соответствующее право только косвенно при условии полной или частичной отмены обвинительного приговора суда (п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ). Однако судебная практика свидетельствует о востребованности частичной реабилитации.

Обобщая судебную практику частичной реабилитации, Верховный Суд РФ в п. 9 постановления ВС РФ № 17 разъяснил, что частичная реабилитация допускается только в отношении самостоятельного обвинения.

Таковым считается обвинение, которое может поддерживаться в рамках самостоятельного производства, где при наличии к тому оснований была бы возможна полная реабилитация. Полагаем, что самостоятельность обвинений является предметом доказывания в судебном заседании при решении вопроса о предоставлении права на частичную реабилитацию.

В-четвертых, понятие «реабилитация» не должно толковаться расширительно, что предполагает отсутствие соответствующего права у лиц, названных в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, а именно – у лиц, незаконно подвергнутых мерам процессуального принуждения.

Однако при применении мер процессуального принуждения вред может быть причинен не только участникам уголовного процесса, которые перечислены в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, но и лицам, не наделяемым соответствующим статусом, в случае их вовлечения в процесс производства по уголовному делу.

Целесообразно рассмотреть вопросы правового регулирования отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела (уголовного преследования) применительно к умершему лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, – подозреваемому или обвиняемому.

Исследуя научную и практическую литературу относительно института реабилитации умершего подозреваемого (обвиняемого), можно отметить довольно обширную дискуссию о пробелах, которые содержатся в нормах, определяющих специфику и процедуру реабилитации.

Также весьма мал процент дел, которые прекращаются по рассматриваемым основаниям. Например, в 2019 году реабилитация была произведена всего для 1,4 % дел [2].

Итак, для соблюдения и обеспечения прекращения производства в отношении умершего необходимо осуществлять следующее:

1. В процессе следствия должен быть доказан факт вины подозреваемого (обвиняемого), который умер [3];
2. Официальное подтверждение факта смерти в обязательном порядке должно содержаться в материалах дела (таким документом главным образом является свидетельство о смерти).

Отсюда вывод, что следователь совершит ошибку, если укажет в документе, прекращающем уголовное дело, к примеру, «подозреваемый скончался от рака»...[4] В заданном контексте Верховный Суд РФ отменит постановление суда о прекращении уголовного дела. Отсюда вывод, что каждое слово следователя, написанное в уголовном деле, должно иметь соответствующее

подтверждение посредством различных справок, выписок, заверенных соответствующими и уполномоченными на то органами, а также свидетельствами или иными официальными документами.

Стоит заметить, что содержание процесса непосредственно самого привлечения субъекта после смерти в статусе обвиняемого законодательно определен в нормах 23 главы УПК РФ. Определенный интерес вызывает такой процессуальный документ в материал уголовного дела, как «постановление о привлечении в качестве обвиняемого». По правилам норм указанной главы данный документ предъявляется непосредственно представителю обвиняемого. Также важным условием является то, что такой документ предъявляется при защитнике, т.е. смерть лица подозреваемого (обвиняемого) не исключает участие защитника в предварительном следствии [5].

Непосредственно после смерти подозреваемого или обвиняемого его родственники могут вступить в производство по уголовному делу как представители, отстаивавшие его невиновность. Данное право, предоставляемое близким родственникам, является весьма гуманным и справедливым решением со стороны законодателя.

Наделение Конституционным Судом РФ близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) права участвовать в уголовном судопроизводстве и отсутствие в УПК РФ норм, предусматривающих предоставление таких правомочий, повлекло за собой необходимость определения собственного правового статуса указанных лиц.

Подводя итог, необходимо отметить, что научная дискуссия относительно участия близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе обусловлена наличием в их правовом положении признаков и правопреемства, и представительства.

На основании вышеизложенного хотелось бы сделать следующие рекомендации:

1. Производство по уголовному делу в любом случае следует продолжить;
2. Факт смерти обязательно должен быть подтверждён;

3. Прекращение уголовного дела возможно только с обязательного согласия родственников, представляющих интересы умершего;

4. Родственникам и близким родственникам обязательно должно быть представлено право продолжить производство по уголовному делу и настаивать на всестороннем и объективном рассмотрении дела в суде.

Итак, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело (а значит и уголовное преследование) должно быть прекращено в отношении умершего или лица, признанного умершим. Данное обстоятельство, благодаря которому прекращается уголовное дело, носит нереабилитирующий характер. Однако бывают случаи, когда следователь вынужден продолжать расследование по делу, несмотря на смерть участника со стороны защиты. В частности, уголовное преследование должно быть продолжено, если необходима реабилитация умершего (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) [6].

Как указал Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П, прекратить уголовное дело следователь вправе только с согласия близких родственников. И если близкие родственники, возражают, то он обязан продолжить расследование.

Итак, уголовный процесс с участием умерших обвиняемых (подозреваемых) возможен. Во многом это помогает достигнуть объективной истины, которая была важна для российского правоприменителя на протяжении всей истории.

Таким образом, следует отметить, что существующие и действующие нормы, посвященные институту реабилитации в уголовном процессе, не позволяют в полной мере достичь поставленных в статье 6 УПК целей уголовного судопроизводства. Коллизии, возникающие при применении данных положений, негативно влияют и ограничивают в правах лица, незаконно либо необоснованно подвергшиеся применению уголовно-процессуальных мер. В связи с этим считаем обоснованным и необходимым внесение соответствующих изменений в УПК РФ, устранение противоречий и возможных разночтений среди правоприменителей [7]. Необходимо выработать полноценную концепцию института ре-

абилитации, которая отвечала бы своей сущности и могла быть в полной мере применена к существующим реалиям.

1. Дудоров Т.Д., Вент А.В. Право на реабилитацию в уголовном процессе России // Современная наука Евразии: сборник материалов международной научной конференции. 2018. С. 9.

2. Казаков А.А. Согласие близкого родственника умершего подозреваемого (обвиняемого) с прекращением уголовного дела: порядок получения и процессуальное значение // Уголовное право. 2020. № 1. С. 118.

3. Лазарева В.А., Максимихина Ю.О. Практика прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи со смертью подсудимого // Вестник Тольяттинского государственного университета. 2014. № 2. С. 112.

4. Цоколова О.И., Карпенко В.М. Особенности производства расследования по уголовным делам в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) // Научный портал МВД России. 2015. № 1. С. 14.

5. Тахаутдинова А.Р., Мещерякова Ю.О. К вопросу об итоговом судебном решении по уголовному делу в отношении умершего // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 2 (33). С. 43.

6. Постановление Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан [Электронный ресурс]: от 23 декабря 2015 г. № 1-233/2015. URL: sudact.ru.

7. Гришин А.В., Гришина М.В. Уголовно-процессуальная политика государства по противодействию преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: современные проблемы реализации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 3 (76). С. 32–35.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ветрова Оксана Александровна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Vetrova Oksana Aleksandrovna. Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Меркулов Сергей Викторович. Старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Merkulov Sergey Viktorovich. Senior Researcher of the Research and Editorial Publishing Department.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: уголовный процесс; реабилитация; уголовное преследование.

Keywords: criminal process; rehabilitation; criminal prosecution.

УДК 343.1

Власов В.В., Гаврилин С.А.

**ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ,
ПРОВОДИМЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

**DOCUMENTING AND EVIDENTIARY VALUE
OF PRELIMINARY STUDIES CONDUCTED DURING
OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES**

В статье анализируются предварительные исследования, проводимые при проведении оперативно-розыскных мероприятий, порядок их документального оформления, в целях обеспечения их доказательственного значения. Особое внимание уделяется исследованиям, связанным с применением разрушающих методов исследования.

The article analyzes the preliminary studies conducted during the operational search activities, the procedure for their documentation, in order to ensure their evidentiary value. Special attention is paid to research related to the use of destructive research methods.

Под предварительными исследованиями в науке уголовного процесса и в правоприменительной практике понимают исследования, требующие специальных познаний и проводимые в ходе производства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которые предшествуют судебной экспертизе, назначаемой в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. При этом порядок назначения и производства предварительных исследований упрощен по сравнению с судебной экспертизой. Это обусловлено тем, что при назначении предварительных исследований не предусмотрен ряд процессуальных гарантий, а именно: обязательное ознакомление потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), защитника с постановлением о назначении исследования; предупреждение специалиста об уголовной ответственности за дачу за-

ведомо ложного заключения и т.д. Ввиду указанных обстоятельств предварительные исследования обладают меньшей доказательственной значимостью. Вместе с тем предварительные исследования весьма распространены в правоприменительной деятельности правоохранительных органов, так как позволяют получить значимую информацию, требующую специальных познаний, значительно более быстро, нежели это возможно при назначении и производстве судебных экспертиз. Кроме того, важным преимуществом предварительных исследований является возможность привлекать лица, обладающие специальными познаниями в процессе оперативно-розыскной деятельности.

В настоящее время при правоприменительной деятельности правоохранительных органов в рамках уголовного судопроизводства применяются три вида предварительных исследований:

- «исследование предметов и документов» в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД);

- исследование документов, предметов, трупов на стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении сообщения о преступлении в порядке статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

- заключение специалиста на основании части третьей статьи 80 УПК РФ [1].

Наибольшие сложности для использования в качестве доказательств вызывают «исследования предметов и документов», проводимые в соответствии с пунктом 5 статьи 6 ФЗ об ОРД, поэтому мы более подробно рассмотрим порядок их документального оформления для обеспечения доказательственного значения в рамках уголовного судопроизводства.

Спецификой данного вида предварительных исследований является то, что они осуществляются в рамках оперативно-розыскной деятельности и, соответственно, являются непроцессуальными действиями. В правоприменительной практике они служат в первую очередь для проверки полученной информации. Кроме того, следует принимать во внимание, что лицо, производившее исследование в соответствии с ФЗ об ОРД, не является специалистом с точки зрения уголовно-процессуального законодательства, так как в соответствии с частью первой статьи 58

УПК РФ под специалистом понимается лицо, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном указанным кодексом.

Вместе с тем, исследования, проводимые в соответствии с пунктом 5 статьи 6 ФЗ об ОРД, имеют некоторые преимущества перед другими видами предварительных исследований, а именно:

- их возможно проводить как до возбуждения уголовного дела, так и после. Более того, допускается их назначение без регистрации проверяемого факта в книге учета сообщений о преступлениях;

- могут проводиться негласно.

Таким образом, в правоприменительной практике правоохранительных органов возникают ситуации, когда невозможно проведение иных видов предварительных исследований, кроме как в рамках оперативно-розыскной деятельности. В этой связи важно не только получить интересующую информацию, но и обеспечить возможность ее дальнейшего использования в качестве доказательств, а именно иных документов (пункт 6 часть вторая статьи 74 УПК РФ) в случае соответствия их требованиям части первой статьи 88 УПК РФ.

Это особенно важно при проведении исследований, в ходе которых используются разрушающие методы, существенно изменяющие первоначальное состояние представленных объектов и делающие невозможным их дальнейшее исследование.

Процедура назначения и производства предварительных исследований в системе МВД России установлена приказом МВД РФ от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» (далее – Наставление).

Назначение предварительного исследования в экспертные подразделения системы МВД осуществляется на основании письменного задания, которое подписывает руководитель или заместитель руководителя подразделения, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Результаты предварительного исследования оформляются справкой об исследовании, которая подписывается сотрудником, его производившим, и руководителем экспертно-криминалистического подразделения (в горрайлиноорганах – только сотрудни-

ком (пункт 41 Наставления)). При этом предварительные исследования проводятся, как правило, в срок до 5 суток, в исключительных случаях по мотивированному рапорту сотрудника экспертно-криминалистического подразделения – до 10 суток либо в течение времени, необходимого для воспроизведения применяемой экспертной методики (пункт 39.3 Наставления).

В справке об исследовании указываются:

- описание упаковки объектов, перечень и описание объектов, представленных на исследование;
- сведения о разрешении на использование в ходе предварительного исследования видоизменяющих (разрушающих) методов;
- вопросы, поставленные перед специалистом;
- ответы на поставленные вопросы;
- должность, фамилия и инициалы специалиста, проводившего предварительные исследования (пункт 42 Наставления).

Подводя итог, следует отметить, что хотя предварительные исследования, проводимые в ходе оперативно-розыскной деятельности, имеют непроцессуальный характер и уступают в этом аспекте предварительным исследованиям, осуществляемым в соответствии с частью первой статьи 144 УПК РФ и частью третьей статьи 80 УПК РФ, в то же время они имеют ряд преимуществ, а именно они могут проводиться:

- не только в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении в рамках статьи 144 УПК РФ и после возбуждения уголовного дела, но и без регистрации проверяемого факта в книге учета сообщений о преступлениях;
- негласно.

В то же время в правоприменительной деятельности могут иметь место случаи, когда при проведении указанного вида исследования применяются разрушающие методы исследования, существенно влияющие на первоначальное состояние поступивших объектов. В этом случае, если исследование невозможно без использования разрушающих методов и было получено разрешение органов осуществляющих оперативно-розыскную деятельность на их применение, необходимо соблюдать следующие правила:

- при уничтожении части объема поступившего объекта следует указывать его количество, так как в дальнейшем это может иметь большое значение, например, при возбуждении уголовного

дела по делам, связанным незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ;

- если исследование невозможно без полного уничтожения объектов исследования, например, при очень незначительном количестве ДНК, то после возбуждения уголовного дела, в дальнейшем, лицо, проводившее исследование, следует допросить в качестве специалиста.

1. Семенов Е.А., Власов В.В. Как использовать предварительное исследование специалиста до возбуждения дела // Уголовный процесс. 2017. № 5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Власов Виталий Витальевич. Доцент кафедры социально-философских дисциплин, кандидат политических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Vlasov Vitaly Vitalievich. Assistant Professor of the Chair of Social and Philosophical Disciplines. Candidate of Sciences (Political).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Гаврилин Сергей Александрович. Заместитель начальника кафедры социально-философских дисциплин, кандидат социологических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Gavrilin Sergey Aleksandrovich. Deputy Head of the Chair of Social and Philosophical Disciplines. Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: специальные знания; предварительные исследования; справка об исследовании; исследование предметов и документов; доказательства; иные документы.

Keywords: special knowledge; preliminary research; research certificate; research of objects and documents; evidence; other documents.

УДК 343.1

Гаврилин Ю.В.

**ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ВОВЛЕЧЕНИЯ
В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ, НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

**LEGAL MEANS OF PROTECTING MINORS
FROM INVOLVEMENT IN ILLEGAL ACTIVITIES
USING DIGITAL TECHNOLOGIES: EVALUATION
OF EFFECTIVENESS, DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT**

В статье дается анализ эффективности существующего правового инструментария защиты несовершеннолетних от вовлечения в противоправную деятельность с использованием цифровых технологий, также выдвигаются предложения по внесению изменений в законодательство, направленные на повышение эффективности названной деятельности.

The article analyzes the effectiveness of the existing legal tools for protecting minors from involvement in illegal activities using digi-

tal technologies and offers proposals for amendments to the legislation aimed at improving the effectiveness of these activities.

Предупреждение и пресечение противоправных деяний в отношении несовершеннолетних представляет безусловный приоритет в деятельности правоохранительных, а также иных государственных органов. На расширенном заседании коллегии МВД России, состоявшемся 3 марта 2021 года, Президент Российской Федерации подчеркнул опасность вовлечения несовершеннолетних в незаконные несанкционированные уличные акции. При этом особо было отмечено, что для вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность широко используются интернет-технологии [1].

Следует отметить, что статистические данные свидетельствуют об определенных успехах правоохранительной системы в области борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений. Так, по итогам 2020 года на 3,8 % сократилось количество подобных преступлений, одновременно более чем на 42 % сократилось количество преступлений, уголовные дела которых приостановлены на основании пп. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [2]. Тенденция снижения числа зарегистрированных преставлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, продолжилась и в 2021 году, по итогам первого полугодия которого их число сократилось еще на 3,7 % [3].

Несомненно, что приведенные результаты стали возможны во многом благодаря развитию нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в Интернет-пространстве.

Знаковый характер имело принятие Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», статья 5 которого содержит перечень видов информации, обращение которой запрещено в Российской Федерации. В частности, к таковым относятся информация:

- оправдывающая насилие и противоправное поведение;
- вызывающая желание употребления наркотиков;
- направленная на причинение вреда себе и окружающим;
- содержащая сцены сексуального насилия и пр.

Вместе с тем в приведенный перечень не включена информация, побуждающая к совершению противоправных действий, что, очевидно, требует соответствующей реакции со стороны законодательной власти.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержит ряд важнейших положений, направленных на создание возможностей выявления, раскрытия и расследования преступлений в Интернет-пространстве, а именно:

- требование об идентификации организаторами распространения информации в сети Интернет (Интернет-провайдерами) пользователей услуг предоставления доступа в сеть Интернет;
- требование о хранении информации о фактах передачи данных и самом передаваемом контенте;
- требование об ограничении пользования средствами анонимизации и др.

Постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 определяет порядок формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые усилия по обеспечению безопасности в информационном пространстве, особенно для несовершеннолетних, информационно-телекоммуникационные технологии по-прежнему представляют собой средство вовлечения их в противоправную деятельность. На наших глазах происходит цифровая трансформация преступности, когда контактные способы совершения преступлений уступают место дистанционным, исключая непосредственное физическое взаимодействие между субъектами преступления и потерпевшими.

Этому активно способствует широкое распространение средств анонимизации в цифровом пространстве. Последние направлены на подмену либо блокирование информации, позволяющей установить лицо, совершившее Интернет-соединение

(прежде всего, IP-адрес и MAC-адрес) при отправлении того или иного сообщения посредством электронной почты, социальной сети, сервиса мгновенных сообщений и пр. Анонимизация обеспечивает сокрытие подлинных данных о личности пользователя сети Интернет и направлена на воспрепятствование установлению лица, совершающего те или иные действия в виртуальном пространстве, включая противоправные действия. Будучи хорошо осведомленной о методах и средствах оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и экспертно-криминалистической деятельности, современная преступность широко применяет возможности Интернет-сервисов, обеспечивающих анонимизацию действий в цифровом пространстве, используя при этом особенности технического построения и функционирования сети Интернет.

Не обошла цифровая трансформация и процессы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, в частности связанные с незаконным оборотом наркотиков. Так, в 2016 году в неиндексируемом поисковыми сервисами сегменте Интернета появилась торговая площадка «Гидра», осуществляющая услуги по реализации наркотических средств, психотропных веществ, фальшивых купюр, банковских карт, поддельных документов, специального оборудования для слежения, доступа к компьютерной информации и т.д. Платформа содержит в себе интернет-магазины, запрещенные на открытом рынке товаров и услуг, также на ней можно встретить массу предложений о трудоустройстве: от закладчиков и химиков (для изготовления наркотиков) до дизайнеров и промоутеров, которым будет поручено изготовление, реклама и распространение товаров/услуг, предлагаемых продавцами. В настоящее время информационная инфраструктура торговой площадки «Гидра» представляет широкий спектр консультационных, информационных, финансовых, кадровых, управленческих, материально-технических и рекламных услуг. Это делает ее высоко функциональной и востребованной у наркопотребителей и наркосбытчиков.

Цифровая инфраструктура торговой площадки «Гидра» представляет собой удобное средство по вовлечению в криминальный бизнес исполнителей наиболее рискованных операций: закладки тайников с наркотиками, обналичивание в банкоматах денежных средств, полученных преступным путем и пр. Несовершеннолет-

них привлекают высоким доходом, относительно простой работой, не требующей квалификации, простотой вхождения в криминальный бизнес.

Для обеспечения анонимной работы с торговой площадкой «Гидра» используются такие программные средства, как «VPN», «TOR» и др., позволяющие менять IP-адреса, изменять цифровые следы пользователей, что затрудняет отслеживание подобных действий.

TOR (сокр. от англ. The Onion Router) – это система прокси-серверов, позволяющая устанавливать анонимное сетевое соединение; она рассматривается как анонимная сеть виртуальных туннелей, предоставляющая передачу данных в зашифрованном виде. С помощью TOR пользователи могут сохранять анонимность в Интернете при посещении сайтов, ведении блогов, отправке мгновенных и почтовых сообщений. По использованию браузера «TOR» Россия занимает 2-е место в мире (по данным «TOR Метрикс»).

Анонимность при использовании TOR достигается использованием шифрования, туннелирования, использования некешующих прокси-серверов, подменой заголовков сетевых пакетов и данных таким способом, что это не позволяет идентифицировать отправителя.

VPN (сокр. от англ. Virtual Private Network, «виртуальная частная сеть») – сервис, который шифрует Интернет-трафик пользователя и защищает пользователя от идентификации в сети Интернет посредством использования специально создаваемых тоннелей. При использовании сервиса VPN, наряду с шифрованием данных, происходит замена реального IP-адреса на IP-адрес VPN сервера, который зачастую находится за пределами РФ.

В результате в неиндексируемом сегменте Интернет-пространства сформировалась мощная устойчивая криминальная инфраструктура, обеспечивающая вовлечение несовершеннолетних в совершение незаконного сбыта наркотических средств, а также иных преступлений под предлогом возможностей получения значительного дохода, отсутствием требований относительно квалификации и относительной простотой выполняемой «работы».

В целях расширения спектра возможностей органов внутренних дел по установлению лиц, использующих рассмотренные

выше программные средства анонимизации с целью вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, представляются перспективными следующие направления:

1. Рассмотрение возможности использования опыта КНР по реализации проекта «Золотой щит» (великий китайский фаервол) – система фильтрации содержимого Интернет-пространства в КНР, содержащая порядок управления безопасностью, систему информирования о правонарушениях, систему контроля входа и выхода, информационную систему мониторинга, систему управления трафиком и иные компоненты. Как итог – в КНР криминальный маркетплейс «Гидра» не осуществляет свою деятельность. Финансирование мероприятия по формированию данных подсистем возможно в рамках национальной программы «Цифровая экономика».

2. В настоящее время действующее законодательство предусматривает запрет на использование средств анонимизации лишь в случаях, когда они позволяют обходить блокировку сайтов, ограниченных к доступу на территории России (ст. 15.8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»). При этом какой-либо ответственности за использование средств анонимизации действующее законодательство не содержит. Очевидно, что подобная правовая модель не способна эффективно препятствовать широкому распространению использования средств анонимизации в противоправных целях. В связи сизложенным представляется целесообразным введение в законодательство ответственности за нелегальное использование средств анонимизации. Сказанное в полной мере применимо и к технологиям кодирования сообщений, при использовании которых организаторы распространения информации обязаны представлять в уполномоченный орган информацию, необходимую для декодирования таких сообщений.

3. В целом же необходимо изменение общественного сознания относительно приватности в Интернет-пространстве. Интернет должен стать прозрачным и открытым пространством, в котором использование средств анонимизации представляет собой девиацию, требующую реакции со стороны надзорных органов, сравнимой с той, которую влечет появление в центре города

человека в натянутой на лицо шапке с прорезями для глаз. Именно подобное отношение к использованию средств анонимизации как со стороны надзорных органов, так и со стороны общества в целом способно переломить существующие негативные тенденции использования информационно-телекоммуникационных технологий в противоправных целях.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилин Юрий Викторович. Начальник кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, доцент.

Академия управления МВД России.

125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Gavrilin Yuri Viktorovich. Head of the Chair of Management of Crime Investigation Bodies, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125171, Russian Federation, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh st., 8.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии; преступность; средства анонимизации.

Keywords: information and telecommunications technologies; crime; means of anonymization.

УДК 343.1

Гаврилов Б.Я.

РОЛЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

THE ROLE OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION IN PROVIDING CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF A HUMAN AND A CITIZEN

В статье исследуется роль российского уголовно-процессуального законодательства в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина. В этой связи проанализирована эффективность основных уголовно-процессуальных институтов как возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки расследования, предъявление обвинения, процессуальный контроль и прокурорский надзор, упрощенные формы предварительного расследования; представлено авторское видение основных причин внесения законодателем в УПК РФ изменений более, чем 280 федеральными законами. Обосновывается реформирование в рамках действующего уголовно-процессуального закона указанных выше процессуальных институтов как условия обеспечения конституционных прав и законных интересов участников уголовного процесса.

The article examines the role of Russian criminal procedure legislation in ensuring constitutional rights and freedoms of a man and a citizen. In this regard, the authors analyzed the effectiveness of the main criminal procedural institutions such as initiation of a criminal case, procedural terms of investigation, presentation of charges, procedural control and prosecutor's supervision, simplified forms of preliminary investigation; the author's vision of the main factors in the introduction by the legislator of the RF Criminal Procedure Code of more than 280 federal laws is presented. Reforms are substantiated within the framework of the current criminal procedure law of the

above-mentioned procedural institutions as a condition for ensuring constitutional human and civil rights and freedoms.

Влияние эффективности российского уголовного судопроизводства на обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности, автором рассматривается как с точки зрения представителя научного сообщества, так и позиции правоприменителя, посвятившего следственной работе более 30 лет, а также члена рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ, принимавшего на протяжении более 4 лет, после принятия 6 июня 1997 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК, Кодекс) в первом чтении, непосредственное участие в его подготовке ко второму чтению и принятии в третьем чтении и последующем мониторинге вступившего в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ.

С учетом этих обстоятельств считаем необходимым отметить, что внесение в УПК в последующие годы его действия изменений более чем 280 федеральными законами, вовсе не означает низкое качество – что пытаются доказать наши оппоненты и за что Кодекс подвергается критике. У автора есть основания утверждать, что абсолютное большинство внесенных в Кодекс изменений, во-первых, направлены на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, целью которого государством провозглашены защита прав и законных интересов как лиц и организаций, пострадавших от преступной деятельности, так и защита личности, подвергшейся уголовному преследованию от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, в связи с чем в течение двух последних десятилетий законодателем последовательно реализуются меры по снижению уровня уголовной репрессии путем как либерализации уголовного законодательства, так и поддержкой этих мер нормами уголовно-процессуального закона.

Во-вторых, многие изменения обусловлены необходимостью реализации решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) требованиями правоприменителей по совершенствованию конкретных процессуальных правил, регламентирующих процедуры расследования

уголовных дел. Следует учитывать и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, что побуждает законодателя следовать за велением времени, включая сферу уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, автор считает вполне обоснованным критические высказывания в адрес отдельных изменений в УПК в силу того, что отдельные из них носили популистский характер, а часть из поправок, инициированных в том числе высшей судебной инстанцией страны, носили характер контрреформ – например, о правилах изложения доказательств в обвинительном заключении, о возвращении уголовного дела прокурору [5, с. 22–28], что в целом повлекло падение эффективности предварительного расследования и, соответственно, снижение уровня обеспеченности прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Весьма существенными причинами внесения в Кодекс многочисленных изменений явились, по мнению автора, имевшего непосредственную возможность «наблюдать это собственными глазами», и компромиссные решения законодателя в процессе подготовки и принятия УПК, например, при обсуждении с Д.Н. Козаком, предложений бывшего Генерального прокурора РФ В.В. Устинова, пролоббировавшего необходимость получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, что удалось исключить из УПК только через пять лет действия этой нормы, сказавшейся крайне негативно на своевременности начала расследования факта совершенного преступления. Следует также указать, что в процессе разработки УПК законодатель отказался от включения в его проект предложений автора в части дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, изменения процессуальных правил начала расследования, введения в досудебное производство такого участника уголовного процесса, как начальника подразделения дознания, и ряда других – что было реализовано в последующие годы [6, с. 4–14].

Негативно на эффективности положений уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, безусловно, сказалось и то, что при построении концепции нового

УПК его авторам не удалось преодолеть сложившиеся еще в период действия УПК РСФСР заформализованность и забюрократизированность ряда положений Кодекса, которые в УПК 2001 г. «расцвели пышным цветом», следствием чего является низкая эффективность досудебного производства. Свидетельствует об этом и значительное сокращение более чем на треть (с 36 % в 1991 г. до 22 % в 2020 г.) доли направленных следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из числа возбужденных [7, с. 98–102].

Оценивая данное состояние досудебного производства, профессор А.С. Александров [1, с. 7–10] говорит о нем, как о коренном пороке отечественной правовой модели, предлагая при этом отказаться от предварительного следствия с переходом на «прокурорское» дознание. С данным утверждением, возможно, следовало бы согласиться, если бы к этому была готова судебная система. Поэтому предлагаемые изменения, что в условиях России, повлекут за собой разрушение всей системы не только предварительного расследования, без которого суды останутся «без работы», но и организации процессуального контроля расследования преступлений и прокурорского надзора за этим видом государственной деятельности.

К изложенному следует добавить, что негативное влияние на эффективность уголовного судопроизводства, особенно в первые годы действия УПК, оказали и компромиссные решения законодателя при его подготовке и принятии, а также отказ от реформирования еще в тот период времени отдельных процессуальных институтов, что законодатель был вынужден реализовать в последующие годы [2, с. 74–82]. К ним следует отнести переходные положения, предусматривающие сохранение за прокурором до 1 января 2004 года [12] права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также его право на продление срока содержания подозреваемых, обвиняемых под стражей [13]. Последнее обусловило принятие Конституционным Судом РФ постановления от 14 марта 2002 г. № 6-П [14], которым указанные положения были признаны не соответствующим Конституции РФ, что потребовало внесения в Кодекс целого блока изменения еще до момента вступления его в действие [15].

Ведя речь в целом о стабильности закона, следует исходить из мнения профессора В.Т. Томина, утверждающего: «Мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо – первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности», что вряд ли когда будет достижимо» [11, с. 112].

Одновременно, по мнению профессора Л.А. Воскобитовой, необходимо учитывать, что в современных условиях решение проблем уголовного судопроизводства требует выхода за рамки уголовно-процессуальной науки как частной и привлечение к ее развитию достижений смежных наук, необходим переход с аналитико-критического уровня анализа на уровень проактивного прогноза и социального проектирования [4, с. 6–17], с чем, безусловно, автор согласен.

В свою очередь профессор Л.В. Головкин, характеризуя современный УПК, отмечает, что Кодекс «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его «размыл» и дестабилизировал... Легко объяснить «эффект размывания» неким «динамизмом», который якобы присущ нашему времени... Такого рода дискурс, конечно, ожидаем, но от истины, увы, далек, как далеки от нее и сами претензии на какой-то особый динамизм нашего времени» [9, с. 3–7].

Однако с данным утверждением автор не может согласиться, в том числе и по причине того, что к вопросам законотворческой деятельности ему довелось обращаться еще в конце 80-х гг. XX века, когда процесс подготовки и принятия законопроектов «занимал годы». Но главная причина внесения изменений в УПК – стремительное развитие правоотношений, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, что обусловлено, как отмечено выше, реалиями сегодняшнего дня. Ну и наконец, в оппонировании позиции Л.В. Головкина следует еще раз обратить внимание на необходимость реализации потребностей правоприменительной практики в совершенствовании конкретных процедур предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, аргументы чему приведены в тексте статьи.

Переходя к изложению конкретных проблем досудебного производства, автор еще раз считает необходимым указать, что именно низкая эффективность в целом досудебного производства позволяет ставить вопрос о необходимости реформирования его основных институтов, где определяющим выглядит «слом», как отмечено выше, сложившихся еще в рамках действия УПК РСФСР заформализованности и забюрократизированности российского уголовного процесса.

При анализе содержания основных поправок, внесенных в Кодекс, следует обратить внимание наших оппонентов на то обстоятельство, что значительная доля из них обусловлена реалиями правоприменительной практики. В числе наиболее значимых изменений в УПК:

- выведение Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [16] следователей из прямого подчинения прокурорам с последующим образованием Следственного комитета РФ и одновременной передачей от прокурора руководителю следственного органа полномочий по процессуальному руководству следователями; отмена этим же законом полномочия прокурора по согласованию решения следователя, дознавателя, органа дознания о возбуждении уголовного дела, действие которого в течение 5 лет оказывало крайне негативное воздействие на своевременное начало предварительного расследования, чем ограничивалось конституционное право граждан, пострадавших от преступления, на их доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ), а также исключение из УПК права прокурора на возбуждение уголовного дела, которое, как свидетельствует правоприменительная практика, он использовал в единичных случаях;

- введение Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ [17] в качестве участников уголовного процесса начальника подразделения дознания, а в последующем – и начальника органа дознания;

- значительное расширение Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [18] перечня следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении; допуск адвоката с момента начала производства следственных действий в отношении конкретного лица,

причастного к совершению преступления, то есть до возбуждения уголовного дела; введение этим же законом в УПК дознания в сокращенной форме;

- реализация решений ЕСПЧ по делу «Бурдов» и «Бурдов 2 против Российской Федерации» путем внесения Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ [19] в УПК нормы-принципа – ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», в которую в последующие 10 лет были внесены изменения еще 5 законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков (одно это уже свидетельствует об обоснованности внесения в УПК столь значительного количества изменений) и ряд других нововведений, например, включение в УПК института досудебного соглашения о сотрудничестве. На необходимости принятия многих из этих изменений автор настаивал еще в период подготовки и принятия УПК, однако реализовать и только часть из них удалось лишь через 5-10 лет после вступления Кодекса в действие.

С учетом этого и ряда других факторов, приведенных в изложенных выше публикациях автора, его позиция заключается в широком обсуждении в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением до законодателя предложений, предусматривающих внесение изменений не только в конкретные процессуальные нормы, но пересмотр отдельных процессуальных институтов.

Представляется, что эти изменения должны быть направлены на:

- пересмотр положений ст. 162 УПК РФ, предусматривающей возможность продления срока предварительного следствия без его ограничения, что противоречит норме-принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11-П, не должен превышать по уголовным делам 4 лет. Требуется изменения в силу архаичности и содержание ч. 1 ст. 162 УПК о двухмесячном сроке предварительного следствия, перешедшей в современный закон из УПК РСФСР 1922 г.;

- увеличение первоначального (два месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который вместо 5 суток по УПК

РФ в редакции 2001 г., входят, исходя из содержания ч. 1 и ч. 1¹ ст. 221 УПК РФ, от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Данное предложение учитывает и опыт государств с устоявшейся системой правосудия. Так, в Европе первоначальный срок ареста составляет от 100 до 120 суток, а по УПК Италии этот срок составляет 6 месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению прокурора или стороны защиты;

- принципиальный пересмотр института предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. В этой связи следует учитывать, что с принятием указанного выше Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ участие адвоката-защитника сегодня предусмотрено с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении. Более того, анализ действующих норм УПК позволяет утверждать, что фактически нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования уголовного дела. Существенным аргументом за исключение института предъявления обвинения является и то, что в суд за период действия УПК направлено более 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания, без «классического» предъявления обвинения [8, с. 65–73]. Института предъявления обвинения не знает и большинство государств Европы, а сегодня он исключен из уголовно-процессуального законодательства и ряда государств бывшего постсоветского пространства. Кроме того, с позиции ЕСПЧ обвинение это есть обоснованное подозрение [20];

- замена дознания в сокращенной форме, которое как по срокам расследования, так и по объему собираемых доказательств ничем сегодня не различается с дознанием в общем порядке, протокольной формой предварительного расследования, производимого в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния. Данная форма расследования, по

мнению автора, не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела, законодателем должен быть ограничен и перечень обязательных следственных действий, включающий в себя допрос заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего или свидетеля (при отсутствии потерпевшего) совершенного преступления. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания продлевается до 72 часов, необходимых для осуществления судебного разбирательства.

В числе наиболее актуальных проблем, связанных с совершенствованием досудебного производства, автору видится и необходимость исключения из УПК стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,45 млн) на протяжении последних 15 лет снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн (в 2015–2016 гг.) количества «отказных» материалов при фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях [3, с. 74–78].

Предложение автора статьи и других ученых-процессуалистов об исключении из УПК его ст. 146 и 148 обусловлено и требованиями Конституционного Суда РФ [21] и позиции Верховного Суда РФ [10, с. 20–22] к судебнo-следственной практике

в части возбуждения самостоятельного уголовного дела по факту каждого вновь выявленного в рамках расследуемого дела дополнительного эпизода преступной деятельности или выявления нового соучастника преступления, что противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении уже более 60 лет норме о возбуждении уголовного дела.

В этой связи представляется целесообразным направить деятельность научной общественности, практикующих юристов и органов законодательной власти на разработку конкретных предложений по совершенствованию отдельных институтов действующего Кодекса, а не на разработку нового УПК, учитывая в числе других факторов его (УПК РФ) всего 20-летний период действия (УПК РФ 1922 и 1960 гг. действовали по 40 лет).

1. Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5). С. 7–10.

2. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–82.

3. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74–78.

4. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 6–17.

5. Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22–28.

6. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 4–14.

7. Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98–102.

8. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 65–73.

9. Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 3–7.

10. Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. №1. С. 20–22.

11. Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989. 112 с.

12. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ч. 1, ст. 4924.

13. О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2001 г. № 183-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 53, ст. 5019.

14. По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалов: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П.

15. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2027.

16. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон Рос. Федерации от

5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24, ст. 2830.

17. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24, ст. 2833.

18. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 9, ст. 875.

19. О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федер. закон Рос. Федерации от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2145.

20. Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. М.: Норма, 2000.

21. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О. URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Борис Яковлевич. Профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации.

Академия управления МВД России.

125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Gavrilov Boris Yakovlevich. Professor of the Chair of Management of Crime Investigation Bodies, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honoured Scientist of Russia, Honoured Lawyer of Russia.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

125171, Russian Federation, Zoe and Alexander Kosmodemyanskikh st., 8.

Ключевые слова: уголовный процесс; следователь; дознаватель; прокурор; формы расследования; возбуждение уголовного дела; процессуальные сроки; предъявление обвинения; дознание в сокращенной форме.

Keywords: criminal procedure; investigator; interrogator; prosecutor; forms of investigation; initiation of a criminal case; procedural terms; indictment; inquiry in an abbreviated form.

УДК 343.1

Гирько С.И.

**СОВРЕМЕННОЕ УСКОРЕННОЕ ДОЗНАНИЕ –
ШАГ ВПЕРЕД ИЛИ НАЗАД**

**MODERN ACCELERATED INQUIRY –
A STEP FORWARD OR BACKWARD**

В статье на основе высказанных в научной литературе позиций ученых-процессуалистов, а также через призму международных стандартов полицейского дознания анализируется правовая регламентация дознания в сокращенной форме, закрепленная в главе 32.1 УПК РФ, в том числе практика осуществления дознания в сокращенной форме на территории России. Делается вывод о том, что, несмотря на дискуссии ученых, модель ускоренного дознания, введенная в УПК РФ, в целом соответствует предъявляемым требованиям и международным стандартам полицейского дознания – следовательно, является прогрессивным трендом в праве.

The article analyzes the legal regulation of inquiry in an abbreviated form, fixed in Chapter 32.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, including the practice of conducting an inquiry in an abbreviated form on the territory of Russia. On the basis of the positions of procedural scientists expressed in the scientific literature, as well as through the prism of international standards of police inquiry, and regarding the practice of conducting an inquiry in an abbreviated form on the territory of Russia, it is concluded that despite the discussions of scientists, the model of accelerated inquiry introduced in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in general meets the requirements and international standards of police inquiry – hence a progressive trend.

Как известно, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ была введена глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме», которой, по сути, в отечественное судопроизводство было введено осуществление ускоренного досудебного оформления материалов о преступлениях, унифицированного по процессуальной форме и значительно оптимизировавшего деятельность органов дознания, прежде всего полиции, по определенной категории уголовных дел.

В научной литературе продолжается дискуссия о восприятии дознания в ускоренной форме как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс.

Важно и нам оценить нововведение 2013 года диалектически – то есть с различных позиций – и, что еще более важно, с учетом мнений ученых и практиков.

Наиболее доступно мнение противников сокращенной формы дознания выразил А.А. Сумин, который считает, что данную унифицированную процессуальную форму вызвал к жизни «необузданный и, главное, не обусловленный потребностями практики, реформаторский зуд» [1, с. 6].

Пожалуй, что приведенная ссылка на потребности практики, мягко выражаясь, вызывает недоумение, поскольку именно огромное количество несложных и очевидных дел в производстве дознавателей полиции, отвлекающее их от качественного расследования преступлений с более сложной конструкцией состава,

требовало от МВД России постоянно инициировать перед законодательными органами России проблему введения в уголовное судопроизводство унифицированной процессуальной формы.

Другой исследователь, Е.А. Доля, указывает на то, что «мотивы введения дознания в сокращенной форме в таком виде остаются до сих пор неясными» [2, с. 43–46].

Следует отметить, что нами также вскоре, после введения в УПК РФ главы о дознании в сокращенной форме, высказывались определенные прогнозы, в том числе и скептические, по целому ряду особенностей принятой законодателем процедуры [3, с. 2–5]. Проведенные нами позднее исследования, связанные с международными стандартами ускоренного досудебного производства, показали, что введенная в российский уголовный процесс унифицированная форма досудебного производства во многом им соответствует.

В частности, в этом плане следует обратить внимание на требование закона об обязательном ходатайстве подозреваемого о производстве по делу дознания в сокращенной форме. Складывается впечатление, что такое ходатайство получить от виновного достаточно сложно. Между тем опрос в этой части практических дознавателей показал, что они это делают в первоначальном протоколе допроса подозреваемого. Никаких затруднений внешне сложная процедура, регламентированная законом, на практике не вызывает.

Другая проблема, вызывающая дискуссии в научном сообществе, касается вопроса о проведении дознания в ускоренной форме, в отношении конкретного лица и при условии признания им своей вины. По мнению А.Р. Белкина, это «представляется странным» [4]. Высказано также и мнение, что решение вопроса о возбуждении дознания в ускоренной форме «зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя» [6, с. 19–22].

Мы между тем в проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица ничего странного не видим. Более того, унифицированная процедура дознания потому и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений и обладает достоверностью.

Позднее и Б.Т. Безлепкин совершенно обоснованно указывал, что «признание подозреваемым своей вины имеет особое значение среди законных условий производства дознаний в сокращенной форме и образует главную предпосылку для сотрудничества подозреваемого с дознавателем и для сокращения объема процессуальной деятельности по доказыванию» [7, с. 318].

Увязка законодателем вопроса о возможности возбуждения дознания в сокращенной форме с ходатайством подозреваемого нами также ранее воспринималась критически. Такое решение, как нам представляется, должно являться исключительно результатом усмотрения дознавателя с учетом всех обстоятельств дела: его очевидности и признания подозреваемым своей вины, характеристики личности виновного. Никакие иные обстоятельства влиять на принятие решения о возбуждении дознания в сокращенной форме не должны.

Между тем нельзя не учитывать и международную практику ускоренных процессуальных производств, процедур полицейского расследования, принятых и эффективно действующих в зарубежных странах. Следует констатировать, что очевидность преступления, признание подозреваемым своей вины и ее достоверность, согласие виновного на досудебное производство в формате ускоренной процедуры являются определяющими при принятии решения об упрощенном судопроизводстве по конкретному факту как в странах континентальной, так и англо-саксонской систем права.

В среде ученых-процессуалистов достаточно широко дискутируются и проблемы, связанные с доказыванием.

По мнению Б.Т. Безлепкина, «сужение предмета доказывания при осуществлении сокращенного дознания, по сравнению с общим перечнем обстоятельств подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК, не выглядит достаточно обоснованным» [5, с. 316].

Хочется напомнить, что в данном случае речь идет о преступлении с упрощенной конструкцией состава преступления, очевидном, при котором чаще всего лицо, его совершившее, задержано, на месте преступления или вскоре после его совершения, когда оно очевидно и не представляет значительной обще-

ственной опасности. В данном случае все, включая процедуру доказывания, исходит из принципа процессуальной экономии.

С учетом наших рассуждений уместно привести конкретный пример из законодательства, регламентировавшего уголовное судопроизводство в Российской Империи. Так, о целях дознания говорится в п. 15 Инструкции Прокурора Московской Судебной Палаты г. Степанова от 15 октября 1909 г., вступившая в силу с 1 января 1910 года: «По обязанности обнаруживать преступления чины полиции, получив заявления или сведения о совершении преступления, производят дознание для выяснения, совершено ли преступление, и, если совершено, то какое, когда, кем и при каких обстоятельствах» [8]. Вполне лаконично и конкретно.

Пределы доказывания, процесс доказывания как элементы системы работы с доказательствами при производстве дознания в ускоренной форме законодателем также индивидуализированы. С нашей точки зрения, они вполне обеспечивают возможность применения данной процессуальной формы в практике органов дознания. Кроме того, они во многом соответствуют и зарубежной практике полицейского дознания.

Однако не все специалисты в области уголовного процесса разделяют изложенный подход к проблеме. В целом ряде случаев высказываются противоречивые и даже взаимоисключающие позиции. Так, к примеру, Ю.В. Францифоров определяет «правовую составляющую особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, противоречащей основополагающим правилам не только теории доказательств, но и принципам самого уголовного судопроизводства» [9, с. 146–150]. Ему оппонирует Б.Т. Безлепкин, по мнению которого «различные упрощения, допущенные в работе по доказыванию в ускоренном досудебном производстве, теории доказательств не противоречат» [5, с. 321].

Относительно выраженных в различных литературных источниках позиций следует заметить, что проблема правовой регламентации – ускоренной и упрощенной, то есть дифференцированной процессуальной формы, и включения ее в УПК РФ возникла на этапе значительного роста преступности в Российской Федерации. Основная нагрузка по расследованию массовых пре-

ступлений, в основном не относящихся к категории тяжких и средней тяжести, легла на МВД России. Главная идея унифицированной процессуальной формы – ее ускоренный и упрощенный характер. Кстати, с такими же «лекалами» к аналогичным формам полицейского дознания подходят в ведущих зарубежных странах.

Оценивая процессуальную форму дознания в сокращенной форме, как вполне адекватную общественным отношениям, сложившимся в вопросах противодействия массовым преступлениям небольшой и средней тяжести, следует отметить, что, с нашей точки зрения, законодатель не нашел возможности более детально подойти к вопросам регламентации источников доказательств по делам, осуществляемым в форме дознания в ускоренной форме.

В частности, по таким делам доказательственная информация поступает из тех же источников, которые используются при производстве предварительного расследования.

Между тем в рамках ускоренного дознания вряд ли оправдано производство следственных действий, особенно таких, как судебные экспертизы, обыски, следственные эксперименты и некоторые другие.

При этом, конечно, законодатель предусмотрел изъятия из процедур процесса доказывания, применяемого при производстве предварительного расследования: непроведение ряда следственных и процессуальных действий, непроверку определенных доказательств, что само по себе может восприниматься как самостоятельная для ускоренного дознания система доказывания.

Однако мы ведем речь об иной ситуации, аналогичной международным практикам, когда в рамках дознания в сокращенной форме была бы разработана и нашла отражение в законе своя, уникальная только для этой процессуальной формы система доказывания.

В качестве основных источников доказательств здесь можно было бы использовать носители доказательственной информации, содержащиеся, к примеру, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, возможно, и некоторые иные, но это, определенно, тема самостоятельного исследования. Важно, чтобы такие источники доказательств, предмет, пределы и процесс доказывания были уникальны для дознания в сокращенной форме и в своей совокупности воспри-

нимались как система доказывания, имманентная исключительно данной процессуальной форме.

Явилась ли закрепленная в УПК РФ модель дознания в сокращенной форме тем «инструментом», который обеспечивает оперативное расследование незначительных преступлений, обеспечивающим своевременное привлечение лиц, их совершивших, к уголовной ответственности? Заполнило ли дознание в сокращенной форме правовую нишу унифицированного досудебного производства, которую до 1998 года занимала протокольная форма досудебной подготовки материалов?

Однозначно ответить на эти вопросы нельзя, но следует отметить, что из года в год, после введения в УПК РФ главы 32.1, масштабы расследования дел в форме дознания в сокращенной форме возрастают. При этом качество дознания в сокращенной форме имеет достаточно высокие показатели.

Следует отметить, что если в начальный период введения в УПК РФ новеллы – дознания в сокращенной форме правоприменители отмечали отсутствие единой политики поддержки ускоренных производств, то в настоящее время на уровне федеральных структур прокуратуры и органов внутренних дел выработана общая стратегия, направленная на расширение практики ускоренного дознания.

И тем не менее практику активного применения ускоренных производств и по сей день устоявшейся назвать нельзя. Так, при среднероссийском показателе в 28 %, если, к примеру, в МВД по Республике Крым доля производств дознания в сокращенной форме составила – 66,3 %, Республике Адыгея – 59,2 %, УМВД по Тверской области – 57%, то в УМВД по Курской области – 8,7 %, по Орловской области – 13,8 %.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что правовая регламентация дознания в сокращенной форме, в целом, адекватна задачам, стоящим перед этим институтом, и отражает международные стандарты таких производств.

Правоприменители, основными из которых являются дознаватели органов внутренних дел (полиции), принимают организационные меры для того, чтобы распространить практику дознания в сокращенной форме на всей территории Российской Феде-

рации, одновременно расширив масштабы таких досудебных производств.

Таким образом, отвечая на вопрос о том, что же происходит с унифицированным дознанием и регламентирующей его уголовно-процессуальной формой – прогресс или регресс, полагаем, что в сравнении с протокольной формой досудебной подготовки материалов о преступлениях определенной категории, процедура дознания в сокращенной форме стала новационной, поскольку она вобрала в себя многие критические замечания, прозвучавшие от ученых и практиков, во-первых, а, во-вторых, во многом приведена в соответствие с большинством международных стандартов, отечественных практик, лежащих в основе процедур полицейского дознания. Очевидно, что закрепленная в УПК унифицированная процедура, не идеальна и нуждается в дальнейшей доработке и приведении в состояние адекватное тем общественным отношениям и «вызовам», которые будут формироваться в России в перспективе.

1. Сумин А.А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10.

2. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Рос. судья. 2013. № 6.

3. Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Рос. следователь. 2013. № 21.

4. Белкин А.Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием [Электронный ресурс]. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8605> (дата обращения: 23.01.2019).

5. Безлепкин Б.Т. Комментарий к УПК РФ: постатейный. 13-е издание, пераб. и доп. М.: Проспект, 2015.

6. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть VII. Возбуждение уголовного дела. 2-е изд., доп. М.: МГУПИ, 2013.

7. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018.

8. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений Прокурора Московской Судебной Палаты. Сборник и руководство к составлению полицейских протоколов с приложениями. Издание Юридического Книжного магазина И.И. Зубкова, под фирмой Законоведение. С.-Петербург, 1911.

9. Францифоров Ю.В. Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гирько Сергей Иванович. Главный научный сотрудник, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

НИИ ФСИН России.

125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, 15а/1.

Gir'ko Sergey Ivanovich. Principal Researcher, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honoured Scientist of Russia.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Russian Federation, Moscow, Narvskaya st., 15a/1.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме; международные стандарты полицейского дознания; ускоренное досудебное производство; модель ускоренного дознания; организационные меры МВД России; масштабы применения ускоренного дознания.

Keywords: inquiry in the reduced form; the international standards of police inquiry; the accelerated pre-judicial production; model of the accelerated inquiry; organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia; scales of application of the accelerated inquiry.

УДК 343.13

Гладышева О.В.

**ЗАПРЕТЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ
ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ**

**PROHIBITIONS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR
IMPLEMENTATION IN THE APPLICATION
OF PREVENTIVE MEASURES**

Уголовно-процессуальное право составляет основу уголовного судопроизводства. Его содержание, стиль выражения, характер предписаний составляют суть регулирования уголовно-процессуальных отношений, являются залогом эффективности реализации уголовно-процессуального права и предписанных им правил. Неясность содержания, нечеткость выражения того или иного правила, неоднозначность содержания могут повлечь неверное понимание, истолкование и, как следствие, ошибочное применение положений уголовно-процессуального права. Соответственно, большое значение приобретает юридическая техника уголовно-процессуального законотворчества. Заслуживающим внимания в этой части фактором выступает проявление в уголовно-процессуальном праве такого способа регулирования уголовно-процессуальных отношений, как запреты. Результаты проведенного исследования убеждают в том, что такого рода способ регулирования нуждается в совершенствовании. Авторские предложения в этой части изложены в настоящей статье.

The criminal procedure law forms the basis of criminal proceedings. Its content, the style of expression, the nature of the instructions constitute the essence of the regulation of criminal procedural relations, are the key to the effectiveness of the implementation of the criminal procedural law and the rules prescribed by it. The ambiguity of the content, the vagueness of the expression of a particular rule, the ambiguity of the content can lead to a wrong understanding, interpretation and, as a result, erroneous application of the provisions of criminal procedure law. Accordingly, the legal technique of criminal

procedure lawmaking is of great importance. A noteworthy factor in this part is the manifestation in criminal procedure law of such a method of regulating criminal procedural relations as prohibitions. The results of the conducted research convince that this kind of regulation method needs to be improved. The author's proposals in this part are set out in this article.

Современное уголовно-процессуальное право в Российской Федерации демонстрирует тенденцию к достаточно быстрому обновлению. Этот процесс протекает разнонаправленно, затрагивает как фундаментальные положения (например принципы), так и прикладные аспекты отдельных процедур. Можно указать, что за последние 5 лет было принято 94 федеральных закона о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ). Не затрагивая в целом тенденции его совершенствования, концепции происходящей модернизации, отметим следующую деталь: в УПК РФ появилось много запретов.

В 2017 г. УПК РФ был дополнен ст. 450.1, установившей, в том числе, запрет на изъятие в ходе обыска у адвоката иных материалов, за исключением указанных в постановлении суда о разрешении производства этого следственного действия и тех, что изъяты из гражданского оборота. Изъятие иных объектов не допускается, за исключением предметов и документов, изъятых из оборота [1].

В 2018 г. в УПК РФ введена ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий», установившая запрет на изъятие электронных носителей информации, за исключением отдельных случаев [2].

В соответствии с изменениями, внесенными в ч. 1 ст. 259 УПК РФ, опять же в 2018 г. установлен запрет на применение средств аудиозаписи при проведении закрытого судебного заседания [3].

В 2019 г. в ч. 3 ст. 62 УПК РФ установлен запрет на заявление повторного ходатайства об отводе тем же лицом и по тем же основаниям [4].

Можно отметить также, например, изменения в ч. 3 ст. 1 УПК РФ, предписывающие не применять правила международ-

ных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации [5].

Нельзя обойти вниманием и не отметить те запреты, которые были установлены законодателем в отношении предпринимателей, против которых ведется уголовное преследование. Это запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу, а также продления сроков содержания под стражей. В последнем случае ситуация в части запретов представляется особенно проблематичной.

Но прежде обозначим, что запрет в праве представляет собой один из методов регулирования общественных отношений. О запретах в праве в целом и в уголовно-процессуальном праве, в частности, много пишут ученые. Например, А.Г. Братко раскрывает сущность запретов как определение границ свободы конкретного человека, а именно, когда при осуществлении каких-либо действий начинается вмешательство в свободу других людей [6, с. 17]. В.С. Нерсисянц придерживался той позиции, что запрет в правовой науке имеет фундаментальный образ, демонстрирующий саму суть права и правового регулирования и выражающийся через четкое и точное запрещение всего негативного [7].

В современной науке уголовного процесса есть мнение, что запрет, выраженный в уголовно-процессуальной норме, указывает участнику уголовного судопроизводства, а также иному лицу, вовлеченному в уголовно-процессуальные отношения, на недопустимость определенного поведения [8, с. 182]. Есть позиция, что сущность запрета заключается в том, что они устанавливают недопустимость определенного действия, «указывают на юридическую невозможность какого-либо конкретного поведения. Обычно они выражаются словами "не вправе", "не может", "не может быть", "не допускается", "запрещается"» [9].

В целом, мы соглашаемся с теоретическими конструкциями, определяющими сущность запрета, но в определенной части, и полагаем возможным скорректировать его признаки. Так, в уголовно-процессуальном праве запрет может выражать не только недопустимость (как категоричное требование), но и указывать на нежелательность (сослагательность поведения – т. е. допускающего исключения) определенного поведения.

Такого рода условный запрет мы находим, например, в тех случаях, когда законодатель, определяя запрет, сопровождает его условиями выполнения или их совокупностью. Такого рода запреты присущи российскому уголовно-процессуальному праву. В числе подобных примеров можно привести ч. 6 ст. 182 УПК РФ, где предписано, что при обыске не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества.

Можно отметить пп. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, согласно которым запрещается допрашивать адвоката, защитника подозреваемого, обвиняемого по определенному кругу обстоятельств, при условии, что отсутствует их ходатайство о допросе, заявленное с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого.

В ч. 5 ст. 161 УПК РФ установлен запрет на разглашение данных о частной жизни участников уголовного дела без их согласия, а данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, – соответственно, без согласия его законного представителя. Однако в этом запрете, несмотря на отсутствие буквального (текстуального) его выражения, присутствует определенное противоречие. Данные о личности могут представлять ценность не только для самой личности, но и для следователя, дознавателя, являться частью материалов уголовного дела, разглашение которых не допускается уже без разрешения должностных лиц, определяющих также объем этого разглашения.

Получается, что установленный в ст. 161 УПК РФ запрет, не до конца и не в полном объеме предусматривает механизм своего обеспечения. В этой ситуации выполнение такого рода запрета может стать проблемой. Равно как и проблемным будет контроль над надлежащим поведением участников уголовного судопроизводства, обязанных придерживаться этого запрета.

Отмеченная ранее проблематичность применения меры пресечения в виде заключения под стражу к предпринимателям, против которых ведется уголовное преследование, на наш взгляд, заключается как раз в том, что законодатель, установив запрет, снабдил его целой совокупностью весьма непростых условий. Назовем некоторые из них:

– отсутствие обстоятельств, указанных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ;

- подозрение или обвинение должно быть выдвинуто по определенным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации;
- указанное подозрение или обвинение должно быть связано с осуществлением предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией или в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской, иной экономической деятельности.

Также законодатель установил целый перечень статей УК РФ, при производстве которых в отношении предпринимателя заключение под стражу не может быть применено вообще.

Раскрытие содержания этих условий, а также истолкование и уяснение их смысла представляет известную сложность, поскольку в совокупности они изобилуют оценочными и в правовом и терминологическом плане неопределенными понятиями: предприниматель, предпринимательская деятельность, иная экономическая деятельность и др.

Не менее сложным выступает требование, вытекающее из указанных условий и заключающееся в том, что прежде чем решать вопрос о применении заключения под стражу, следователю, дознавателю необходимо установить целый ряд важнейших обстоятельств:

- отношение подозреваемого или обвиняемого лица к предпринимательской деятельности;
- его должностное положение, организационно-распорядительные функции;
- принадлежность имущества.

Как представляется, эти факты могут быть установлены не всегда достоверно в ходе первоначального этапа предварительного расследования. Промедление же с избранием меры пресечения может пагубно сказаться на перспективе расследования. В равной степени губительным для прав предпринимателя может оказаться поспешность избрания меры пресечения.

Подходя к разрешению приведенной ситуации, можно резюмировать, что законодатель устанавливает все более сложные

по своей конструкции запреты. При этом оставляется множество нерешенных вопросов, создающих существенные препятствия в практической деятельности и порождающих такие результаты, которые не решают существующие проблемы, но порождают иные, еще более серьезные.

Как представляется, для уголовно-процессуального права запреты, безусловно, нужны. Однако их существование, формы выражения в законодательных положениях должны быть: а) объективно обусловлены; б) не осложняться множеством условий; в) сопровождаться доступным механизмом контроля исполнения. На примере ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ предлагаем собственную конструкцию запрета, исходя из предполагаемого замысла законодателя:

«1.1. В отношении индивидуального предпринимателя, являющегося подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 частями первой–четвертой, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенных в сфере экономической деятельности, а также статьями 159 частями пятой–седьмой, 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации вне зависимости от сферы деятельности заключение под стражу в качестве меры пресечения при отсутствии обстоятельств, указанных в пунктах 1–4 части первой настоящей статьи, не применяется».

Полагаем необходимым определить в ст. 5 УПК РФ понятие «индивидуальный предприниматель» и «экономическая деятельность».

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ // Рос. газ. 2017. 19 апр.

2. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53 (часть I), ст. 8459.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ // Рос. газ. 2018. 31 июля.

4. О внесении изменений в статьи 62 и 256 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 2 августа 2019 г. № 309-ФЗ // Рос. газ. 2019. 7 авг.

5. О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 8 декабря 2020 г. № 419-ФЗ // Рос. газ. 2020. 11 дек.

6. Братко А.Г. Запреты в советском праве / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 92 с.

7. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. 656 с.

8. Насонова И.А., Халимоненко С.С. К вопросу об уголовно-процессуальном запрете // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 181–185.

9. Аминев Р.Н. Система правовых запретов в уголовном процессе // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. З.Д. Еникеев. Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 163–166.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гладышева Ольга Владимировна. Заведующий кафедрой уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.

Кубанский государственный университет.

350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Gladysheva Olga Vladimirovna. Head of the Chair of Criminal Procedure, Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban.

Kuban State University.

350040, Russian Federation, Krasnodar, Stavropol st., 149.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальное право; запреты; механизм исполнения; предприниматели; заключение под стражу.

Keywords: criminal proceedings; criminal procedure law; prohibitions; enforcement mechanism; entrepreneurs; detention.

УДК 343.852

Грибунов О.П.

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ:
ЗА И ПРОТИВ**

**ISSUES OF IMPROVING THE LEGISLATION
ON GENOMIC REGISTRATION: PROS AND CONS**

В статье приведен краткий анализ зарубежного опыта и возможные варианты развития отечественного законодательства о геномной регистрации. Представлены позиции ученых по вопросу: допустимо ли расширение лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации. На основе статистических данных анализируется степень рационального применения полученной геномной информации при раскрытии преступлений.

The article provides a brief analysis of foreign experience and possible options for the development of domestic legislation on genomic registration. The positions of scientists on the question of whether the expansion of persons subject to mandatory genomic registration is permissible are presented. On the basis of statistical data, the degree of rational use of the obtained genomic information in solving crimes is analyzed.

Вопрос о геномной регистрации и ее использовании в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений в насто-

ящее время не менее актуален в обеспечении законности и правопорядка в государстве. Речь, прежде всего, идет о совершенствовании законодательства в части совершенствования порядка осуществления геномной регистрации. Следует заметить, что данный вопрос является предметом многих дискуссий, а именно – по вопросам нарушений прав человека, материально-технического оснащения правоохранительных органов, механизма учета и хранения персональных данных геномной информации и другое. Не вдаваясь в диспут о целесообразности совершенствования законодательства по данному вопросу, констатируем, что в настоящее время назрела острая необходимость нормативного закрепления либо расширения лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, либо введения всеобщей геномной регистрации.

Анализ литературы последних лет, включая зарубежные источники, показывает, что ни среди ученых, ни среди правоприменителей нет единого мнения, единой позиции относительно порядка совершенствования правового регулирования вопросов геномной регистрации. Действительно, сторонники и противники совершенствования законодательства приводят множество доводов в поддержку своих аргументов. Вне всяких сомнений принятию законодательных новелл должна предшествовать кропотливая работа по изучению и апробации данного вопроса, включая тщательный сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства. Компаративизм в праве всегда способствует подготовке более совершенного нормативно-правового акта, применение которого успешно либо безуспешно реализовано в конкретном государстве.

И такой опыт есть. Заслуживает внимания опыт правового регулирования и практика реализации геномной регистрации США, Германии, Франции, Австралии, Исландии, Великобритании. В законе США о геномной регистрации от 1994 г. (42 USC §14132) включены категории ДНК-данных: образцы ДНК с неопознанных человеческих останков; добровольно собранные образцы ДНК родственников, пропавших без вести, а также лиц, осужденных за преступление, лиц, которым было предъявлено обвинение; образцы ДНК, полученные на месте преступления.

Геномная информация заносится в систему CODIS (Combined DNA Index System) [1, с. 61]. В Великобритании с 1995 г. действует база данных the National DNA Database (NDNAD), во Франции с 1998 г. – Fichier National Automatisé des Empreintes Genétiques (FNAEG), в Австралии с 2001 г. – The National Criminal Investigation DNA Database (NCIDD) [2, с. 117]. В Исландии создан генетический реестр всего населения страны. Заслуживает внимания и опыт Германии, где еще в 1988 году Законом об идентификации личности с помощью анализа ДНК урегулирован порядок использования ДНК анализа в расследовании преступлений [3].

В ст. 7 Федерального закона РФ от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [4] строго регламентирован перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, и этот перечень значительно уже, чем в указанных странах, а именно данному виду регистрации подлежат: 1) лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 2) неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий, а также неопознанные трупы.

Нельзя оставить без внимания проведенный А. Г. Семиходским анализ международного опыта с возможностью его применения в России [5, с. 148]. Опыт работы первой в мире базы данных ДНК в целях выявления, раскрытия расследования и предупреждения преступлений, созданной в Англии еще в 1995 году (NDNAD), наглядно демонстрирует увеличение раскрываемости преступлений в целом на 60 %, а по не тяжким преступлениям – в 3-4 раза [6].

На сегодняшний день в 69 странах мира уже используются криминалистические базы ДНК, а в 34 странах базы находятся на разных стадиях разработки [7].

Вопросы предупреждения преступности, равно как и вопросы раскрытия преступлений и их качественное и своевременное расследование, всегда являются приоритетным направлением в деятельности правоохранительных органов. Вместе с тем, стати-

стические данные свидетельствуют, что, к сожалению, не всегда раскрытие и расследование преступлений осуществляется на должном уровне. Так, в 2020 году зарегистрировано 2044,2 тыс. преступлений (+1 %), при этом остались нераскрытыми 963,8 тыс. преступлений (+5,3 %), из них 941,4 тыс. преступлений (+5,2 %) остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Соответственно, раскрываемость – 51,7 %. Безусловно, такое положение дел оказывает негативное влияние, в том числе, на предупреждение преступности.

Полагаем, позиция противников расширения перечня лиц, подлежащих геномной регистрации, о том, что геномная регистрация нарушает права и свободы человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и т.д. [8, с. 103], беспочвенна, абсолютно не аргументирована и не убедительна, о чем, собственно, и констатирует Ф.Г. Аминев: «Возражая тем, кто считает, что геномная регистрация нарушает право человека на личную жизнь, можно представить следующие доводы: для идентификации личности функционирует множество форм государственной регистрации граждан: паспортная, кредитная, по месту жительства, о браке, рождении, смерти и так далее, против которых никто не возражает» [9, с. 14].

Кроме того, есть решения Европейского суда по правам человека, ключевой позицией которого следует считать, что «в изъятии и хранении ДНК не усматривается вмешательство в частную жизнь» [10]. А закрепленный Указом Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» порядок генетической паспортизации населения будет осуществляться с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирования генетического профиля населения.

Следует согласиться с С.Н. Кубитовичем, что «эффективность раскрываемости преступлений напрямую зависит от объема накопленной в базе геномной информации, а изменение ФЗ в части расширения круга лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, в том числе, следует признать «в качестве

сдерживающего фактора и позитивного влияния на криминогенную ситуацию в России» [11, с. 77], а также может «иметь профилактическое значение и повышение эффективности защиты прав и законных интересов человека и гражданина» [12, с. 166].

А вопросы материально-технического обеспечения функционирования соответствующей деятельности по изъятию, хранению и использованию в раскрытии, расследовании и предупреждению преступлений с учетом современного развития «таких цифровых технологий, как искусственный интеллект и большие данные, позволяют на основе сформированного алгоритма выстроить систему эффективного анализа большого объема генетических данных и принятия быстрых решений» [13, с. 65].

В этой связи обозначенный вопрос в названии статьи в настоящее время считаем неуместным. Споры, диспуты и философские рассуждения «за» или «против» необходимо прекратить и приступить к реализации конкретных законодательных инициатив по совершенствованию соответствующего федерального закона в части расширения лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, что, вне всяких сомнений, положительно скажется на состоянии законности и правопорядка.

Полагаем, что активная законодательная инициатива МВД России, которая на протяжении нескольких лет предпринимает попытки по внесению изменений в соответствующий Федеральный закон, не останется без внимания законодателя [14]. Уверенность вселяет и тот факт, что в ноябре 2020 г. Комитетом Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации (в части расширения перечня лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации)».

1. Льянов М.М. Развитие базы данных ДНК в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 2 (20). С. 59–67.

2. Жога Е.Ю., Васенин А.Ю., Варченко И.А. Роль государственной геномной регистрации в предупреждении, раскрытии и

расследовании преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 117–121.

3. Semikhodskii A. Dealing with DNA Evidence: A Legal Guide. L.: Routledge Cavendish, 2007. 196 с.

4. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ // Рос. газ. 2008. 9 дек.

5. Семиходский А.Г. Криминалистические базы данных геномной информации: международный опыт и возможность его применения в Российской Федерации // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3. № 1. С. 148–183. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.1.148-183.

6. Semikhodskii A., 2007. Dealing with DNA Evidence: A Legal Guide. London: Routledge Cavendish.

7. Machado H. and Granja R., 2020. DNA Databases and Big Data. In: Forensic Genetics in the Governance of Crime. Singapore: PalgravePivot.

8. Мохов А.А. Геномная регистрация в России: проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 7. С. 103–113.

9. Аминев Ф.Г. Об организационном аспекте современной технологии всеобщей ДНК-регистрации граждан // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2 (60) С. 11–17.

10. Van der Vel'den protiv: Reshenie Evropeiskogo Suda ot 7 dekabrya 2006 g., zhaloba no. 29514/05 Problemy bioetiki v svete sudebnoi praktiki Evropeiskogo suda po pravam cheloveka: otch-et o provedenii issledovaniya [Van der Velden V.: Judgment of the European court of Justice of 7 December 2006, complaint No. 29514/05/Bioethics issues in the light of the jurisprudence of the European court of human rights: report of the study]. Evropeiskaya konventsia o zashchite prav cheloveka: pravo i praktika [European Convention on human rights: law and practice]. URL: www.echr.coe.int (Accessed: 15.05.2019) [in Russian].

11. Кубитович С.Н. Биологическая экспертиза и учет геномной информации в России // Вестник экономической безопасности. 2018;(1):72–77.

12. Уварова И.А. Геномная регистрация – основа для расследования преступлений // Правовая культура. 2013. № 1 (14). С. 162–166.

13. Минбалеев А.В. Защита прав субъектов генетической информации в правовом государстве в условиях развития информационного общества // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2(60). С. 57–68.

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации [Электронный ресурс]: проект Федер. закона // Официальный портал проектов нормативных правовых актов Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=31053>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Грибунов Олег Павлович. Проректор по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Байкальский государственный университет.

664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Gribunov Oleg Pavlovich. Vice-Rector for Scientific Work, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Baikal State University.

664003, Russian Federation, Irkutsk, Lenin st., 11.

Ключевые слова: геномная регистрация; раскрытие, расследование, предупреждение преступлений; идентификации лиц; совершенствование законодательства.

Keywords: genomic registration; disclosure, investigation, prevention of crimes; identification of persons; improvement of legislation.

УДК 343.1

Гриненко А.В.

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ
(К 20-ЛЕТИЮ УПК РФ)**

**CRIMINAL PROCEDURAL ANNIVERSARY
(TO THE 20th ANNIVERSARY OF THE CRIMINAL
PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Статья посвящена рассмотрению наиболее важных правил, отраженных в УПК РФ, а также различных проблем, имеющих в уголовно-процессуальном законодательстве в настоящее время. Обосновано предложение создать новую редакцию УПК РФ со сплошной нумерацией статей и глав.

The article is devoted to the consideration of the most important rules reflected in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as well as various problems existing in the criminal procedure legislation at the present time. The proposal to create a new edition of the RF Criminal Procedure Code with continuous numbering of articles and chapters has been substantiated.

В соответствии с положениями Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства (ст. 2). Данное конституционное правоположение распространяется на все сферы жизнедеятельности общества и государства, однако в сфере уголовного судопроизводства оно имеет особую значимость и особое информационное наполнение.

Принятие в 2001 г. УПК РФ взамен ранее действовавшего УПК РСФСР было вызвано объективной необходимостью. Также это стало следствием того, что Российская Федерация ратифицировала целый ряд международных договоров и тем самым взяла обязательства по их имплементации в федеральное законодательство.

Уже первое ознакомление с текстом УПК РФ позволило сделать вывод о его ярко выраженной гуманистической направ-

ленности. В тексте данного акта было сформулировано назначение уголовного судопроизводства, ориентированное на приоритет личности, обеспечение прав, свобод и законных интересов всех вовлеченных в процесс лиц (ст. 6 УПК РФ).

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в УПК РФ, в частности в ст. 7, закреплён приоритет данного акта над иными федеральными законами. Это позволило разрешить существовавшую десятилетия проблему соответствия между уголовно-процессуальным законодательством и иными законодательными актами, действующими на территории страны.

Наряду с этим правило о приоритете УПК РФ над иными федеральными законами не является абсолютным. Если в ином законе содержится процедура, более льготная для лица, вовлечённого в правоотношения, то действует именно она. Так, в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержится правило, позволявшее производить обыск в служебном помещении адвоката только по судебному решению, тогда как в УПК РФ это предусматривалось лишь для случаев, когда обыск производится в жилище. Это повлияло повлекло распространение процедуры обыска по судебному решению и на случаи, когда его (при наличии соответствующих оснований) требуется провести в служебном помещении адвоката.

Но, с другой стороны, если адвокат расположился в ином помещении, а не в том, в котором он осуществляет свою официальную деятельность, данное правило не применяется. То есть в данном случае наличие у лица определенного статуса не означает, что он распространяется на все те места, в которых оно находится.

Весьма значимым обстоятельством стало то, что в УПК РФ получили развернутое нормативное выражение принципы уголовного судопроизводства. Если ранее под ними понимали некие абстрактные идеи о надлежащей организации и осуществлении производства по уголовным делам, то в гл. 2 УПК РФ они были закреплены в виде системы норм-предписаний высшей юридической силы.

Вместе с тем, несмотря на достаточно четкое законодательное выражение принципов, дискуссии относительно их системы и содержания продолжились.

Так, ряд ученых до настоящего времени настаивает на существовании принципа публичности, в соответствии с которым на соответствующие органы и должностных лиц возложена обязанность возбуждения уголовных дел вне зависимости от мнения каких бы то ни было заинтересованных лиц.

Вместе с тем законодатель в этом случае осознанно исключил требование публичности из системы принципов, подчеркнув приоритет интересов личности над интересами общества и государства, как это закреплено в Конституции РФ. Что же касается публичности, то в настоящее время этому правилу посвящена гл. 3 «Уголовное преследование» УПК РФ, и оно не утратило своей значимости и регулятивных возможностей.

Весьма значимым изменением стало то, что в 2013 г. в УПК РФ был добавлен новый принцип – независимость судей (ст. 8.1). В нем содержится важное правило, устанавливающее, что судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них, а любое вмешательство в их деятельность запрещено и влечет за собой установленную законом ответственность.

Все здесь верно, однако непонятно, почему законодатель не распространил данные положения на деятельность иных должностных лиц уголовного судопроизводства, ведь они также должны быть ограждены от постороннего вмешательства при реализации своих полномочий.

До принятия УПК РФ имелась и дискуссия относительно участников уголовного судопроизводства. Так, было неясно, что именно следует понимать под участниками, а также на какие группы они могут быть классифицированы.

Что касается определения, то оно приведено в ст. 5 УПК РФ, где в п. 58 указано, что участники уголовного судопроизводства – это лица, принимающие участие в производстве по уголовному делу. Вместе с тем данное определение, по сути, является тавтологией, ведь первая его часть повторяет вторую. Чтобы объяснить сущность института участия в уголовном судопроизводстве, следует обозначить участников как совокупность орга-

нов и должностных лиц, которые осуществляют уголовное судопроизводство, в связи с чем наделены соответствующими полномочиями, а также лиц, вовлеченных в процесс, в результате чего законодатель предоставил им определенные права и возложил на них ряд обязанностей.

В качестве основания классификации участников уголовного судопроизводства использованы положения принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ), согласно которым все участники подразделены на: суд; участников со стороны обвинения; участников со стороны защиты; иных участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем последняя группа участников не вполне вписывается в общий критерий их классификации. Так, свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, сообщая определенные сведения, соответствующие действительности, объективно содействуют установлению обстоятельств дела и тем самым осуществлению правосудия. Поэтому было бы целесообразным эту группу участников соответствующим образом переименовать.

Долгое время уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность существовали как бы параллельно. Человек вначале изобличался в совершении преступления путем производства оперативно-розыскных мероприятий, а затем сведения о нем (вместе с ним самим) передавались следователю. В материалах же уголовного дела результаты ОРД как таковые отсутствовали, а обнаруженные обстоятельства в лучшем случае отражались в рапорте.

Несмотря на настоятельную необходимость, в ст. 89 УПК РФ, посвященной использованию в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, содержится, по сути, запретительная норма о том, что использовать такие результаты нельзя, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом.

Такая норма привела к существенному снижению эффективности деятельности по раскрытию преступлению оперативно-розыскным путем. Чтобы преодолеть эту проблему, в настоящее время разработана инструкция, которая позволяет рассекретить материалы и приобщить их к уголовному делу с сопроводительным рапортом. Тем самым результаты стали использоваться не-

посредственно, путем ссылки на них в процессе доказывания как на «иные документы».

Вместе с тем такая процедура далека от совершенства, поскольку в ходе оперативно-розыскной деятельности возникает значительно больше ситуаций, в которых нарушаются права лиц, вовлеченных в соответствующие отношения. Было бы целесообразным закрепить порядок использования результатов такой деятельности непосредственно в УПК РФ.

В настоящее время существуют две основные формы предварительного расследования преступлений – предварительное следствие и дознание, в котором, в свой черед, выделяется дознание в сокращенной форме. В результате ряда изменений дознание процедурно с предварительным следствием фактически сравнялось и различается лишь по подследственности.

В этой связи представляется целесообразным соединить предварительное следствие и дознание в единую форму предварительного расследования, а под дознанием понимать ту деятельность, которая в настоящее время именуется дознанием в сокращенной форме.

В судебных стадиях также было введено множество нововведений как в первоначальной редакции УПК РФ, так и в ходе последующих изменений. В результате появилось значительное число статей и глав с новой нумерацией, что порождает сложности в их использовании.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным принять новую редакцию УПК РФ, где все внесенные в текст закона изменения привести в стройную систему, с новой сплошной нумерацией.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гриненко Александр Викторович. Профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Российская Федерация, 119454, г. Москва, просп. Вернадского, 76.

Grinenko Aleksandr Viktorovich. Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honoured Lawyer of Russia.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

119454, Russian Federation, Moscow, Vernadsky ave., 76.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовное дело; стадия; принцип; участники уголовного судопроизводства; результаты оперативно-розыскной деятельности; формы предварительного расследования.

Keywords: criminal proceedings; criminal case; stage; principle; participants in criminal proceedings; the results of operational-search activities; forms of preliminary investigation.

УДК 343.1

Гришин А.В.

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРОКУРОРА В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ON THE LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

В данной статье говорится о правовом положении прокурора в современном уголовном судопроизводстве. Поддерживая обвинение, прокурор руководствуется законом и своим внутренним убеждением, основываясь на всех обстоятельствах дела. Если в результате судебного процесса прокурор придет к выводу, что данные предварительного расследования и судебного следствия не убедительны и остаются сомнения в виновности под-

судимого, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа.

This article deals with the legal status of the prosecutor in modern criminal proceedings. In supporting the prosecution, the prosecutor is guided by the law and his inner conviction, based on all the circumstances of the case. If, as a result of the trial, the prosecutor comes to the conclusion that the data of the preliminary investigation and the judicial investigation are not convincing and there are doubts about the guilt of the defendant, he is obliged to drop the charge and state the reasons for the refusal to the court.

Всякий судебный процесс по рассмотрению уголовного дела решает важнейшие вопросы: о виновности или невиновности подсудимого, о гражданском иске, о наличии вреда интересам общества и государства, при имеющем место в законодательстве смещении акцентов в сторону усиления процессуальных полномочий и гарантий прав обвиняемого в ущерб правам жертв преступления [1], в целях качественного их разрешения в уголовном судопроизводстве предусмотрен ряд принципов, которыми должны руководствоваться все участники процесса, а в особенности – прокурор.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, который уполномочен в пределах компетенции, установленной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование, ставя во главу угла «защиту прав лиц, пострадавших от преступных посягательств» [2; 3] в ходе уголовного судопроизводства. ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» дополняет это определение, указывая в чч. 1, 2 ст. 35, что прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами, и, осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя.

Разумеется, центральным звеном в уголовном судопроизводстве является суд, однако и прокурор обладает обширными полномочиями практически на всех его стадиях. В силу различного толкования положений закона и существующей практики этот во-

прос имеет большое значение как для ученых-теоретиков, так и для практикующих работников.

Важность этого вопроса обусловлена также тем, что функция поддержания государственного обвинения осуществлялась прокуратурой практически с момента ее создания в 1722 г., а начиная с 1922 года, была непосредственно связана с надзором за исполнением законов – то есть государственное обвинение и прокуратура неразрывно связаны друг с другом почти триста лет.

В российском уголовном процессе обязанностью прокурора в суде первой инстанции является не только доказывание виновности подсудимого, но и предупреждение необоснованного, при отсутствии достаточных доказательств, признания подсудимого виновным и его осуждения. Прокурор выступает также гарантом прав и свобод подсудимого, как и всех других граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, т.е. осуществляет правозащитную функцию. Органы прокуратуры, участвуя в уголовном судопроизводстве, призваны содействовать суду в его деятельности. Вне всякого сомнения, содействие это является весьма важным, публичным, поскольку осуществляется от имени государства, но вторичным по отношению к суду. Содействие реализуется во взаимодействии прокурора и суда, при этом оптимальность организации данного взаимодействия в значительной мере обусловлена уровнем внутренней организации внутрисистемных и внешне функциональных видов деятельности – как органов прокуратуры, так и судов [4].

Такое понимание роли прокурора в суде соответствует конституционному положению о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства.

В судебном процессе основная функция прокурора – это поддержание государственного обвинения, что не означает отсутствие у прокурора возможности от него отказаться. Прокурор не может и не должен быть заинтересован в осуждении невиновного, так как в отличие от защитника участвует в уголовном судопроизводстве не в личном качестве, а как представитель государства, что накладывает на него особые обязанности: содействовать всестороннему и объективному предварительному расследованию и разрешению уголовного дела; реагировать на любые нарушения

закона, от кого бы они не исходили; отказаться от обвинения в случае, если оно не нашло подтверждения в суде. Поддерживая обвинение, прокурор руководствуется законом и своим внутренним убеждением, основываясь на всех обстоятельствах дела. Если в результате судебного процесса прокурор придет к выводу, что данные предварительного расследования и судебного следствия не убедительны и остаются сомнения в виновности подсудимого, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа.

Свои полномочия в уголовном судопроизводстве прокурор осуществляет независимо от иных органов и должностных лиц, подчиняясь закону и руководствуясь также ведомственными актами, приказами Генерального прокурора. При этом прокурор не осуществляет надзор непосредственно за судом, а только за соблюдением законов в уголовном процессе.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает равенство сторон при рассмотрении дела и не наделяет прокурора никакими привилегиями перед иными участниками судебного разбирательства (например, по представлению доказательств, исследованию доказательств, подаче ходатайств). Впрочем, тот же закон придает прокурору статус, отличный от процессуального статуса других участников судебного процесса, с целью создания необходимого минимума условий для успешного выполнения прокурором возложенных на него функций. Об отсутствии полного равенства сторон пишут, например, Л.Б. Алексеева и Л.С. Курочкина. По мнению Л.Б. Алексеевой, равноправие проявляется в анализе и интерпретации имеющихся в материалах дела доказательств, вдругом равноправия быть не может [5]. Л.С. Курочкина указывает, что права прокурора и адвоката равны, а вот обязанности различны – адвокат действует от имени своего подзащитного, а прокурор должен защищать и подсудимого, и потерпевшего [6].

Не можем согласиться с указанным утверждением, так как прокурор, в отличие от адвоката, имеет право в ходе судопроизводства по уголовному делу отказаться полностью или в части от поддержания государственного обвинения, однако адвокат, принявший на себя поручение о защите, не вправе отказываться от защиты поверенного.

Более близка позиция дореволюционного русского юриста В. Случевского, заключающаяся в том, что на практике уравнивать

стороны невозможно: «Полная равноправность сторон – это идеал, к которому стремятся законодательства, его, однако же, никогда полностью не достигая. Для жизненного осуществления этого принципа недостаточно признания равенства в правах сторон, а нужно, чтобы оно проявлялось и в равенстве средств и действий... Прокурор является не исключительно стороной, но и представителем законности...» [7]. Действительно, решая вопрос о равенстве сторон, большинство ученых сравнивают только права, совершенно забывая об обязанностях, то есть этот вопрос они рассматривают только с одной стороны. Иначе говоря, участие прокурора в уголовном судопроизводстве не ограничивается только поддержанием обвинения. Задача прокурора во всех стадиях процесса, кроме того, своим участием содействовать правильному в соответствии с законом разрешению дела [8].

Подводя итоги, следует отметить, что правовое положение прокурора в уголовном судопроизводстве определяется его особым процессуальным статусом как представителя государства, осуществляющего не только доказывание виновности подсудимого, но и надзор за соблюдением закона, что призвано содействовать всестороннему и объективному разрешению уголовного дела в полном соответствии с установленным порядком судебного процесса. Положение прокурора в судебном процессе отличается от его статуса в досудебной стадии уголовного судопроизводства. В судебном процессе прокурор утрачивает властные полномочия и участвует в качестве стороны. При этом сам прокурор на всех стадиях судопроизводства должен быть образцом дисциплинированного поведения, уважать не только суд, но и сторону защиты и иных участников процесса. И хотя все распоряжения председательствующего касательно судебного разбирательства имеют обязательный характер и для прокурора, в то же время в случае своего несогласия с ними и наличия сомнений в их законности и обоснованности прокурор не только имеет право, но и обязан их обжаловать.

1. Гришин А.В., Гришина М.В. Уголовно-процессуальная политика государства по противодействию преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: современные проблемы реализации // Научный вестник Орлов-

ского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 3 (76). С. 32–35.

2. Гришин А.В. Проблемные аспекты осуществления уголовного преследования за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3 (82). С. 61–66.

3. Гришин А.В., Гришина М.В. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением расследования преступлений, совершенных коммерческими (торговыми) представителями либо контрагентами в случае злоупотреблений правом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 3 (68). С. 40–42.

4. Ергашев Е.Р. Содействие прокурора осуществлению правосудия // Рос. юстиция. 2007. № 7. С. 65–66.

5. Алексеева Л.Б. Прокурор в судопроизводстве по УПК РФ // Рос. юстиция. 2002. № 2.

6. Курочкина Л.С. Участие прокурора в предварительном слушании // Уголовное право. 2007. № 4. С. 89–92.

7. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб., 1913. С. 84–85.

8. Скуратов Ю. Полномочия прокуратуры во взаимоотношениях с судебной системой // Рос. юстиция. 1999. № 3. С. 14.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришин Андрей Владимирович. Начальник кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Grishin Andrey Vladimirovich. Head of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: государственное обвинение; прокурор; управление правосудия; УПК РФ.

Keywords: state prosecution; prosecutor; administration of justice; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

УДК 343.13

Гришина Е.Б.

ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА

CONCEPT, MEANING AND PROCEDURAL PROCEDURE FOR CARRYING OUT THE INVESTIGATIVE INSPECTION

Статья посвящена понятию, значению и процессуальному порядку проведения следственного осмотра.

The article is devoted to the concept, meaning and procedural order of conducting an investigative examination.

Ход и расследование по уголовному делу, умение качественно произвести следственные действия во многом зависят от следователя. Последовательность проводимого следственного действия должна обеспечивать всю полноту и объективность, всесторонность исследования обстоятельств каждого совершенного преступления. На этих условиях и образуется та самая важная и достаточная база доказательств, которая сыграет роль для принятия законных и процессуально обоснованных решений по открытому уголовному делу [1].

На наш взгляд, наиболее распространенным и важным следственным действием является осмотр. Ведь осмотр это достаточно эффективный способ получения информации по уголовному делу непосредственно самим следователем. Информация содержит в себе те или иные доказательства, в последующем которые

следователь собирает и уже исследует в процессе осмотра. Такая информация может содержаться и в сведениях, которые выясняются в процессе подготовки и проведения осмотра – то есть опрос очевидца, какие-то личные мысли и впечатления лица, возникшие на фоне места происшествия. В случаях, когда следователь лично понимает, что полученная им информация имеет доказательный характер, тогда он использует ее для доказывания.

Закрепленного определения следственного действия – осмотра – нет. Но с научной точки зрения, осмотр – это непосредственное восприятие следователем с помощью органов чувств объектов, которые обнаружены в каком-либо месте и в ходе их изъятия. В процессе исследования, как самим следователем, так и приглашенными экспертами, специалистами выявляется значимость всех объектов, обнаруженных при осмотре. Затем нужные объекты выступают вещественными доказательствами, вдобавок являются другими обстоятельствами, которые, в свою очередь, имеют значения для разрешения дела.

Главным лицом, фигурирующим в осмотре, является следователь, который, в свою очередь, помимо того, что соблюдает защиту здоровья участвующих лиц, также бережет то имущество, которое находится на месте осмотра.

При самом проведении следственного осмотра следователь должен характеризоваться такими качествами, как наблюдательность, внимательность и терпеливость. Ведь, когда следователь совершает поспешный и поверхностный осмотр, есть большая вероятность потерять объекты осмотра, и тем самым он не помогает самому себе, а наоборот, создает препятствия и дополнительные трудности в дальнейшем раскрытии преступления. Одной из главных обязанностей следователя является его организация в проведении осмотра, так как недопустимо оставить какой-либо объект вне поля зрения. Версии, которые возникают у следователя, по большей части зависят от обнаружения и исследования найденных объектов. Нужно понимать, что весомость этих объектов может показаться лишь после специального исследования их экспертом или их сопоставление с полученными доказательствами [2].

Что касается процессуального порядка следственного осмотра, то он закреплен в нормах статей 176–180 УПК РФ. Со-

держание их говорит, что при следственном осмотре следователь всегда обеспечивает присутствие не менее двух понятых, но все же есть право выбора: с использованием технических средств или в присутствии понятых. Права и ответственность, предусмотренные статьей 60, оглашаются следователем понятым перед началом проведения следственного осмотра. Необходимым является и то, что следователь на протяжении проведения следственного осмотра обеспечивает условия для непосредственного восприятия понятыми или другими участниками данного следственного действия свойств объекта как в целом, так и индивидуальные особенности осматриваемого объекта. Кроме того, у следователя также есть альтернатива привлечь обвиняемого к участию в осмотре или подозреваемого, свидетеля, потерпевшего. У исполнителя следственного осмотра присутствует возможность пригласить для участия в данном действии таких лиц, как криминалиста, медика, специалиста в определенной области, которые не заинтересованы в ходе расследуемого дела, но обладают специальными знаниями, которые могут помочь в ходе осмотра. По окончании проведения следственного осмотра следователь выявляет, в первую очередь, у понятых, наличие заявления по поводу произведенных им действий.

Не менее важным является поведение понятых и других участников при проведении следственного осмотра. Каждый участник, к примеру, предупрежден, что сложившаяся обстановка на месте не должна быть повреждена, и ничто не должно повлечь за собой изменения следов происшествия. Ко всему этому следует, что разглашение данных предварительного следствия без разрешения следователя – незаконно, о чем говорит нам статья 310 УК РФ.

Одно из главных условий проведения следственного осмотра – это закрепление объектов, в которых содержится доказательная информация. Поэтому делается вывод, что это в своей мере совокупность познавательных и удостоверительных операций. Для каждого следственного действия такие операции являются индивидуальными и в какой-то мере специфическими, но всех их объединяет то, что они направлены на получение сведений [3].

Необходимо иметь в виду, что существуют отличия от следственных действий, регламентируемых уголовно-процессуальным законом, от оперативно-розыскных действий, регламентиру-

емых Федеральным законом Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которые нацелены на раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, которые их совершили. Прямо в законе указаны действия, такие как опрос граждан, наведение справок, оперативное внедрение, оперативный эксперимент и другие. Посредством таких действий также получают сведения, содержащие обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. Но отличия в том, что те сведения, которые были получены в ходе оперативно-розыскного действия, не могут служить в дальнейшем доказательствами. Дело в том, что эти самые сведения не облечены в процессуальную форму, и также они добываются особыми способами, у которых нет гарантий их достоверности. Информация, полученная путем перечисленных оперативно-розыскных мероприятий, направлена на то, чтобы были созданы необходимые условия для проведения уже процессуального следственного действия. Все потому, что именно при помощи указанных действий в ходе расследования становится очевидно, кого можно допросить в качестве конкретного процессуального статуса, а также провести обыск, выемку или же предъявить обвинение в совершении конкретного преступления.

Одним из важных этапов осмотра является фиксация всего процесса и результат данного следственного действия в протоколе осмотра. В протоколах осмотра в обязательном порядке описываются все совершенные в нем действия и, конечно, все обнаруженные и зафиксированные объекты при осмотре в той последовательности, в которой и производился сам осмотр; и в том виде, в котором обнаруженное наблюдалось в момент осмотра. Вместе с обнаруженными объектами перечисляются и описываются предметы, которые были изъяты при осмотре. В нем указывается время, какая погода была, какое освещение, какие технические средства применялись и какие в итоге получились результаты. Фиксируется, как опечатаны и какой печатью изъяты и заверены предметы, и дальнейшее их направление.

Очень важно обратить внимание на два момента. Первый заключается в том, что если при составлении протокола, следователь осматривает объект, который доподлинно ему не известен, он его ранее не встречал, а также не понимает его функциональ-

ное предназначение и даже названия объекта, то в этом случае он назначает экспертизу для установления характеристик данного объекта. Вторым моментом является недопустимость никаких личных предположений, версий или оценки, выводов о самой сути произошедшего события, которое способствовало проведению следственного осмотра, все это не должно быть отражено в протоколе осмотра, так как в протоколе, как и говорилось выше, записываются только выявленные факты и только факты [4].

Необходимым моментом является то, что осмотр, как и все следственные действия, совершается следователем, в первую очередь, в соответствии с уголовно-процессуальным законом.

1. Хичибеева Е.И. Осмотр в системе следственных действий в российском уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 2. С. 64–68.

2. Власов А.А. Уголовный процесс: учебное пособие, 2015. С. 11–13.

3. Францифоров Ю.В., Манова Н.С. Уголовный процесс: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2020. С. 232–234.

4. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. М.: Проспект, 2019. С. 98–100.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Елена Борисовна. Преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Grishina Elena Borisovna. Teacher of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: следственный осмотр; уголовное дело; уголовное преследование.

Keywords: investigative examination; criminal case; criminal prosecution.

УДК 343.1

Гришина М.В., Гришин А.В.

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ИЗЛОЖЕНИЯ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ ПРОКУРОРОМ
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАДИИ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
И ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ**

**ON THE QUESTION OF SOME FEATURES
OF THE STATEMENT OF THE POSITION
BY THE PROSECUTOR AT THE FINAL STAGE
OF THE TRIAL STAGE AND DURING
THE REVIEW OF JUDICIAL ACTS**

В данной статье говорится о некоторых особенностях изложения своей позиции прокурором на заключительном этапе стадии судебного разбирательства и при пересмотре судебных актов.

This article deals with some features of the presentation of the prosecutor's position at the final stage of the trial stage and during the review of judicial acts.

Прокурор – это юрист со стороны государства; представляемые им документы должны быть безупречны во всех аспектах.

Речь прокурора несет важную для осуществления уголовного преследования нагрузку – она помогает суду правильно оценить исследованные в ходе судебного следствия доказательства. Прокурор должен дать оценку всем имеющимся в распоряжении обвинениям на момент окончания судебного следствия доказательствам с учетом возможных изменений их значимости [1].

Как пишет Ю. Кореневский в своей статье «Государственное обвинение: какая реформа нужна?» со ссылкой на Х. Аликперова, по выступлению прокурора в суде люди в значительной мере судят об уровне работы прокуратуры. Причем не только по тому, сумел ли прокурор отстоять обвинение, но и насколько он строго следует закону, соответствует ли его выступление, да и вся деятельность в процессе, требованиям объективности, правовой и общей культуры, нравственным нормам [2].

Судебные прения включают в себя основную речь и реплику, в которых участники высказывают свою позицию по уголовному делу, подводя своим выступлением своеобразный итог.

Согласно ч. 3 ст. 292 УПК последовательность выступлений в прениях определяется судом, однако во всех случаях государственный обвинитель выступает первым. Следует отметить, что и здесь законодатель выделяет сторону обвинения относительно стороны защиты, как и в случае с определением порядка исследования доказательств. Последними выступают подсудимый и его защитник, а после выступлений у сторон есть право на одну реплику; последняя реплика также принадлежит стороне защиты.

Ч. 7 ст. 292 УПК дает сторонам право после прений и до удаления суда в совещательную комнату представить суду в письменном виде свои формулировки по вопросам: 1) доказано ли деяние; 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый; 3) подробное изложение квалификации; 4) мнение по вопросу виновности лица; 5) подлежит ли подсудимый наказанию; 6) указание на наличие обстоятельств, предусмотренных ст. 61–63 УК РФ.

Для успешного проведения судебных прений государственный обвинитель должен надлежащим образом подготовиться, как и перед другими стадиями судебного разбирательства.

Подготовка к прениям начинается уже при подготовке государственного обвинителя к участию в процессе. Так, изучая материалы дела, составляя схемы, таблицы и конспекты, анализируя имеющуюся информацию и тенденции к ее изменению, прокурор продумывает степень доказанности вины обвиняемого, решает вопрос о квалификации его действий. Далее на судебном следствии прокурор изучает имеющиеся доказательства, получает новые и в итоге этой стадии «формирует» определенную доказательственную базу, с которой будет работать в прениях. На судеб-

ном следствии государственный обвинитель изменяет и дополняет свою обвинительную речь, включая туда показания участников, данные непосредственно как на стадии предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства, а также замечания представителя защиты, которые будет оспаривать в прениях.

Таким образом, при вдумчивом участии государственного обвинителя в судебном разбирательстве, его профессиональном подходе к изучению дела перед стадией судебных прений у него будет практически готовая речь; потребует разрешения лишь вопрос квалификации и меры наказания. А может быть наоборот – когда предъявленное обвинение не будет подтверждено, доказательства признают недопустимыми, тогда прокурору придется произносить совершенно противоположную речь.

Итак, выступая в прениях, государственный обвинитель излагает свою позицию по уголовному делу и стремится сформировать у судей определенное внутреннее убеждение, доказать, что обвинение является обоснованным. Участие в прениях – сложная процедура; в ней подводятся итоги всему процессу, поэтому государственный обвинитель должен грамотно провести выступление, ориентируясь как на процессуальные, так и на судебно-психологические, этические аспекты, применить навыки красноречия и риторики. Помня о том, что сотрудники прокуратуры должны быть образцом нравственной чистоты и профессионализма, подчеркнем, что государственному обвинителю следует не допускать унижения человеческого достоинства подсудимого, иронизировать и оскорблять его. Такое поведение прокурора, направленное на демонстрацию отрицательных свойств личности подсудимого, может привести к совершенно противоположному результату – негативному отношению суда и других участников процесса к самому оратору. Существует достаточно большое количество публикаций как ученых-юристов, так и психологов, социологов, которые в своих работах раскрывают основы человеческой коммуникации, секреты убеждения и способности вызывать доверие со стороны слушателей. Полагаем, что каждому государственному обвинителю следует ознакомиться хотя бы с некоторыми из них, поскольку знания о самых эффективных и простых способах установить контакт с другими участниками процесса, несомненно, принесут ему ощутимую пользу.

Государственный обвинитель не может ссылаться на доказательства, которые не исследовались в процессе, поэтому, работая с делом, важно проконтролировать, все ли доказательства стороны обвинения были проанализированы, оглашены в суде.

Одной из ошибок начинающих (и не только) государственных обвинителей является то, что они стесняются просить время для подготовки к прениям. Бывает ситуации, когда суд торопит стороны, чтобы скорее рассмотреть дело, или сторона защиты к прениям уже готова, и от прокурора требуют немедленно после судебного следствия переходить к стадии прений. С абсолютной уверенностью можно сказать, что поспешный, не подготовленный переход прокурора к стадии прений может стать причиной бесповоротного провала стороны обвинения в процессе. Поэтому рекомендация о перерыве перед стадией прений является полезной и практически оправданной.

Вторая ошибка начинающих государственных обвинителей в том, что они избегают упоминания в своей речи сложных/проблемных моментов дела, умалчивают о пробелах следствия. Такое поведение может сказаться на обвинении негативно: сторона защиты не упустит случая сказать об этих зыбких местах и выставить их лучшим для себя образом. Пусть следствие допустило ошибку, задача прокурора следить за тем, чтобы приговор был законным и обоснованным, а подсудимому назначено справедливое наказание; личное указание прокурора на допущенные нарушения лишь подчеркнет его объективность и лишит сторону защиты возможности поколебать его позицию.

Третья ошибка многих начинающих государственных обвинителей состоит в том, что они воспринимают речь как перечисление доказательств, в то время как она направлена на подведение итогов; участники судебного разбирательства ознакомлены со всеми доказательствами; задача государственного обвинителя сделать грамотный вывод, ясный и недвусмысленный, проанализировав имеющиеся данные таким образом, чтобы доводы защиты были опровергнуты.

Так мы плавно подошли к структуре обвинительной речи. В общем виде эта структура имеет три элемента:

1) вступление – представление обвинения, предъявленного подсудимому; позиция государственного обвинения по этому вопросу и подготовка слушателей к следующей части речи;

2) аналитическая часть – в ней описывается фабула (согласно обвинительному заключению), потом анализируются и оцениваются собранные в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства доказательства. При этом обстоятельства, излагаемые в речи прокурора, можно представлять в трех формах:

- систематической – представление обстоятельств дела в той последовательности, в какой они устанавливались в процессе предварительного и судебного следствия. При данном способе излагаются все обстоятельства дела, после чего приводятся доказательства по ним;

- хронологической – обстоятельства дела излагаются в той последовательности, в какой они имели место в действительности в момент совершения преступления;

- смешанной – применение системного способа изложения и хронологического, чаще всего применяется по многоэпизодным делам;

3) заключение – в нем указывается предлагаемая правовая квалификация содеянного, характеристика личности подсудимого (вменяемость, состоит ли на учете, судимость), возможность применения ст. 61–63 УК РФ, предлагаемая мера наказания, решение вопроса о судьбе вещественных доказательств, гражданского иска и т.п.

Это самая распространенная структура обвинительной речи. Она может изменяться в зависимости от дела; каждый из пунктов можно разбить на подпункты.

Обвинительную речь нужно готовить в письменном виде, на выбор прокурора – полностью расписав ее или тезисно, составить заметки или план [3]. Самое главное – это не читать ее, непрерывно смотря в написанный текст. Те же требования в полной мере адресованы и представлениям прокурора. Представления государственного обвинителя всегда должны быть на высоком профессиональном уровне. Для иных участников процесса отсутствуют столь подробные предписания по оформлению жалоб, что подчеркивает статус прокурора как лица, выступающего представителем государства.

Для принесения апелляционного представления государственному обвинителю необходимо установить наличие обстоятельств, предусмотренных ст. 389.15 УПК РФ. Требования к форме, содержанию и срокам подачи представления идентичны требованиям к жалобе, но для отграничения указанных документов и акцента на том, что прокурор представляет государство, вносимый им документ именуется представлением.

Вторая стадия кассационного (надзорного) производства состоит в рассмотрении уголовного дела судом кассационной (надзорной) инстанции. На этой стадии повторно изучается кассационная (надзорная) жалоба/представление, а также постановление о возбуждении кассационного (надзорного) производства, обстоятельства уголовного дела, содержание решения суда.

На второй стадии кассационного (надзорного) производства при непосредственном рассмотрении уголовного дела судом участие прокурора также обязательно, как и во всех предыдущих инстанциях. При кассационном порядке рассмотрения дела правом приносить кассационное представление наделены прокуроры различных уровней, в зависимости от того, к компетенции какого суда относится конкретное дело. Таким образом, прокурор будет реализовывать свою функцию по обеспечению законности и защите прав граждан.

Притом, что требования к оформлению и содержанию кассационных (надзорных) жалоб и представлений для сторон судебного разбирательства равны, прокурор должен составлять их максимально точно: это касается и формулировок, и ссылок на нормы права, и конечного предложения по изменению или отмене приговора.

Прокурорам есть чему поучиться у адвокатов: речь должна быть яркой и убедительной, устраняющей всякие сомнения в том, что говорит оратор; если необходимо, нужно добавить умеренную жестикуляцию. Приведем два примера из русской классической литературы.

Один из лучших юристов – А.Ф. Кони – писал: «В основании судебного красноречия лежит необходимость доказывать и убеждать, т.е. иными словами склонять слушателей к своему мнению» [4]. Однако красивые фразы, не опирающиеся на доказательства, не смогут убедить суд принять позицию стороны об-

винения. Выступая в прениях практически последней стадии своего участия в рассмотрении уголовного дела, прокурор должен закрепить те положительные результаты, которые были им достигнуты в ходе судебного следствия.

1. Трикс А.В. Справочник прокурора. СПб.: Питер, 2007. С. 161.

2. Кореневский Ю. Государственное обвинение: какая реформа нужна? // Законность. 2001. № 4. С. 33.

3. Кириллова Н.П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции: учебное пособие. СПб., 1996. С. 37.

4. Кони А.Ф. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1959. Т. 1. С. 98–99.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришина Марина Викторовна. Ведущий специалист по контролю контрактования и соблюдения процедур.

АО «Орёлнефтепродукт».

302001, Российская Федерация, г. Орел, ул. Маяковского, 40.

Grishina Marina Viktorovna. Leading Specialist on Contract and Compliance Control.

SAO "Orelnefteproduct".

302001, Russian Federation, Orel, Mayakovsky st., 40.

Гришин Андрей Владимирович. Начальник кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Grishin Andrey Vladimirovich. Head of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: прокурор; участие прокурора; изложение своей позиции; судебное разбирательство; УПК РФ.

Keywords: prosecutor; participation of the prosecutor; presentation of his position; trial; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

УДК 343.1

Давыдов М.В., Харыбин А.Ю.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ПОРЯДОК
ПРИМЕНЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

**CONCLUSION OF A PRE-TRIAL COOPERATION
AGREEMENT: THE CONCEPT, THE PROCEDURE FOR
APPLICATION, THE PROBLEMS OF IMPLEMENTATION**

В статье анализируются предпосылки законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве института досудебного соглашения о сотрудничестве, обосновывается точка зрения о важности досудебного соглашения о сотрудничестве в судебно-следственной практике. Отмечается, что процедура подачи и рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не совершена, что обуславливает необходимость в разработке единого подхода по ее реализации.

The article analyzes the prerequisites for the legislative consolidation of the institution of a pre-trial cooperation agreement in the criminal procedure legislation, substantiates the point of view about the importance of a pre-trial cooperation agreement in judicial and investigative practice. It is noted that the procedure for filing and considering a petition for concluding a pre-trial cooperation agreement

has not been completed, which necessitates the development of a unified approach to its implementation.

Появлению в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве института особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве предшествовала острая теоретическая дискуссия о целесообразности его законодательного закрепления. Даже после введения в 2009 году [1] в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) соответствующих норм, споры по этому поводу среди процессуалистов не завершились. Но, несмотря на существующее деление мнений на «за» и «против», учёные и практики сходятся во мнении, что особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве уже приобрёл свой положительный опыт в судебно-следственной практике и занял в ней определённую нишу.

Положения главы 40.1 УПК РФ применяются для противодействия организованной преступности, коррупции, расследование деятельности преступных сообществ (преступных организаций) путем побуждения к позитивным посткриминальным действиям лица, привлекаемого к уголовной ответственности, которому известна какая-либо информация, представляющая интерес для органов предварительного следствия, взамен на смягчение уголовного наказания за совершенное им преступление.

Институт принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, как и любая другая новелла законодательства, создал вокруг себя достаточно большое количество проблемных вопросов применения его положений. Все это предполагает необходимость проведения соответствующих исследований, частью которых является анализ следственно-судебной практики применения положений главы 40.1 УПК РФ. Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ в УПК РФ была введена глава 40.1, регламентирующая условия, порядок, форму и правовые последствия заключения обвиняемым (подозреваемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. Впоследствии Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ рассматриваемая форма производства по уголовному делу подверг-

лась значительному совершенствованию порядка ее судопроизводства [2].

Основная цель принятия указанных законов состояла в противодействии организованной преступности, коррупционным проявлениям, расследовании деятельности преступных сообществ, члены которых, как правило, отказываются от разоблачения соучастников и организаторов преступлений. В своем ежегодном послании еще в 2016 г. Президент РФ В.В. Путин отметил, что «наше уголовное законодательство, как и практика его применения, должно стать более современными» [3].

Несмотря на то, что практика заключения досудебного соглашения о сотрудничестве формируется сравнительно недавно, по данным Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, в 2011 году положения главы 40.1 УПК РФ применялись при производстве по 2 630 уголовным делам, в 2020 году их число увеличилось до 3009, при максимально возможных показателях в 2017 г. – 4391 [4].

Приведенные статистические данные подтверждают необходимость исследования особенностей института досудебного соглашения о сотрудничестве, который во многих странах мира уже давно получил большое распространение. Вместе с тем именно новизна института обуславливает споры среди юристов о применении норм главы 40.1 УПК РФ в тех или иных правовых ситуациях, сложности в правоприменительной практике.

Согласно пункту 61 ст. 5 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Большинство современных авторов указанный институт ассоциируют со сделкой с правосудием [5, с. 82] или договором между стороной защиты и обвинения [6, с. 33].

Совершенно очевидно, что законодатель, вводя рассматриваемый институт в нормы уголовно-процессуального законодательства, исходил из взаимной договоренности между следствием и стороной защиты по выполнению определенных обязательств: с целью смягчения уголовного наказания подозреваемый (обвиняемый) способствует уяснению обстоятельств преступного

события, изобличению виновных лиц, их розыску, установлению имущества, добытого преступным путем. После выполнения условий соглашения дело направляется в суд и рассматривается в особом порядке.

Процедуре соглашения о сотрудничестве в рамках досудебного производстве предшествует подача заявления подозреваемым (обвиняемым) о сотрудничестве, с последующей процедурой его рассмотрения и заключения. После реализации подозреваемым (обвиняемым) указанных в нем положений дело направляется в суд.

Несмотря на кажущуюся простоту и понятность в принятии решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в процессе реализации указанного института возникает немало проблем и сложностей.

Так, закон не установил круг оснований для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении соглашения о сотрудничестве. Лишь ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ, определяющей основания применения особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, указывает на невозможность применения положений гл. 40.1 УПК РФ, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности. По сути, как показывает практика, при разрешении дела в стадии судебного производства суд, не найдя оснований для заключения соглашения о сотрудничестве, применение нормы, касающиеся особого порядка судебного разбирательства.

Так, показателен следующий случай из следственной практики. Следственным управлением Следственного комитета РФ по Санкт-Петербургу, в качестве обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного пп. «в, г» ч. 4 ст. 209 УК РФ, была привлечена С. по факту получения взятки в виде денег от гражданина Ф. С обвиняемой было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В представлении об особом порядке проведения судебного заседания, вынесенном заместителем прокурора Санкт-Петербурга, указано, что обвиняемая С. активно содей-

ствовала следствию в раскрытии и расследовании совершенного ею преступления, что выразилось в добровольной выдаче следствию денежных средств в размере 1 200 000 рублей [7].

Однако при рассмотрении вопроса о назначении судебного заседания по данному уголовному делу суд установил, что оснований для применения особого порядка проведения судебного заседания не находит. В обосновании своего решения суд указал, что в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 317.6 положения главы 40.1 УПК РФ не применяются, если содействие обвиняемого следствию заключалось, лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности.

Практикой также выявлен пробел в законодательстве, касающийся обжалования решения следователя, прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства обвиняемого. Обязанность согласовывать свое положительное решение по поданному ходатайству о сотрудничестве с руководителем следственного органа возложена на следователя. Однако решение об отказе в данном ходатайстве следователь принимает самостоятельно. В связи с этим возникают некоторые проблемы.

1. Каким образом прокурор должен узнать о существовании ходатайства о сотрудничестве в случае отказа следователем в его удовлетворении?

2. Кем должен быть рассмотрен процессуальный документ, адресованный прокурору?

В рамках действующего законодательства практики могут выйти из положения путем направления прокурору соответствующего уведомления в письменной форме, в котором будут указаны основания отказа следователя в удовлетворении ходатайства обвиняемого о заключении досудебного соглашения. Однако п. 7 ч. 1 ст. 39 УПК РФ обжалование неправомерных действия следователя, в части отказа в удовлетворении заявленного подозреваемым (обвиняемым) ходатайства о сотрудничестве, связывает его с полномочиями руководителя следственного органа. Именно руководителю следственного органа принадлежит исключительная компетенция в отмене необоснованных постановлений следователя.

Однако такой путь обжалования не только затянет саму его процедуру, но и может ограничить права участников уголовного

судопроизводства на обжалование, в частности, возможность осуществления защиты их прав. Представляется, что решение по ходатайству о сотрудничестве обвиняемого должен принимать прокурор как субъект досудебного соглашения, а следователь, в свою очередь, – выносить представление о целесообразности либо нецелесообразности заключения соглашения.

В условиях действующей процедуры досудебного соглашения можно было бы закрепить в законе за прокурором право на принятие решений по жалобе подозреваемого (обвиняемого) об отказе в удовлетворении его ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Указанное положение позволило обеспечить защиту прав участником производства, реализовав статус прокурора как представителя надзорного ведомства.

Как видим, попытка закрепить положения заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественном законодательстве соответствует нормам международной практики. Между тем обращает на себя внимание недостаточная урегулированность отдельных положений рассматриваемого института, нуждающихся в нормативном закреплении.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Послание Президента РФ Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. // Рос. газ. 2016. 3 дек.

4. Официальный сайт Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 31.08.2021).

5. Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011.

6. Салыкова А.К. Понятие досудебного соглашения о сотрудничестве (соглашения о сотрудничестве) по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 31–36.

7. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 31.08.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдов Максим Вячеславович. Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Davydov Maxim Vyacheslavovich. Senior Lecturer of the Chair of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Харыбин Александр Юрьевич. Заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения организации научно-исследовательской работы.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Kharybin Aleksandr Yur'yevich. Deputy Head of Research and Editorial and Publishing Department – Head of Department of Organization of Scientific-Research Work.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; досудебное соглашение о сотрудничестве; особый порядок; сторона защиты; сторона обвинения.

Keywords: criminal proceedings; pre-trial cooperation agreement; special procedure; defense side; prosecution side.

УДК 343.1

Егоров Н.Н.

НАПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

DIRECTIONS OF OBJECTIFICATION OF EVIDENCE FIXATION

В статье анализируются методы (способы) фиксации доказательств по отношению к уголовно-процессуальному закону или по процессуальной форме (на обязательные или предписанные уголовно-процессуальным законом, факультативные или дополнительные), по природе явлений, лежащих в основе процессов фиксации (на субъективные, когда в основе лежат личностные свойства субъектов фиксации, их знания, умения и навыки, жизненный опыт и т.д.; объективные, когда применяются технические средства запечатления информации, основанные на физических, физико-химических и химических процессах). Предлагается законодательно расширить случаи объективной фиксации доказательств.

The article analyzes the methods of fixing evidence in relation to the criminal procedure law or in the procedural form (mandatory or prescribed by the criminal procedure law, optional or additional), by the nature of the phenomena underlying the fixation processes (subjective, when the personal properties of the subjects of fixation, their knowledge, skills, life experience, etc. are based on; objective, when technical means of capturing information based on physical, physical

chemical and chemical processes are used). The legislative expansion of cases of objective recording of evidence is proposed.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство в процессе доказывания выделяет собирание, проверку и оценку доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 85 УПК РФ). Но данный перечень явно является неполным, поскольку еще в 60-х годах прошлого века Р.С. Белкиным было отмечено, что доказывание как специфическая познавательная деятельность, в конечном счете, есть именно оперирование доказательствами. Поэтому он к трем указанным в законе элементам доказывания добавил еще один – использование доказательств [2, с. 96; 3, с. 380]. Тем более что использование доказательств как элемент процесса доказывания косвенно признается ст. 89 УПК РФ: в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам...

Закон не расшифровывает, из каких элементов складывается собирание доказательств. Поэтому различные авторы вкладывают в него разное содержание. Но все – и процессуалисты, и криминалисты – признают, что фиксация является обязательным элементом собирания доказательств [4, с. 39; 5, с. 109–110]. При этом под фиксацией доказательств обычно понимают удостоверительные операции, направленные на запечатление и закрепление доказательств в установленной законом форме [4, с. 39; 5, с. 110].

Методы (способы) фиксации можно разделить на виды по различным основаниям. Наиболее развернутая классификация методов (способов) фиксации доказательственной информации, включающая шесть групп оснований деления на виды, была предложена Н.Н. Лысовым [6, с. 180–185]. Признавая право любого автора на развернутый научный анализ исследуемого явления, все-таки считаем, что не следует умножать сущности без меры. Поэтому методы (способы) фиксации с точки зрения формы и содержания можно условно классифицировать по двум основаниям: по отношению к уголовно-процессуальному закону или по процессуальной форме и по природе явлений, лежащих в основе процессов фиксации.

По отношению к уголовно-процессуальному закону или по процессуальной форме они могут быть разделены на: обязательные, или предписанные уголовно-процессуальным законом; факультативные, или дополнительные (рекомендованные законом).

По природе явлений, лежащих в основе процессов фиксации, они могут быть разделены на субъективные, когда в основе лежат личностные свойства субъектов фиксации, их знания, умения и навыки, жизненный опыт и т.д.; объективные – когда применяются технические средства запечатления информации, основанные на физических, физико-химических и химических процессах.

Обязательными с точки зрения уголовно-процессуального закона являются следующие методы (способы) фиксации доказательств:

1) составление протокола следственного действия (ст. 166 УПК РФ);

2) обязательное фотографирование, дактилоскопирование и геномная регистрация неопознанных трупов (ч. 2 ст. 178 УПК РФ);

3) обязательное применение видеозаписи или киносъемки в ходе допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель, либо его законный представитель против этого возражают (ч. 5 ст. 191 УПК РФ);

4) обязательное применение технических средств фиксации хода и результатов следственных действий, указанных в части 1.1 статьи 170 УПК РФ, проведенных без участия понятых. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ).

К факультативным или дополнительным способам фиксации можно отнести все иные методы (способы) фиксации, не вошедшие в обязательный вышеприведенный законодательный перечень применения.

К субъективным способам фиксации доказательств, когда в основе лежат личностные свойства субъектов фиксации, относятся: протоколирование, стенографирование, составление планов, чертежей и схем.

К объективным способам, когда применяются технические средства запечатления информации, основанные на физических, физико-химических и химических процессах, можно отнести: аудиозапись, фотографирование, киносъемку, видеозапись, изготовление слепков и оттисков следов, копирование электронных носителей информации, приобщение предметов, документов и веществ.

Законодатель акцентирует внимание на объективизации фиксации доказательств, применение для этих целей технических средств фиксации хода и результатов следственных действий. Выше мы рассмотрели случаи, когда применение технических средств является обязательным. Это объясняется тем, что в формировании субъективных способов фиксации участвуют органы чувств человека с их сложными физиолого-психологическими процессами, что предопределяет субъективизм результатов фиксации и предполагает несопоставимость и недостаточную воспроизводимость результатов.

При осуществлении аудиозаписи следует руководствоваться техническими (паспортными) условиями эксплуатации соответствующих технических средств, поскольку в криминалистических рекомендациях отсутствуют какие-либо особые методы и приемы производства звукозаписи. Полагаем только, что, учитывая принцип историзма, рекомендуется только придерживаться требований ранее действовавшего УПК РСФСР о запрете звукозаписи части следственного действия, а также о повторении специально для звукозаписи ранее данных показаний (ч. 3 ст. 141.1 УПК РСФСР) [1].

Киносъемка в криминалистике практически не применялась и не применяется ввиду технологической сложности процесса. Она представляет процесс создания кинематографического изображения на киноплёнке или цифровом носителе и является важнейшим этапом кинопроизводства, который может длиться несколько месяцев, что требует тщательного планирования и может быть очень дорогостоящим [7]. Киносъемка в уголовном судопроизводстве полностью заменена более простым и более дешевым средством – видеозаписью.

Методы, приемы и средства применения иных объективных способов фиксации доказательств (фотосъемка, видеозапись и

др.) достаточно подробно изложены в криминалистических рекомендациях.

Потребности практики требуют расширения случаев законодательного закрепления применения объективных средств фиксации доказательств. К ним можно отнести применения:

- видеозаписи: при допросе (опросе) лиц с участием сурдопереводчика; при допросе лиц (опросе) лиц, находящихся в тяжелом для здоровья состоянии, когда есть опасность предполагать, что они скончаются;

- аудиозаписи: при допросе (опросе) лиц, не владеющих языком, на котором осуществляется судопроизводство; при допросе (опросе) лиц, в психической полноценности которых следователь сомневается; при допросе (опросе) лиц, которые явно не явятся в судебное заседание.

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. 295 с.

3. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Том II. Частные криминалистические теории. М.: Академия МВД СССР, 1978. 410 с.

4. Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты фиксации как элемент доказывания // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3. С. 36–45.

5. Колычева А.Н. Некоторые аспекты фиксации доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети интернет // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 2. Экономика и право. С. 109–113.

6. Лысов Н.Н. Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 488 с.

7. Съемка (кинематограф) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Съёмка_\(кинематограф\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Съёмка_(кинематограф)) (дата обращения: 08.09.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Николай Николаевич. Профессор кафедры криминалистики, доктор юридических наук, профессор.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

119991, Российская Федерация, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, 1/13 (4-й учебный корпус).

Egorov Nikolay Nikolaevich. Professor of the Chair of Criminalistics, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

119991, Russian Federation, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, 1/13 (4th academic building).

Ключевые слова: субъективные и объективные способы фиксации доказательств; аудиозапись; фотографирование; киносъемка; видеозапись; изготовление слепков и оттисков следов; копирование электронных носителей информации; приобщение предметов, документов и веществ.

Keywords: subjective and objective methods of recording evidence; audio recording; photographing; filming; video recording; making casts and impressions of traces; copying electronic media; attaching objects, documents and substances.

УДК 343.98

Екимцев С.В., Флоря Д.Ф.

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**OPERATIONAL-SEARCH CHARACTERISTICS
OF CRIMES COMMITTED WITH THE HELP
OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION
TECHNOLOGIES**

Цифровизация всех областей жизни общества дала как большие возможности для дальнейшего развития самых разнообразных сфер жизни, так и принесла опасности для обычных граждан. Это касается и мошенничества, которое приобрело свой новый вид, т.н. мошенничество, совершаемое с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. В настоящей статье рассмотрены признаки мошенничества, отличие его от других видов хищения, на основе правоприменительной практики выделены виды и формы дистанционного мошенничества, а также даны предложения по противодействию данному преступлению.

Digitalization of all areas of society's life has provided both great opportunities for the further development of a wide variety of areas of life, and has brought dangers to ordinary citizens. This also applies to fraud, which has acquired its new form, the so-called fraud committed using information and telecommunication technologies. This article examines the signs of fraud, its difference from other types of theft, on the basis of law enforcement practice, the types and forms of remote fraud are highlighted, as well as proposals for countering this crime are given.

Современные IT-технологии позволили человечеству не только существенно ускорить и облегчить различные стороны жизни (к примеру, активно развивающиеся сервисы электронного правительства, позволяющие получать доступ к различным госу-

дарственным услугам буквально не выходя из дома, прямо со своего смартфона), но и сделать их более уязвимыми и доступными для преступников, в частности мошенников. Персональные данные пользователя, содержащиеся в различных базах данных дают возможность, как провести мошеннические действия без участия лица (к примеру, оформить кредит «онлайн», списать денежные средства с банковского счета с помощью приложения мобильного банка), так и «выманить» пароли, коды доступа и т.д. у ничего не подозревающего пользователя. И это всего лишь один из примеров применения тех самых уязвимостей.

К повсеместной цифровизации сфер жизни общества не могла не добавиться и цифровизация экономики [1]. Особое внимание к экономической сфере деятельности связано с непосредственно рассматриваемым предметом настоящей статьи, т.к. мошенничество является одной из форм корыстного безвозмездного противоправного изъятия чужого имущества или права на чужое имущества в пользу виновного, а также других лиц, соответственно причинившие ущерб собственнику или же иному владельцу имущества, т.е. хищения [2]. В современной России на продуцирование отдельных видов преступности заметное влияние оказывают издержки развития информационно-коммуникационных технологий. Процесс перехода от обычной экономики к цифровой экономике, состоящий в последующих действиях для достижения результата называется, дигитализацией или цифровизацией. Смысл дигитализации состоит в преобразовании в цифровую форму всех ресурсов, которые увеличиваясь в процессе развития, улучшают финансовую интеграцию и операционную эффективность деятельности экономических субъектов.

Уголовно-правовое толкование термина «мошенничество» вполне конкретно. Сущность мошенничества состоит в том, что непосредственно потерпевший самостоятельно передаёт имущество или право на имущество под воздействием обмана или злоупотребления доверием, что и отличает его от других форм хищения [3].

К числу основных видов таких преступлений можно отнести такие как [4]: а) мошенничества, совершенные путем создания фиктивных объявлений о продаже товаров, либо оказании услуг, при которых потерпевший перечисляет денежные средства

преступнику самостоятельно одним из указанных преступником способов; б) мошенничества, связанные с реализацией товаров и услуг потерпевшим посредством сети Интернет, когда преступник связывается с продавцом или поставщиком услуг и в процессе общения убеждает последнего подключить к абонентскому номеру преступника услуги мобильного или интернет-банкинга, после чего преступник получает доступ к банковским счетам потерпевшего и похищает денежные средства; в) хищение денежных средств с банковских счетов граждан, доступ к управлению которыми преступник получает в результате заражения смартфона потерпевшего вирусной программой, позволяющей использовать услуги интернет-банкинга. В периодической литературе также выделяют [5]: а) ВЕС-мошенничество, т.е. компроментирование корпоративной электронной переписки; б) хайп-мошенничества; в) выставление поддельных POS-терминалов (т.е. терминалов оплаты); г) *quid pro quo* (от англ. одно за другое), когда злоумышленник совершает звонок в компанию и представляется техническим специалистом, которому сотрудники компании предоставляют доступ к системам информации.

Но мошенничество не ограничивается этими видами. Поэтому целесообразней предложить разделение всех видов дистанционного мошенничества на три большие группы [6]:

- к первой группе можно отнести совершение преступлений с помощью средств сотовой связи и сети Интернет. Предлоги могут быть самыми разнообразными от блокировки карты до получения выплат, пособий и т.д.;

- критерием второй группы может послужить использование мошенниками лишь средств телефонной связи, а затем уже контакта с потерпевшим, т.е. когда злоумышленник присылает SMS-сообщения или совершает звонок с ложной информацией о том, что родственник, к примеру, попал в ДТП и т.д.;

- по аналогии третья группа – это мошенничество, совершаемое только с помощью использования сети Интернет. Это создание клонов сайтов по продаже товаров, т.н. «зеркал», взлом страницы в социальных сетях и отправка сообщений с просьбой о помощи.

Исходя их признаков, положенных в основу разделения вышеуказанных групп, необходимо выделить оперативно-ро-

зыскные признаки преступлений, совершаемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий [7]:

- латентность действий, совершаемых мошенником;
- интеллектуальный характер, т.е. обладание преступником специальными познаниями в соответствующей области, а следовательно, знанием способов маскировки и сокрытия следов совершенного деяния;
- автоматизация процесса совершения мошеннических действий;
- быстрота и простота действий, совершаемых преступником, т.к. на отправку сообщения или соединение между абонентскими номерами даже через всю страну требуются буквально секунды;
- дистанционный характер преступления и неосведомленность жертвы об истинном облике преступника;
- многообразие и постоянное совершенствование методологии, способов и форм совершения преступлений;
- многоэпизодность деяний.

Все эти факторы значительно затрудняют процесс раскрытия данной категории преступлений. Проведение технических мероприятий и сложных компьютерных экспертиз всегда занимает некоторое время, что, с учетом легкости изменения и уничтожения компьютерной информации, делает их не всегда эффективными.

К тому же, повышение технической оснащённости, применение современных средств мониторинга, средств обеспечения безопасности, механизмов анализа накопленных данных и оперативного реагирования – это меры, способные принести значительный результат для противодействия росту криминала и создания безопасной среды для жизнедеятельности граждан [8].

Таким образом, хорошо налаженное деловое взаимодействие следователя с работниками оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел при реализации оперативно-розыскной информации является одним из важных условий, обеспечивающих успешное раскрытие и расследование преступлений [9].

Исходя из вышеизложенного, при раскрытии мошенничества с использованием телекоммуникационных технологий оче-

видна необходимость в специальных знаниях в информационной сфере и технологических особенностях конкретного информационного процесса.

1. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу [Электронный ресурс] // Криминологический журнал. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-i-dstantsionnoe-moshennichestvo-kak-odna-iz-ugroz-sovremennomu-obschestvu> (дата обращения: 11.09.2021).

2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29: в ред. от 29 июня 2021 г.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 1 июля 2021 г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 г.

4. Кузьмин И.А. Актуальные направления подготовки сотрудников ОВД, осуществляющих противодействие хищениям денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: сборник материалов двадцать второй всероссийской научно-методической конференции. В 2 статьях, 2017. С. 82.

5. Давыдов В.О., Тишутина И.В. Цифровые следы в расследовании дистанционного мошенничества [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-sledy-v-rassledovanii-distantsionnogo-moshennichestva> (дата обращения: 11.09.2021).

6. Кудрявцев Р.В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 218–221. URL: <https://moluch.ru/archive/262/60528> (дата обращения: 11.09.2021).

7. Альгинова В. В. К вопросу о мошенничестве с использованием банковских карт // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 11 (27). С. 722.

8. Белевский Р.А. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых личным сыском, в условиях использования информационного пространства сети интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 60–66.

9. Екимцев С.В. Взаимодействие оперативных сотрудников и следователей при реализации оперативно-розыскной информации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3 (84). С. 84–91.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Екимцев Сергей Валерьевич. Старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Ekimtsev Sergey Valerevich. Senior Lecturer of the Chair of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Флоря Денис Федорович. Начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Florya Denis Fedorovich. Head of the Chair of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; дистанционное мошенничество; мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Keywords: operational-search activity; remote fraud; fraud using information and telecommunication technologies.

УДК 343.9

Емельянова Н.Ю., Семенкова Е.В.

АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

ASPECTS OF THE USE OF THE INSTITUTE OF JURORS

В статье рассматриваются проблемы, возникающие в ходе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей.

The article deals with the problems that arise during the trial with the participation of jurors.

«Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку» [1], – так звучит предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) присяга присяжных заседателей, на которых государством возлагается ответственная задача по предрешению дальнейшей судьбы лица, находящегося на скамье подсудимых. Существует множество дискуссий среди общественности, юристов и законодателей о необходимости и целесообразности существования института присяжных заседателей на территории

нашего суверенного государства, учитывая отнюдь не воодушевляющий опыт идеалистических присяжных заседателей в зарубежных странах и менталитет российского общества.

Однако исторические особенности становления данного института показывают, что государство всяческими способами делегирует гражданам право на отправление правосудия [2], закрепляя при этом также возможность подсудимого воспользоваться правом на рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей. По сути содержания института присяжных заседателей в отечественном судопроизводстве, присяжные являются «судьями факта», оценивающими справедливо фактически совершённое или несовершённое деяние, а также виновность или невиновность подсудимого.

Законодатель, привлекая к правосудию народных судей, создал утопическую модель, которая формально и в большинстве случаев оправдывает своё предназначение, но при определённых условиях противоречит общепринятым условиям осуществления беспристрастного и объективного правосудия. Связано это с тем, что в некоторых регионах (приоритетно южных) нашей необъятной страны просто невозможно исполнить все надлежащие требования к присяжным заседателям, оправдательный вердикт которых, к слову, является «обязательным для председательствующего и влечёт вынесение оправдательного приговора». Обуславливает указанная особенность следующими фактами:

- во-первых, Российская Федерация – многонациональное государство, где численность населения отдельных наций сильно варьируется, поэтому наиболее эффективно разбирательства с участием присяжных заседателей проходят либо в крупных городах, где существенно уменьшается вероятность давления на принятие решения и активного участия присяжного заседателя, либо в городах, где присутствует большое количество не ассимилированных наций, сохранивших свою индивидуальность и независимость. Взяв за основу южные города, в которых практически всё население, так или иначе, знает друг друга через несколько рукопожатий, можно представить удручающую картину. Подумать только, какому общественному, а в данном случае и кровно-родственному осуждению может подвергнуться присяжный засе-

датель, внёсший вклад в пусть и объективное осуждение подсудимого, но заключивший на долгие годы чьего-либо родственника;

- во-вторых, мало кто из числа избранных присяжных заседателей воспринимает этот вид оплачиваемой трудовой деятельности как гражданский долг, и уж тем более наибольшая часть присяжных не пытается искренне заинтересоваться в сущности рассматриваемого уголовного дела, особенно, когда это дело носит «рядовой» характер. Ведь менталитет россиян уже давно приобрёл закрытый тип, означающий, что люди стремятся в некотором роде ограничивать контакты с обществом, укрепляя и поддерживая эгоистичную стабильность и не желая помогать другим. А если и находятся своеобразные альтруисты, то подавляющее большинство не воспринимает их благих намерений в объективном рассмотрении уголовного дела и отыскания истины;

- в-третьих, ни для кого не секрет, что государство никак не обеспечивает защиту присяжных заседателей, участвующих в судебном разбирательстве, от внешнего влияния, например, криминальных или заинтересованных групп населения, которые могут повлиять на исход дела [3]. Да, конечно, законодатель обязывает «судей факта» не обсуждать с кем-либо и не разглашать обстоятельства рассматриваемого уголовного дела, однако это, опять же, не исключает коррупционной составляющей, согласно которой даже один «подкупленный» присяжный заседатель, обладающий авторитетом и навыком убеждения окружающих, способен так аргументировать виновность или невиновность подсудимого, что чаша весов Фемиды принудительно склонится вовсе не в справедливую сторону;

- в-четвёртых, само правовое положение судей предусматривает, что судья вправе безосновательно повлиять на состав присяжных заседателей или вовсе распустить негодный ему состав присяжных. Это происходит повсеместно в практической деятельности, когда судья понимает пагубность ситуации или видит разногласие между «необходимым» судебным решением и вердиктом [4];

- в-пятых, огромную роль играет временной фактор. Известно, что судебные тяжбы порой делятся месяцами, а то и годами, в зависимости от эпизодичности, сложности уголовного дела и иных обстоятельств, от чего морально и физически неподготов-

ленные присяжные заседатели просто устают и даже теряют интерес [5], что, безусловно, влияет на объективность вердикта.

Именно поэтому следует с особой осторожностью и индивидуальностью допускать присяжных заседателей к судебному разбирательству в отдельных регионах Российской Федерации. Разумеется, в некоторых случаях производство с участием присяжных заседателей – единственный способ подсудимого добиться справедливого решения, и, как показывает практика, при малейшей возможности подсудимый пользуется такой возможностью, однако, доверяя свою дальнейшую судьбу отнюдь не профессионалам своего дела, а простым обывателям, в головах которых обитают неизвестные мысли, идеи и стремления, подсудимый подвергается неоправданному риску. Всё вышеперечисленное свидетельствует о том, что институт присяжных заседателей в Российской Федерации – ещё не устоявшаяся система уголовно-процессуальных отношений, но активно стремящаяся интегрировать обширный зарубежный опыт и развиваться в нужном направлении.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 1 июля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Дудко Н.А., Камнев А.С. К вопросу об устранении ошибок коллегии присяжных заседателей при осуждении невиновного [Электронный ресурс] // Известия АлтГУ. 2016. № 3 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ustranении-oshibok-kollegii-prisyazhnyh-zasedateley-pri-osuzhdenii-nevinovnogo> (дата обращения: 30.08.2021).

4. Легостаев В.П., Пилюгина Т.В. К вопросу об изменениях и дополнениях в российском законодательстве о присяжных за-

седателях [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-izmeneniyah-i-dopolneniyah-v-rossiyskom-zakonodatelstve-o-prisyazhnyh-zasedatelyah> (дата обращения: 31.08.2021).

5. Хайдаров А.А. Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей [Электронный ресурс] // Russian Journal of Economics and Law. 2012. № 2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sudebnogo-sledstviya-v-sude-s-uchastiem-prisyazhnyh-zasedateley> (дата обращения: 30.08.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Емельянова Надежда Юрьевна. Преподаватель кафедры уголовного процесса

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Yemelyanova Nadezhda Yurievna. Teacher of the Chair of Criminal Procedure.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

117997, Russian Federation, Moscow, Akademik Volgin st., 12.

Семенкова Евгения Викторовна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Semenkova Evgeniya Viktorovna. Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

117997, Russian Federation, Moscow, Akademik Volgin st., 12.

Ключевые слова: суд присяжных; судебное разбирательство; исследование доказательств; объективность; вердикт; виновность; судебная ошибка.

Keywords: jury trial; trial; examination of evidence; objectivity; verdict; guilt; judicial error.

УДК 343.13

Ефремова О.М., Васюков В.Ф.

**ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВОПРОСУ
О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

**RETURNING TO THE QUESTION
OF THE EVIDENTIARY VALUE OF COMPUTER
INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

В статье рассматриваются вопросы доказательственного значения компьютерной информации в уголовном процессе, обозначаются мнения ученых по этой проблематике, приводятся положения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок использования такой информации в доказывании.

The article deals with the issues of the evidentiary value of computer information in criminal proceedings, identifies the opinions of scientists on this issue, provides the provisions of the criminal procedure legislation regulating the procedure for using such information in evidence.

Вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве всегда вызывали большое количество дискуссий, поскольку наряду с правовой сущностью доказывание имеет более сложную предид-

кативную структуру, интегрирование которой в процессуальные формы порой бывает достаточно затруднительно.

Законы гносеологии существуют сами по себе и не связаны с установленными правилами человеческого общежития. Следовательно, теория уголовно-процессуального доказывания представляет собой совокупность научных положений, уже изначально наполненных целым спектром внутренних противоречий. По уместному замечанию С.Б. Россинского, «в условиях нестабильности существующей в нашем государстве процессуальной формы, достаточно частых, в том числе, кардинальных реформ уголовно-процессуального закона, обозначенные противоречия приобретают еще более острый характер» [1].

Обратимся к определению, которое в свое время было сформулировано С.А. Шейфером: собирание доказательств есть не что иное, как «отыскание, восприятие и закрепление доказательственной информации» [2]. Существующими положениями уголовно-процессуального закона компьютерная информация не может использоваться в доказывании в том виде, в котором она обнаруживается на осматриваемых и (или) изымаемых носителях. Как справедливо подчеркивает С.И. Кувычков, «для успешного использования в доказывании компьютерной информации она должна быть доступной для восприятия, исследования и ее оценки следователем при установлении доказательственных фактов» [3].

Иными словами, если отыскание компьютерной информации может быть успешно реализовано в ходе производства следственных действий, то восприятие следователем компьютерной информации возможно только при условии наличия устройств, функционально предназначенных для такого восприятия. Между тем для закрепления компьютерной информации в качестве доказательства следователю необходимо составить протокол следственного действия (в большинстве случаев это протокол осмотра предмета или документа), в котором отражается факт обнаружения информации, приводятся ее параметры и содержание [4].

Указанные вопросы достаточно подробно в своем исследовании рассматривает О.Г. Григорьев, который считает нецелесообразным дополнить перечень доказательств новым элементом – «компьютерная информация и ее носители». Следует, по сужде-

нию автора, «сохранить существующую систему доказательств посредством включения любых новых информационных носителей в категорию «свободных» доказательств, коими выступают в уголовном процессе «иные документы» [5].

В свою очередь Н.А. Зигура, А.В. Кудрявцева и Е.А. Гамбарова приходят к выводу о том, что компьютерная информация является самостоятельным видом доказательств, исходя из ее специфической формы, среды существования, механизма формирования и способа введения ее в качестве доказательств в уголовный процесс или способа преобразования ее в доказательство [6; 7; 8].

Д.Н. Маринкин и В.А. Костарева обосновывают выделение отдельного вида доказательства следующими причинами:

- особая форма доказательств (для создания используются аппаратно-программные средства цифровой техники);
- доступ и использование такой информации возможны только с применением аппаратно-программных средств цифровой техники;
- поиск, изъятие и хранение цифровых доказательств также требуют использования особых специальных технологий;
- требуются специальные подходы по оценке их допустимости и достоверности в рамках уголовного судопроизводства [9].

По мнению П.С. Пастухова, В.Н. Григорьева и О.А. Максимова, следует задуматься о выделении электронных носителей информации в отдельный вид (источник) доказательства, так как именно это позволит правомерно отнести весь спектр оборудования, используемого в современном информационном процессе и содержащего «незаменимую и уникальную» информацию, имеющую значение для дела [10; 11].

Критически к указанной позиции относится А.И. Зазулин. Установление для компьютерной информации порядка, аналогичного порядку сбора и закрепления вещественных доказательств, полагает автор, фактически нивелирует процессуальное значение выделения компьютерной информации в качестве отдельного вида доказательств. По предложению А.И. Зазулина, следует не выделять компьютерную информацию в качестве отдельного вида доказательств, а напрямую включить ее в понятие

вещественных доказательств путем дополнения статьи 81 УПК РФ [12]. Этой же позиции придерживается А.Ю. Федюкина [13].

Сходную точку зрения высказывала и Л.Б. Краснова, обосновывающая необходимость отнесения электронных носителей информации к вещественным доказательствам тем, что: 1) данные, представляющие значение для уголовного дела, содержатся во внешних признаках, а не представлены в вербальной форме; 2) эти данные могут служить средством установления фактических обстоятельств преступного события; 3) на них переносится не только компьютерная информация, но и следы воздействия на нее, то есть следы преступления; 4) в них содержится материальный способ получения, сохранения и передачи невербальной информации, имеющей отношение к уголовному делу [14].

В свою очередь, Ю.А. Ионова полагает, что информация, записанная в компьютерной форме, представляет собой «иной документ» ввиду того, что обладает признаками документа: исходит от лиц, граждан, организаций и др.; данная информация содержит сведения, имеющие значение для уголовного дела, и с их помощью может быть установлено наличие или отсутствие обязательств, подлежащих доказыванию [15].

Интересно в этом контексте мнение С.И. Кувычкова, который утверждает, что информация, представленная в электронном виде, выступает, во-первых, вещественным доказательством, документом (в том числе «приложением» к протоколу следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия), а во-вторых, «пребывает в виде информационного объекта в интернет-пространстве, доступ к которому должен быть обеспечен стороной на момент судебного разбирательства всем участникам процесса» [16].

А.В. Рыбин считает целесообразным отдельной нормой предусмотреть положения «об использовании в качестве доказательств по уголовным делам документов, подготовленных с помощью информационных технологий» [17].

Различное понимание правоведами рассматриваемого вопроса по большому счету вызвано непоследовательным упоминанием законодателя электронных носителей информации в нормах, в которых определяется сфера применения доказательств. Так, если в ч. 2 ст. 84 УПК РФ такие носители упоминаются в ка-

честве «иных документов», то в ч. 4 ст. 81 УПК РФ уже видим, что электронные носители должны признаваться вещественными доказательствами. Причем законодателем предусматривается альтернативный выход, согласно которому следователь в случае непризнания электронных носителей вещественными доказательствами, обязан их вернуть лицу, у которого они были изъяты.

Следует добавить, что в более поздней редакции текст уголовно-процессуального закона, отраженный в ч. 1 ст. 81¹ УПК РФ, имеет формулировки, касающиеся только электронных носителей в форме вещественных доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. В свою очередь, исходя из императивного правила, указанного в данной статье, следователь должен признать все электронные носители вещественными доказательствами и приобщить их к материалам уголовного дела. Аналогичное отношение проявляется к фонограмме и детализации соединений абонентов, которые предоставляются следователю «внешним» исполнителем в результате производства следственных действий, предусмотренных ст. 186, 186¹ УПК РФ.

Однако, как мы понимаем, указанные сведения не обладают свойствами, которые определяются для вещественных доказательств в ч. 1 ст. 81 УПК РФ. Представляется, что фонограмма и детализация абонентских соединений по своей процессуальной природе как источник доказательственной информации могут стать вещественным доказательством только в случае их модификации. Например, список входящих соединений умышленно дополняется еще одним контактом для фальсификации данных. Иначе предоставляемые сведения не обладают свойствами неповторимости и носят справочный характер о фактических сеансах связи, то есть обладают свойствами «иного документа» в доказывании.

Для выявления такого рода модификаций и фальсификаций, следователь, как показал проведенный автором опрос следователей, вручную (более чем в 80 % случаев) анализирует детализацию телефонных соединений, делая выборку (совокупность данных, имеющих значение для уголовного дела) самостоятельно, не привлекая ни специалистов, ни специальные технические средства и программное оборудование.

После того как следователь получает от организации связи либо от подразделения, уполномоченного осуществлять оперативно-розыскную деятельность, истребуемую информацию, он априори не может иметь представление о том, имеет ли она доказательственное значение или нет. Такая возможность у него появляется только после осмотра полученных документов. Между тем в обязанность следователя входит обязательное исследование в ходе осмотра предоставленной фонограммы или детализации соединений абонентов. Только после осмотра предоставленных документов определяется информация, которая имеет доказательственное значение для уголовного дела, что и фиксируется в протоколе. При этом вещественным доказательством в последующем становится тот объем информации, который был отражен в протоколе осмотра.

В дополнение к сказанному добавим, что, если в ходе осмотра выясняется, что в представленных документах отсутствует информация, имеющая отношение к уголовному делу, носитель, на котором она предоставлена, должен храниться в материалах уголовного дела, но уже не в качестве вещественного доказательства, а как «иной документ», так как не отвечает требованию относимости. (Исключением из этого правила являются электронные носители информации, изъятые при расследовании преступлений в сфере экономики, которые в соответствии с ч. 4 ст. 81¹ УПК РФ должны возвращать лицам, у которых они были изъяты в установленные сроки.)

Это обусловлено тем, что, во-первых, такой носитель не может быть уничтожен лишь по тому основанию, что в нем нет той информации, которая бы заинтересовала следствие, а во-вторых, документы, приобщаемые к уголовному делу, свидетельствуют о завершении производства следственного действия. В связи с этим представляются довольно логичными предложения правоведов по исключению из текста ст. 186, 186¹ УПК РФ правила, обязывающего следователя признавать вещественными доказательствами фонограммы и детализации соединений абонента [18; 19]. В своей процессуальной интерпретации документами в качестве источника доказательств признаются именно материальные носители информации, на которых зафиксированы сведения об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного

дела, в письменной или иной форме с целью их сохранения и дальнейшего использования [20].

Обращает на себя внимание тот факт, что в ч. 3 ст. 186¹ УПК РФ упоминается об обязанности руководителя организации связи предоставлять информацию, зафиксированную на любом материальном носителе информации. (К сказанному следует добавить, что Верховный Суд РФ в одном из определений, упоминая о диске с видеозаписью, указал, что к «иным документам» относятся любые носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ [28]). Таким образом, сам законодатель подчеркивает неважность, вторичность формы – на первый план выходит содержание доказательства, что свойственно иным документам [21].

По уместному замечанию С.Б. Россинского, «материалы, полученные от технических исполнителей постановления о производстве контроля и записи переговоров, а также при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, являются лишь средством фиксации определенных процессуальных действий» [22].

Подчеркнем, что подобного рода информация носит объективный характер, ее представление происходит в понятном для человека виде, осуществляется по объективно существующим алгоритмам, изначально заданным разработчиком программы, что исключает влияние человека на данный процесс, кроме случаев внешнего вмешательства в механизм отражения компьютерной информации [23].

Безусловно, электронные носители информации имеют отличия от «классических» вещественных доказательств и иных документов в силу различных приемов и средств сохранения такой информации.

В свое время В.Д. Спасович говорил о вещественных доказательствах как о предметах, служивших орудиями преступления, испорченных или добытых посредством преступления [24]. Развивая эту тему, И.Я. Фойницкий определял, что, «помимо непосредственных продуктов преступной деятельности, вещественными доказательствами, сопутствующими преступлению, могут быть и другие предметы внешнего мира, на которых остались изменения или признаки, свидетельствующие о способе его учине-

ния, об обстановке события или о лицах, принимавших в них участие...» [25].

В отличие от предметов материального мира, которые отражают на своей физической оболочке следы преступления и не могут модифицироваться в своем содержании, компьютерная информация имеет свойство трансформации на значительные дистанции. Достаточно упомянуть случаи, когда после изъятия мобильных устройств их информационное содержимое с помощью удаленного доступа пользователя стирается или блокируется [см., например: 29].

Иные документы, как и электронные носители информации, ценны, прежде всего, содержащейся в них информацией. Однако, как справедливо отмечают В.Н. Григорьев и О.А. Максимов, в отличие от электронного носителя информации, содержащиеся в нем сведения «не носят единичного характера, не связаны с конкретным предметом, находящимся при деле, и при утрате носителя могут быть восстановлены». В связи с этим в отношении иных документов «не применяются какие-либо специальные правила их изъятия, упаковки и хранения, что неприменимо в отношении электронных носителей информации» [26].

Суммируя все сказанное, можно сделать вывод, что в настоящее время в юридической литературе существуют два подхода к определению процессуальной природы компьютерной информации. Первый подход предполагает сведение компьютерной информации к одному из видов доказательств, второй – определяет возможность альтернативной реализации компьютерной информации в доказывании.

Таким образом, компьютерная информация может использоваться в доказывании как в виде вещественных доказательств, так и в виде иных документов. При этом главное принципиальное отличие вещественных доказательств от иных документов заключается в том, что иные документы – доказательства личные, созданные для передачи информации о фактах. Они могут быть возобновлены путем повторного получения информации от известного источника. При работе с ними на первое место встает необходимость удостовериться надежность источника, предоставившего информацию и несущего ответственность за ее достоверность и неизменность. Вещественные же доказательства пред-

ставляют собой следы преступной деятельности и формируются объективно. Они незаменимы и уникальны [27]. В связи с этим, по нашему мнению, наиболее приемлем второй подход к определению процессуальной природы компьютерной информации.

1. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 2 (81). С. 92.

2. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 18.

3. Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. ... канд. юрид. наук. 2016. С. 9; Кремнева Е.А., Хорьяков С.Н. Протоколирование следственных действий // Библиотека криминалиста. 2018. № 2 (37). С. 78.

4. Григорьев О.Г. Роль и уголовно-процессуальное значение компьютерной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 15.

5. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 18.

6. Зигура Н.А., Кудрявцева А. В. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: монография М.: Юрлитинформ, 2011. С. 24.

7. Гамбарова Е.А. Социальные сети как источник цифровых доказательств // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию кафедры криминалистики юридического факультета БГУ / отв. ред. В.Б. Шабанов. Белгород, 2017. С. 189.

8. Маринкин Д.Н., Костарева В.А. Цифровые доказательства в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 1 (32). С. 33–36.

9. Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 151.

10. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Некоторые вопросы использования электронных носителей информации при расследовании уголовных дел // *Полицейская деятельность*. 2018. № 1. С. 1–8.
11. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 32 с.
12. Федюкина А.Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // *Отечественная юриспруденция*. 2016. № 12 (14). С. 44–46.
13. Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2013. № 4-2. С. 254–260.
14. Ионова Ю.А. Понятие доказательств, имеющих электронную форму и цифровое содержание: проблемы и перспективы // *Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права*, 2013. № 1. С. 256.
15. Рыбин А.В. Электронный документ как вещественное доказательство по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: процессуальные и криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 26.
16. Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. ... канд. юрид. наук. 2016. С. 12.
17. Рыбин А.В. Электронный документ как вещественное доказательство по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: процессуальные и криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 26.
18. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014. С. 159.
19. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России*. 2017. № 2 (81). С. 91–104.
20. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс. М., 2008. С. 200.

21. Баксалова А.М., Черданцев А.Ю. Проблемы правового регулирования действий, указанных в статьях 186 и 186.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2016. Т. 12. № 1. С. 121.

22. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 36.

23. Черкасов В.С. Компьютерная информация как самостоятельный источник уголовно-процессуальных доказательств: аргументы за и против // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2 (43). С. 55–62.

24. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001. С. 28.

25. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: АЛЬФА, 1996. С. 302.

26. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Некоторые вопросы использования электронных носителей информации при расследовании уголовных дел // Полицейская деятельность. 2018. № 1. С. 1–8.

27. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 65–71.

28. Апелляционное определение Верховного Суда Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 4 июня 2013 г. № 41-АПУ13-13сп. URL: <http://sudact.ru>.

29. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 17 января 2020 г. по делу № 10-155/2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ефремова Ольга Михайловна. Преподаватель-методист учебного отдела.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Efremova Olga Mikhailovna. Teacher-Methodologist of the Educational Department.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Васюков Виталий Федорович. Профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, доктор юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76.

Vasyukov Vitaly Fedorovich. Professor of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Assistant Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

119454, Russian Federation, Moscow, Vernadsky ave., 76.

Ключевые слова: компьютерная информация; доказывание; уголовное дело; вещественное доказательство; иные документы.

Keywords: computer information; proof; criminal case; material evidence; other documents.

УДК 343.1

Жамкова О.Е.

**К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЛИЦА,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ
ДОСЛЕДСТВЕННАЯ ПРОВЕРКА**

**ON THE QUESTION OF THE PROCEDURAL STATUS
OF THE PERSON IN RESPECT OF WHOM
A PRE-INVESTIGATION CHECK IS BEING CONDUCTED**

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с особенностями реализации прав лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, вносятся предложения по уточнению момента возникновения у лица процессуального статуса на этапе доследственной проверки.

The article deals with problematic issues related to the peculiarities of the implementation of the rights of a person against whom a crime report is being checked, proposals are made to clarify the moment when a person has procedural status at the stage of pre-investigation verification.

Прежде чем возбудить уголовное дело и привести в движение огромный механизм уголовного судопроизводства, необходимо разрешить основную задачу стадии возбуждения уголовного дела – установить наличие признаков преступления в том событии, о котором поступила информация в правоохранительные органы. Установить признаки преступления невозможно без привлечения определенных граждан к производству доследственной проверки. Долгое время законодатель только регулировал те способы, которыми должна проводиться доследственная проверка, не называя участников и лиц, которые могут быть задействованы на первоначальном этапе производства и, тем более, не определяя их права. С 2013 года ситуация кардинально изменилась, поскольку Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [1] в ст. 144 УПК РФ [2] были внесены дополнения, и на этапе возбуждения уголовного дела появились участники проверки сообщения. Также законодательно был определен круг прав тех лиц,

которые участвуют в процессуальных действиях, совершаемых в ходе доследственной проверки. Однако у правоприменителя возникли вопросы: с какого момента у лиц, участвующих в проверке, появляется некий соответствующий статус, каково его содержание, в каком порядке следует разъяснить права, указанные в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, и как подтвердить, что они были объявлены лицу. Наиболее проблематично разрешить эти вопросы применительно к лицу, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении. Если после возбуждения уголовного дела подобное лицо приобретает статус подозреваемого и алгоритм действий субъекта расследования с таким участником уголовного дела достаточно регламентирован законодателем в ст. 46, 47 УПК РФ, то права на этапе доследственной проверки закреплены нечетко.

Проблема достаточно актуальна, если её рассматривать через призму судебной практики. Так, например, суды зачастую [3] отменяют обвинительные приговоры и признают недопустимым доказательством протоколы явки с повинной, по той простой причине, что лицу в ходе доследственной проверки не были в надлежащей форме разъяснены соответствующие права ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в том числе право на пользование услугами адвоката.

В 2016 году вышло постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 [4], в котором было установлено, что под началом уголовного преследования понимается момент, с которого в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном частью 1.1 статьи 144 УПК РФ, либо следственных действий, направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым. Если следовать буквальному толкованию приведенного текста высшего судебного органа России, то, очевидно, что с момента оформления явки с повинной лицо приобретает права, установленные в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Именно это Верховный Суд и уточнил через несколько месяцев в своем постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 [5], где указал, что суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления с учетом требований части 1.1 статьи 144 УПК РФ права. Однако, по мнению автора статьи, требование к должност-

ным лицам о разъяснении прав лицу, явившемуся с повинной, следовало сформулировать в ст. 142 УПК РФ.

Правоприменителю затруднительно определить, в какой момент у лица, задержанного в доследственной проверке, появляются права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Особенно нелегко это определить при явке с повинной, которая может поступить в правоохранительные органы по почте, в том числе электронной. То есть фактической явки лица может и не быть.

Если рассмотреть момент начала уголовно-процессуальной деятельности, то он определяется датой приема и регистрации в КУСП соответствующего повода для возбуждения уголовного дела, до этого момента уголовно-процессуальная деятельность не осуществляется, а значит и отсутствует лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении. Должностным лицом на данном этапе может лишь разъясняться право лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное Конституцией РФ.

Безусловно, при получении первого же объяснения от лица, явившегося с повинной, ему будут разъясняться права, о которых указано в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и, прежде всего, право на адвоката в том числе. Но кто должен обеспечить участие этого адвоката в процессуальном действии? И где гарантия, что, получив разъяснение своих прав и время на поиск адвоката (а возможно и после консультации с ним), лицо не передумает раскаиваться, психологически успокоиться, продумает позицию защиты с целью уйти от уголовной ответственности? Подобные ситуации возникают нередко.

Странно определил Верховный Суд РФ свою позицию, указав в вышеупомянутом постановлении [5], что если сторона обвинения ссылается на указанные в заявлении о явке с повинной сведения как на одно из доказательств его виновности, то суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления права, предусмотренные ч. 1.1 статьи 144 УПК РФ. Фактически суд совершенно игнорирует и не обязывает дать оценку явки с повинной в совокупности с иными процессуальными документами и доказательствами, которые были получены по уголовному делу позднее, уже в ходе расследования. С точки зрения автора, это важно, особенно в си-

туации, если и в ходе расследования лицо продолжало давать признательные показания, изменив их, например, только в суде. Информация, изложенная в явке с повинной, должна оцениваться наравне и в совокупности с другими доказательствами, полученными по делу.

Отсутствие фиксации в документах факта разъяснения права на адвоката в момент оформления явки с повинной не может служить основанием к игнорированию добровольного акта рассказа в содеянном, тем более что это важно для смягчения при определении наказания (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), и при этом нет подобного требования в законе (не зафиксировано применительно к оформлению явки с повинной в ст. 142 УПК РФ).

Представляется целесообразным закрепить момент появления процессуального статуса у лица, в отношении которого ведется проверка в тексте закона. А именно после регистрации в КУСП следующих документов:

- а) заявления/протокола устного заявления о преступлении в отношении конкретного лица;
- б) заявления/протокола явки с повинной;
- в) рапорта об обнаружении признаков преступления, в котором описываются действия, совершенные установленным лицом, содержащие признаки преступления;
- г) постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании конкретного лица.

Также необходимо законодательно закрепить момент разъяснения лицу соответствующих прав, ознакомление с которыми необходимо отражать в соответствующем протоколе.

Если бы в законе был урегулирован порядок разъяснения данных прав, о чем ставилась бы отметка в протоколе следственного действия или отдельного протокола ознакомления, в суде не возникал бы спор о том, были данные права разъяснены или нет.

Таким образом, следует констатировать, что несовершенство механизма законодательного регулирования статуса лица, в отношении которого ведется проверка, влечет за собой правовые коллизии и затрудняет реализацию его прав на первоначальном этапе судопроизводства.

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ: в ред. от 28 декабря 2013 г. // Рос. газ. 2013. 6 марта. № 48.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 1 июля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 5 декабря 2019 г. № 53-АПУ19-23сп; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 25 июня 2020 г. № 5-УД20-53. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 марта 2016 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О судебном приговоре [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жамкова Ольга Евгеньевна. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Zhamkova Olga Evgenyevna. Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot.

117997, Russian Federation, Moscow, Akademik Volgin st., 12.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; доследственная проверка; процессуальный статус; лицо, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении.

Keywords: initiation of a criminal case; pre-investigation check; procedural status; the person against whom the report of a crime is being checked.

УДК 343.1

Журавлева Н.М.

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ
В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ**

**ON THE QUESTION OF LEGAL EVALUATION
IN THE PREPARATION OF THE INQUIRY
IN THE ABBREVIATED FORM**

Согласие уголовно преследуемого лица с правовой оценкой совершенного деяния является одним из условий применения по уголовному делу дознания в порядке гл. 321 УПК РФ. Проанализировав действующее законодательство, существующие мнения ученых-процессуалистов, а также правоприменительную практику, автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в соответствующие нормы уголовно-процессуального закона.

The consent of a prosecuted person with a legal assessment of the committed act is one of the conditions for the application of the criminal inquiry in the order of chapter 321 of the Code of Criminal

Procedure of the Russian Federation. Having analysed the current legislation, the existing opinions of procedural scholars, as well as the law enforcement practice, the author concludes that it is necessary to amend the relevant norms of the criminal procedure law.

Применение упрощенного порядка расследования по уголовному делу – дознания в сокращенной форме – возможно лишь в случае установления обстоятельств – условий, предусмотренных частью второй ст. 2261 УПК РФ, и получения в установленном законом виде волеизъявления уголовно-преследуемого лица.

Несмотря на то, что действующее законодательство четко определяет предпосылки к производству данной формы расследования, под которыми мы понимаем основание и условия, однако не всегда понятно как поступать правоприменителю в случае изменения последних.

Так, не возникает вопросов относительно прекращения по уголовному делу дознания в упрощенном порядке в случаях, когда:

– установлен факт того, что подозреваемый совершил преступление, относящееся к подсудственности органов предварительного следствия;

– в ходе расследования выявлены обстоятельства, препятствующие производству дознания в порядке гл. 321 УПК РФ.

В свою очередь, с применением какого вида дознания продолжать расследование в ситуации, когда правовая оценка преступного деяния, совершенного подозреваемым, уточняется или вообще изменяется? При этом совершенное преступление квалифицируется по какому-либо составу из перечисленных в части третьей ст. 150 УПК РФ.

Прямого запрета на продолжение дознания в сокращенной форме действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит. Однако по условиям применения данной формы расследования подозреваемый должен быть согласен с той квалификацией совершенного им деяния, которая приведена в постановлении о возбуждении уголовного дела. Представляется, что неизменность правовой оценки, характеризующаяся привязкой к указанному решению, может повлечь определенные сложности.

Анализ норм гл. 321 УПК РФ позволил нам прийти к выводу о том, что изменение правовой оценки деяния в ходе производства по уголовному делу сокращенной формы дознания должно повлечь прекращение расследования в упрощенном порядке независимо от отношения подозреваемого к сложившейся ситуации. Так, согласие уголовно-преследуемого лица с новой правовой оценкой своих преступных действий влечет несогласие или «оспариваемость» квалификации, сформулированной при принятии решения о возбуждении уголовного дела. С другой стороны, возражение подозреваемого против измененной оценки деяния указывает на несоблюдение требований п. 2 части второй ст. 2261 УПК РФ. В связи с этим продолжать дознание в сокращенной форме не представляется возможным.

Обращение к практике применения положений гл. 321 УПК РФ показало, что исследуемая проблема, связанная с изменением правовой оценки в условиях упрощенного порядка производства по причине отсутствия правовой регламентации, разрешается по-разному.

В свете излагаемой проблемы следует признать справедливым мнение И.С. Дикарева. Еще в 2013 г., после введения в отечественное уголовное судопроизводство дознания в сокращенной форме, он писал о необходимости внесения изменений в соответствующие нормы уголовно-процессуального законодательства, в частности в п. 2 части второй ст. 2261 УПК РФ. В качестве решения он предлагал ликвидировать «привязку» правовой оценки деяния подозреваемого к постановлению о возбуждении уголовного дела [1, с. 33]. Однако до настоящего времени каких-либо изменений указанная норма не претерпела.

Современная редакция условия, предусмотренного вышеуказанной нормой, в определенной мере может препятствовать применению дознания в порядке гл. 321 УПК РФ. Речь идет о ситуациях, когда по результатам проведения доследственной проверки не представляется возможным однозначно описать и определить квалификацию совершенного преступного деяния. Вполне закономерно, что в подобных случаях в ходе проведения предварительного расследования установленные обстоятельства могут привести к изменению и уточнению формулировки обвинения. Это (ранее мы уже поясняли), согласно действующему уголовно-

процессуальному законодательству, может привести к прекращению по уголовному делу производства расследования в порядке гл. 321 УПК РФ и продолжению дознания, только уже в общем порядке. Как результат – уменьшение количества дел, оконченных составлением обвинительного постановления. Для достижения положительного эффекта п. 2 части первой ст. 2261 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции:

«Подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает уголовно-правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела или измененную с учетом установленных в ходе дознания в сокращенной форме обстоятельств дела».

Следует отметить, что приведенная редакция в целях обеспечения прав подозреваемого влечет необходимость внесения изменений и в другие нормы гл. 321 УПК РФ. В данном случае мы говорим о таких правах уголовно-преследуемого лица, как своевременное уведомление об изменении существа подозрения, будь то уточнение правовой оценки деяния либо его переквалификация. Нельзя оставить без внимания и наделение подозреваемого возможностью возражать против наступивших перечисленных изменений. В связи с этим считаем, что в процессуальный статус дознавателя должна быть включена такая обязанность, как разъяснение подозреваемому сущности измененного подозрения.

Реализация предлагаемых нами изменений подразумевает собой осуществление целого комплекса процессуальных действий. Последние включают в себя:

- вынесение постановления об уточнении (переквалификации) действий;
- уведомление о принятом решении подозреваемого, потерпевшего и (или) его представителя и разъяснение им порядка обжалования принятого решения;
- повторное разъяснение заинтересованным участникам уголовного дела их прав и правовых последствий, связанных с производством дознания в порядке гл. 321 УПК РФ.

Приведенный нами выше перечень процессуальных действий не является исчерпывающим и не противоречит действующему законодательству. Полагаем, что в определенной мере он

будет гарантировать соблюдение прав подозреваемого, потерпевшего и (или) его представителя.

В заключение следует отметить, что в настоящее время есть необходимость внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, касающихся регламентации дознания в сокращенной форме не только в целях повышения его эффективности, но и для формирования единообразной практики применения указанной формы расследования. При этом следует отметить, что, предлагая какие-либо нововведения, нельзя забывать об обеспечении прав участников уголовного судопроизводства.

1. Дикарев И.С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения. Волгоград, 2013. С. 22–34.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: с изм. от 1 июля 2021 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлева Наталья Михайловна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Уральский юридический институт МВД России.

620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Zhuravleva Natalia Mikhailovna. Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law).

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

620057, Russian Federation, Yekaterinburg, Korepin st., 66.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме; подозреваемый; правовая оценка деяния; переквалификация.

Keywords: inquiries in an abbreviated form; suspect; legal assessment of the act; reclassification.

УДК 343.13

Зайцев В.П.

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО
ПРАВА НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СЛЕДСТВЕННЫМИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ СЛЕДСТВЕННОГО
КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**SEPARATE PROBLEMS OF EVIDENCE LAW
ON THE EXAMPLE OF THE INTERACTION OF UNITS
ON COMBATING ECONOMIC CRIMES OF THE MINISTRY
OF THE INTERNAL AFFAIRS OF THE REPUBLIC
OF BELARUS WITH THE INVESTIGATIVE UNITS
OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

В статье рассмотрены проблемы доказывания в уголовном процессе на примере взаимодействия подразделений по борьбе с экономическими преступлениями Министерства внутренних дел Республики Беларусь со следственными подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь. Проведен сравнительно-правовой анализ норм действующих нормативных правовых актов Республики Беларусь. Высказано мнение о причинах описанных проблем. Внесены предложения по изменению законодательства Республики Беларусь.

The article deals with the problems of proof in criminal proceedings at the example of the interaction of units for combating economic crimes of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus with the investigative units of the Investigative Committee of the Republic of Belarus. A comparative legal analysis of the norms of the current regulatory legal acts of the Republic of Belarus has been carried out. An opinion was expressed on the causes of the described problems. Proposals have been made to amend the legislation of the Republic of Belarus.

Широко известно, что уровень эффективности деятельности органов, ведущих уголовный процесс, может быть повышен результатами их взаимодействия. Вместе с тем, само взаимодействие не всегда может быть конструктивным, а иногда и вовсе бывает достаточно проблемным; предлагаем рассмотреть это на примере взаимосвязанной деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – БЭП) со следственными подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь (далее – СК) как органа дознания и предварительного следствия соответственно.

Причин возникновения проблем взаимодействия, как и самих проблем – множество. К ним, на наш взгляд, можно отнести несовершенство законодательства (коллизии правовых норм), недостаточный уровень профессионализма сотрудников взаимодействующих сторон, организационно-штатные ограничения возможностей правоохранителей, наличие несколько различных профессиональных интересов сторон в разных стадиях уголовного процесса, взаимное сдерживание, различия в подходах к исполнению требований законодательства и др.

В отдельных случаях взаимодействие сводится к стремлению некоторых сотрудников БЭП «переложить» свою работу или ее часть на сотрудников СК и наоборот.

Одной из актуальных проблем взаимодействия является вопрос назначения проверки финансово-хозяйственной деятельности [1]. Сложившаяся практика взаимодействия по данному направлению сведена к требованию назначения указанной проверки с использованием полномочий подразделений БЭП, что часто принципиального значения для принятия решения в порядке ст. 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), при наличии в материалах проверки инвентаризационных описей, расчетов, справок, калькуляций имущественных последствий действий (бездействия) предполагаемого преступника, не имеет и в большинстве случаев приводит к затягиванию доследственной проверки, вынужденности принятия промежуточного решения о приостановлении проверки по заявлению или сообщению о преступлении. В случаях выявления таких преступлений экономической направленности, как преступления

против собственности (ст. 209, 210, 211 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)), видится логичным провести параллель с раскрытием преступления, предусмотренного ст. 205 УК. Так, в случае совершения лицом кражи, например мобильного телефона, для принятия решения о возбуждении уголовного дела достаточным является наличие справки о стоимости похищенного, выданной компетентным органом (организацией), без проведения дополнительных исследований в части предмета хищения. Более того, некоторые практические примеры убеждают не только в отсутствии необходимости, но и в бесполезности назначения проверки финансово-хозяйственной деятельности. Так, при определении размера вреда, понесенного предприятием в результате необоснованного начисления заработной платы работникам, выполнявшим по незаконным указаниям их руководителя работы на другом объекте, не имеющем отношения к деятельности предприятия, основным документом для специалистов контролирующих (надзорных) органов служит табель учета рабочего времени. Однако составление указанного документа в большинстве случаев является способом совершения должностного преступления. В табель учета рабочего времени умышленно вносятся сведения, не соответствующие действительности. Таким образом, при подобных случаях в ходе проверки финансово-хозяйственной деятельности документально наступление последствий противоправной деятельности установлено быть не может. Положения Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (ст. 24), Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь» (ст. 10) указывают на возможность инициирования проверки финансово-хозяйственной деятельности не только подразделениями БЭП, но и СК. То есть в случае возникновения необходимости СК проверка финансово-хозяйственной деятельности может быть инициирована самостоятельно как до, так и после возбуждения уголовного дела.

В большинстве случаев к работе сотрудников БЭП взаимодействующей стороной предъявляются требования по установлению состава преступления на этапе доследственной проверки, при этом без внимания остается факт возможности и законности

возбуждения уголовного дела при наличии повода и основания. В связи с этим распространенной проблемой взаимодействия подразделений БЭП и СК выступает проблема единого понимания содержания основания к возбуждению уголовного дела, предусмотренного п. 1 ст. 167 УПК. Так, достаточные данные, указывающие на признаки преступления, для каждой из взаимодействующих сторон, к сожалению, видятся по-разному. Причиной тому служит отсутствие в УПК определения достаточности данных, указывающих на признаки преступления. На наш взгляд, в плоскости взаимодействия подразделений БЭП со следственными подразделениями СК сложился стереотип «крайней меры» в вопросе возбуждения уголовного дела. Орган уголовного преследования обязан принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, собрать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц (ст. 18 УПК). Отсюда следует, что работа по проверке факта совершения преступления может вестись не только в рамках доследственной проверки, но и в рамках уголовного дела. Более того, к одному из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, относится наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения) (ст. 89 УПК). Одновременно необходимо остановиться и на том, что на невысоком уровне находится количество уголовных дел, возбужденных подразделениями БЭП (органом дознания), на что справедливо могут ссылаться представители СК, так как уголовно-процессуальным законом предусмотрена возможность самостоятельного принятия такого решения органом дознания.

Отдельной и весьма острой проблемой взаимодействия является изъятие документов в контексте собирания доказательств при доказывании. Постановлением МВД Республики Беларусь от 16 апреля 2004 г. № 88 «Об утверждении инструкции о порядке изъятия (истребования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий органами

внутренних дел» (далее – Постановление МВД) утвержден порядок изъятия документов, необходимых для полной, объективной и всесторонней проверки по материалам, разрешаемым в порядке, предусмотренном ст. 173 и 174 УПК. Протоколом изъятия, являющимся приложением к указанному постановлению, не предусмотрено обязательное опечатывание изъятых документов, что не отвечает требованиям уголовно-процессуального закона. Согласно же ч. 3 ст. 204 УПК Беларуси изъятые в ходе осмотра объекты упаковываются, опечатываются за подписью следователя, лица, производящего дознание, и лиц, участвующих в осмотре. Распространены случаи предъявления требований следователями СК в части обязательной упаковки и опечатывания изымаемых оперуполномоченными БЭП документов при сборе материалов доследственной проверки, настаивая на изъятии путем проведения именно осмотра. Важно акцентировать внимание на том, что специфика тактики и методики деятельности подразделений БЭП предполагает частое использование изъятых документов для подготовки и проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий, что исключает реальную возможность нахождения изъятых документов в упакованном и опечатанном виде до момента передачи материалов проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях в СК для принятия решения в порядке ст. 174 УПК. Так, например, опросы лиц, обладающих необходимой информацией, в процессе выявления экономических преступлений против интересов службы (ст. 424–433 УК) зачастую связаны с оперативным использованием изъятых документов (товарно-транспортные накладные, приказы субъектов хозяйствования, материальные отчеты, сличительные ведомости, акты сверки взаимных расчетов и др.) при их изучении, предъявлении опрашиваемым, назначении экспертиз. В свою очередь вышеуказанные требования следователей СК направлены на соблюдение порядка фиксации следов предполагаемой преступной деятельности, предусмотренного УПК, без учета положений иных нормативных правовых актов, а также сложностей, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам БЭП. Причиной затронутой проблемы видится существование для сотрудников подразделений БЭП альтернативы в действиях по изъятию документов, предусмотренных как УПК, так и Постановлением МВД, что не в полной

мере соответствует сложившейся практике служебной деятельности сотрудников СК. Более того, следует помнить, что каждое доказательство подлежит оценке на предмет допустимости, а допустимыми признаются доказательства, полученные в установленном УПК порядке. В поисках компромисса с «правоохранителями-экономистами» следователи либо соглашались с порядком изъятия документов, установленным Постановлением МВД, компенсируя при этом «шаг навстречу» в их субъективном понимании, «манипулированием» сотрудниками БЭП в иных вопросах взаимодействия в направлении принятия решения о возбуждении уголовного дела, либо полностью отрицают указанный порядок изъятия документов, обоснованно ссылаясь на его несоответствие требованиям УПК.

Невзирая на общность исторических предпосылок формирования и назначения подразделений БЭП и следственных подразделений СК, неразрешенными остаются проблемы их взаимодействия, включая вышеописанные, в связи с чем актуальной видится работа, направленная не только на решение имеющихся проблем, но и на недопущение возникновения новых.

Представляется, что рациональными мерами оптимизации взаимодействия могут стать:

1) скорейшее внесение изменений в Инструкцию о порядке изъятия (истребования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий органами внутренних дел, утвержденную Постановлением МВД. Так, из п. 1 главы 1 Инструкции следует исключить «материалам, разрешаемым в порядке, предусмотренном статьями 173 и 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» с одновременным приведением в соответствие дальнейшего текста Инструкции с учетом внесенного изменения. Предложенная мера позволит устранить существующий в настоящее время двойной порядок изъятия документов и (или) их копий в рамках проводимых проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях. Преимуществом указанной меры является практическая возможность ее реализации на уровне МВД;

2) внесение изменений в ч. 3 ст. 204 УПК «Порядок проведения осмотра». Так, действующую редакцию указанной право-

вой нормы «Изъятию подлежат только те объекты, которые могут иметь отношение к уголовному делу или материалам. Изъятые объекты упаковываются, опечатываются за подписью следователя, лица, производящего дознание, и лиц, участвующих в осмотре. В случае громоздкости изымаемых объектов, исключаяющей возможность их упаковки и опечатывания, изымаемые объекты должны быть детально описаны в протоколе следственного действия с указанием индивидуальных признаков, позволяющих их идентифицировать, и зафиксированы с применением технических средств фиксации хода и результатов производства следственного действия на месте обнаружения» предлагаем заменить на «Изъятию подлежат только те объекты (документы и (или) их копии), которые могут иметь отношение к уголовному делу или материалам. Изымаемые объекты (документы и (или) их копии) должны быть детально описаны в протоколе осмотра с указанием индивидуальных признаков, позволяющих их идентифицировать, а также могут быть упакованы и опечатаны. Осмотр производится с обязательным применением технических средств фиксации хода и результатов его производства». Все это позволит скорректировать интересы подразделений БЭП и следственных подразделений СК, а также положительно скажется на эффективности деятельности органов уголовного преследования в целом [2, с. 229–231].

1. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

2. Зайцев В.П. Изъятие документов как проблема взаимодействия подразделений по борьбе с экономическими преступлениями Министерства внутренних дел Республики Беларусь со следственными подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь и меры по ее устранению // Пути совершенствования досудебного производства в уголовном процессе: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 20–21 сент. 2018 г. / Упр. Следств. ком. Респ. Беларусь по Гом. обл., Гом. обл.

обществ. об-ние «Союз следователей», Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины; редкол.: С.М. Паско [и др.]. Гомель, 2018. С. 229–231.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцев Владимир Петрович. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

220005, Республика Беларусь, г. Минск, просп. Машерова, 6.

Zaitsev Vladimir Petrovich. Teacher of the Chair of Criminal Procedure.

The Ministry of the Interior Academy of the Republic of Belarus.

220005, Republic of Belarus, Minsk, Masherov ave., 6.

Ключевые слова: уголовный процесс; взаимодействие органов, ведущих уголовный процесс; проблемы взаимодействия; доказывание; назначение проверки финансово-хозяйственной деятельности; изъятие документов.

Keywords: criminal process; interaction of bodies conducting criminal proceedings; communication problems; proof; appointment of a professorate of financial and economic activities; seizure of documents.

УДК 343.1 (476)

Зайцева Е.А.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УГОЛОВНО ПРЕСЛЕДУЕМОГО
ЛИЦА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОБРАЗЦОВ
ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

**ENSURING THE RIGHTS OF A CRIMINAL DURING
OBTAINING COMPARATIVE SAMPLES**

Автор критически анализирует правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о безотлагательности получения образцов для сравнительного исследования и возможности проведения этого действия в отсутствие защитника.

The author critically analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of the irresponsibility of obtaining samples for comparative research and the possibility of carrying out this action in the absence of a defender.

При получении образцов для сравнительного исследования у уголовно преследуемого лица субъекты доказывания вторгаются в сферу охраняемых Конституцией РФ прав и свобод граждан, что нередко воспринимается юридическим сообществом как ситуация, требующая пристального внимания со стороны защиты. Очередная дискуссия развернулась вокруг проблемы участия защитника в получении образцов для сравнительного исследования [1] благодаря правовым позициям Конституционного Суда РФ, зафиксированным в Определении от 23 июля 2020 г. № 1856-О [2]. Указанные правовые позиции нуждаются в отдельном анализе, что и будет предпринято нами в настоящей статье.

Конституционный Суд РФ, отказывая В.И. Самсонову в удовлетворении его жалобы на несоответствие конституционным установлениям существующего порядка участия защитника в производстве следственных действий как позволяющего следователю получить образцы для сравнительного исследования в отсутствие защитника уголовно-преследуемого лица, сослался на свое решение по жалобе К.В. Барабаша. Причем сослался, по нашему глубокому убеждению, некорректно, подчеркнув, что

«... по смыслу ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (статьи 157, 164, 165, 182 и 183) требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний и носящих безотлагательный характер, подготавливаемых и проводимых без предварительного уведомления лица об их проведении ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств, в том числе выемки, производство которой не приостанавливается и для явки адвоката (защитника)» [3].

Если применительно к выемке, о которой шла речь в жалобе К.В. Барабаша, доводы Конституционного Суда РФ о безотлагательности следственного действия видятся вполне резонными, то для ситуации с получением образцов для сравнительного исследования такая аргументация не подходит. Дело в том, что результативность выемки, когда она не носит добровольный характер, во многом предопределяется фактором внезапности. Безотлагательность данного действия очевидна – «ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств», – как справедливо пишет высший орган конституционного нормоконтроля. Однако, что касается получения образцов для сравнительного исследования, то это действие не направлено на предотвращение «угрозы уничтожения (утраты) доказательств», т.к. оно не преследует цель получения и закрепления доказательств. Его предназначение – получить и удостоверить происхождение образцов, характеризующих то или иное человеческое существо как: 1) биологическую особь (образцы слюны, волос, крови и т.д.) или как 2) члена общества (образцы почерка, образцы речи). Указанные образцы присущи данному человеческому существу, безотлагательность их получения не может быть объяснена природой самого данного следственного действия, т.к. лицо может представить образцы биологического происхождения в любое время, пока функционирует его организм. При этом желания самого субъекта для получения образцов биологического происхождения не требуется, т.к. организм воспроизводит соответствующие биологические объекты самопроизвольно. А вот образцы речи, походки, почерка являются результатом выработки динамического стереотипа, что требует осознанного волевого участия лица, предоставляющего образ-

цы, для адекватного воспроизведения полученных навыков письма, речи, сформировавшейся походки.

Этим получение образцов для сравнительного исследования отличается от такого безотлагательного следственного действия, как освидетельствование, в ходе которого с тела человека могут быть получены следы контактного взаимодействия с окружающей средой (частицы грунта, строительных материалов), с участниками преступления (кровь потерпевшего, частицы его кожи), с орудиями преступления (следы выстрела). Эти уникальные объекты-следы невоспроизводимы, что обуславливает безотлагательность освидетельствования. Такие банальные с точки зрения криминалистики истины должны быть известны всем юристам, в особенности тем, которые выполняют важную государственную функцию в рамках конституционного нормоконтроля. С учетом этого полагаем, что Конституционный Суд РФ некорректно сослался в комментируемом нами определении № 1856-О на безотлагательность производства такого следственного действия, как получение образцов для сравнительного исследования. Этой мнимой «безотлагательностью» КС РФ объяснил невозможность реализации «требования о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника)», что, по сути, неверно, так как получить образцы на час (или два-три) позже, но в присутствии защитника уголовно преследуемого лица – вполне выполнимая задача.

Закономерно возникает вопрос: а для чего, собственно, подозреваемый (обвиняемый) требовал участия защитника при получении образцов для сравнительного исследования? Ведь это же не допрос. Как подчеркивает КС РФ в том же определении по жалобе К.В. Барабаша, «требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника)» распространяется на случаи, «связанные с дачей лицом показаний». По этой же причине (т.к. в ходе получения образцов показания не даются) КС РФ посчитал необязательным участие защитника в деле В.И. Самсонова. Здесь возникают явные ассоциации с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека, выраженными в решении по делу Саундерс против Соединенного Королевства: «Право не свидетельствовать против самого себя – это, в первую очередь, право обвиняемого хранить молчание. Как принято считать в правовых системах государств-участников

Конвенции и в других странах, данное право не распространяется на использование в уголовном процессе материалов, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его воли принудительным путем, как то *inter alia*: изъятие по предписанию документов, получение образцов крови, мочи и кожного покрова для проведения анализа ДНК» [4]. Следовательно, дача образцов (биологического происхождения) не нарушает привилегию против самообвинения, и на это следственное действие не распространяется охранительное воздействие ст. 51 Конституции РФ.

Казалось бы, с учетом этого позиция КС РФ в части необязательности участия защитника при получении образцов выглядит более-менее убедительно. Однако следует принимать в расчет, что, несмотря на то, что в ходе анализируемого следственного действия не формируются показания как доказательства (для допустимости которых закон признает обязательным участие защитника – п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), уголовно преследуемое лицо в этот момент также нуждается в квалифицированной юридической помощи. Присутствие защитника – гарантия того, что с обвиняемым (подозреваемым) при получении образцов для сравнительного исследования не будут обращаться грубо, не станут нарушать его конституционные права, причинять ему боль или унижать (случаи незаконного воздействия на обвиняемых и подозреваемых со стороны сотрудников полиции широко известны общественности). Поэтому полагаем, что, именно исходя из данных мотивов, участие защитника в указанном следственном действии при требовании уголовно преследуемого лица должно быть обеспечено – несмотря на позицию Конституционного Суда РФ (весьма противоречивую), выраженную в определении по жалобе В.И. Самсонова.

1. КС: Следователь вправе взять у обвиняемого образец для сравнительного исследования без адвоката [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-sledovatel-vprave-vzyat-u-obvinyaemogo-obrazets-dlya-sravnitelnogo-issledovaniya-bez-advokata> (дата обращения: 27.08.2021).

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самсонова Виталия Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 16, 47, 51 и 202 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 23 июля 2020 г. № 1856-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision489190.pdf> (дата обращения: 27.08.2021).

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барабаша Кирилла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части первой статьи 53 и пунктом 6 части четвертой статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 17 февраля 2015 г. № 415-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. Т. 2 / под ред. проф. В.А. Туманова. М.: НОРМА, 2000. С. 314.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Елена Александровна. Профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор.

Волгоградская академия МВД России.

400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Zaitseva Elena Aleksandrovna. Professor of the Chair of Criminal Procedure, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

400089, Russian Federation, Volgograd, Historical st., 130.

Ключевые слова: получение образцов для сравнительного исследования; участие защитника; безотлагательное следственное действие; Конституционный Суд РФ.

Keywords: obtaining samples for comparative examination; participation of a defender; urgent investigative action; Constitutional Court of the Russian Federation.

Замуруева Е.Ю.

**СООТНОШЕНИЕ ОСНОВАНИЙ И УСЛОВИЙ
ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**CORRELATION OF THE GROUNDS AND CONDITIONS
FOR THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

В статье раскрываются проблемы, связанные с соотношением оснований и условий применения мер пресечения.

The article reveals the problems associated with the ratio of grounds and conditions for the application of preventive measures.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ дознаватель, следователь, суд имеют право избрать меру пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый может: скрыться от предварительного расследования или суда; продолжить заниматься преступной деятельностью; воспрепятствовать производству по делу; уклониться от исполнения приговора или возможной выдачи лица по запросу иностранного государства.

Хотя основания представляют центральный элемент в принятии решения о применении меры уголовно-процессуального воздействия, они не могут рассматриваться в отрыве от других условий, предъявляемых к этим мерам. При этом, несмотря на то, что в УПК РФ отсутствует понятие «условия применения мер пресечения», анализ норм самого Кодекса, а также изучение международных стандартов и решений судов РФ подтверждают их наличие.

Так, согласно главе 13 УПК РФ соответствующие меры уголовно-процессуального воздействия применяются к определенному кругу лиц – подозреваемому, обвиняемому. Это означает, что первоочередным условием является возможность избрания мер пресечения только после возбуждения уголовного дела. Во-вторых, условием их применения считается обоснованное подо-

зрение в причастности лица к совершенному преступлению. В определении Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О [2], в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 [3], других решениях судов отмечается, что избрание меры пресечения допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению.

Кроме этого, запреты и ограничения могут быть применены к подозреваемому и обвиняемому только в том случае, когда это вызвано необходимостью. В ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ отражено, что избрание домашнего ареста и заключения под стражу допускается в случаях невозможности применения другой более мягкой меры пресечения. Стремиться к минимальным ограничениям следует при избрании всех принудительных мер. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41 также отмечено, что более строгая мера обеспечения уголовного судопроизводства должна избираться только после обсуждения возможности применения вопроса о более мягкой мере [3]. Следовательно, правоприменителям важно соблюдать такое условие применения мер пресечения, как «экономия принуждения».

Еще один аспект. По смыслу закрепленного в ст. 49 Конституции РФ принципа презумпции невиновности до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его [1]. Соразмерность уголовно-процессуального принуждения в ходе производства по делу, грозящему уголовно-правовому принуждению по приговору суда, как еще одно из условий применения мер процессуального воздействия, означает не только соответствие характеру ограничений, но также и срокам оказания принудительного воздействия.

Таким образом, в УПК РФ имеется фактическое упоминание различных условий применения мер пресечения. Конституционный Суд РФ и Пленум Верховного Суда РФ в своих решениях также обращается к ним, разъясняя, что одних лишь оснований для применения мер пресечения недостаточно.

Вместе с тем открытым и дискуссионным остается вопрос о соотношении оснований и условий применения мер пресечения. Причем в словаре русского языка эти термины не отождествляются. Так, «основание» рассматривается (в числе прочих значений) как «причина, достаточный повод, оправдывающие что-нибудь» [7, с. 488]. Тогда как «условие» определяется как «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит», «правила, установленные в какой-нибудь области жизни, деятельности», «данные, требования, из которых следует исходить [7, с. 827]».

По рассматриваемому вопросу в юридической литературе имеются разные позиции.

Одни ученые не включают основания в систему условий применения мер пресечения и считают, что эти категории являются самостоятельными.

Так, по мнению З.Ф. Ковриги, условия представляют собой «сопутствующие» основаниям избрания мер пресечения обстоятельства. Меры процессуального принуждения применяются, безусловно, если имеются основания. Тогда как наличие условий просто подчеркивает наиболее важные факты. Совокупность оснований и условий, где вторые носят вспомогательный характер, обеспечивает законность принятого решения [5, с. 61–62].

М.В. Смирнов отмечает, что основания и условия – это обстоятельства, которые имеют разное правовое поле. Сочетание оснований и условий является важной гарантией прав и законных интересов лиц, которые участвуют в производстве по уголовному делу [8, с. 23–24].

Существует и противоположное мнение, в соответствии с которым основания включаются в понятие условий.

Так, согласно позиции М.С. Строговича, закон ставит несколько условий, лишь при наличии которых допустимо применение заключения под стражу в качестве меры пресечения: 1) оно допускается только по делам о преступлениях, за которые судом может быть назначено наказание в виде лишения свободы; 2) необходимо наличие оснований полагать, что обвиняемый по такому делу, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины, скроется от следствия и суда или может совершить другое преступление [9, с. 280].

Схожую позицию занимает А.Т. Гольцев. Он выделяет собственно условия, характеризующие процессуальную форму, соблюдение которой позволяет судить об их законности. К ним же автор относит и обстоятельства, с наличием которых связывается необходимость избираемой меры – основания [4, с. 47].

По нашему мнению, вторая точка зрения является более универсальной.

В ст. 7 УПК РФ закреплены требования, которым должны соответствовать любые уголовно-процессуальные решения: законность, обоснованность и мотивированность. Безусловно, все они взаимосвязаны друг с другом.

Под законностью принятия решений понимается соблюдение установленных условий, тогда как обоснованность определяется наличием оснований для их принятия, производства или совершения. Под мотивированностью стоит понимать отражение в соответствующем решении обстоятельств, подтверждающих наличие оснований. Если решение необоснованно, то оно не может быть законным. Вместе с тем, если имеются основания избрания мер пресечения, но решение принято, например, с нарушением порядка или не учитывая соразмерность принуждения, то оно будет являться незаконным.

Можно сделать вывод, что условия законности принятия решения о применении мер пресечения шире, чем условия обоснованности. Следовательно, наличие оснований для избрания обеспечительных мер – это особое условие законности, которое должно включаться в единую систему условий применения мер уголовно-процессуального воздействия. Такая система даст возможность компетентным органам не только в каждом конкретном случае мотивировать необходимость применения принудительных мер к подозреваемым, обвиняемым в совершении преступления, но и осуществить выбор наиболее справедливых средств воздействия в соответствии с обстоятельствами производства. Только при одновременном соблюдении всех условий решение о применении мер пресечения будет соответствовать требованиям законности, обоснованности и мотивированности.

1. По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с

жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 12 июля 2005 г. № 330-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41: в ред. от 11 июня 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гольцев А.Т. Заключение под стражу в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 181 с.

5. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1975. 172 с.

6. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. 136 с.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

8. Смирнов М.В. Условия применения мер процессуального принуждения на предварительном следствии // Рос. следователь. 2003. № 4. С. 23–24.

9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 466 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Замуруева Елизавета Юрьевна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Zamuruyeva Elizaveta Yuryevna. Postgraduate student of the Chair of Criminal Procedure.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Муравьев Кирилл Владимирович. Заместитель начальника (по научной работе), доктор юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Muravyov Kirill Vladimirovich. Deputy Head (for Scientific Work), Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: основания применения мер пресечения; условия применения мер пресечения; меры воздействия; условия законности принятия решения; обоснованность.

Keywords: grounds for the application of preventive measures; conditions for the application of preventive measures; measures of influence; conditions for the legality of decision-making; validity.

УДК 343.1

Во Ким Зунг

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ,
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ – ПОТЕРПЕВШЕМУ
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ВЬЕТНАМА)**

**ENSURING COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED
BY A CRIME TO A LEGAL ENTITY – A VICTIM
IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES
(COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CRIMINAL
PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA AND VIETNAM)**

В статье рассматриваются вопросы обеспечения возмещения вреда юридическому лицу, потерпевшему от преступления, в досудебном производстве по уголовным делам в соответствии с уголовно-процессуальными законодательствами Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам. Изучая вышеотмеченную проблему, авторы выявляют характеристики различных процессуальных способов, применение которых позволяет возместить ущерб потерпевшему – юридическому лицу, таких как: гражданский иск, наложение ареста на имущество, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства и др.

The article deals with the issues of ensuring compensation for damage to a legal entity that has suffered from a crime in pre-trial criminal proceedings in accordance with the criminal procedure laws of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam. Studying the above-mentioned problem, the authors identify the characteristics of various procedural methods, the use of which allows to compensate for the damage to the victim – a legal entity, such as a civil suit, seizure of property, international cooperation in the field of criminal proceedings, etc.

Одним из существенных интересов юридического лица, участвующего в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевшего от преступления, является реальное и надлежащим образом обеспеченное возмещение причиненного преступлением вреда, а также восстановление нарушенных прав. На сегодняшний день в условиях сложившейся рыночной экономики, участвуя в различных общественных отношениях, юридическое лицо также берет на себя большой риск стать жертвой преступных деяний.

Отмечается, что возмещение преступного вреда невозможно осуществлять без применения способов его обеспечения. А говоря о способах обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда в уголовном процессе, конечно, в первую очередь необходимо упомянуть про гражданский иск. Несмотря на то, что на сегодняшний день в научном сообществе еще продолжается дискуссия о сущности и значении гражданского иска, наше мнение более близко к позиции тех ученых, которые считают, что рассмотрение и разрешение исковых заявлений о возмещении причиненного преступлением вреда совместно с производством по уголовному делу является наиболее оптимальным способом, осуществление которого полноценно обеспечит восстановление прав и защиту законных интересов лиц, потерпевших от преступлений [1; 4; 10, с. 57; 11, с. 14]. Причем в действующих уголовно-процессуальных законодательствах России и Вьетнама не исключается возможность предъявления потерпевшим гражданским истцом и их представителями искового заявления о возмещении вреда, причиненного преступлением. Еще раз доказывать значение института гражданского иска в уголовном судопроизводстве нет необходимости. При этом хочется подчеркнуть, что реализация рассматриваемого института осуществляется на основе двух принципов: диспозитивности и публичности [5, с. 169; 9, с. 49].

Отмечается, что не во всех уголовных делах, где юридические лица признаны потерпевшими от преступлений, был заявлен гражданский иск о возмещении причиненного преступлением вреда. В России вышеотмеченное утверждение подтверждается результатом проведенного В.И. Баловневой исследования материалов уголовных дел, согласно которому только в 174 случаях из 280 юридические лица, потерпевшие от преступлений, предъявляли гражданский иск в порядке уголовного судопроизводства,

что составляет 62,14 % от общего количества [2, с. 136]. Аналогичный результат получается в процессе изучения нами уголовных дел во Вьетнаме. Так, из 108 изученных нами уголовных дел гражданские иски были заявлены юридическими лицами – потерпевшими – в 81 случае (75 % от общего количества). По нашему мнению, к причинам, создающим отмеченную ситуацию, может относиться следующее:

- во-первых, причиненный преступлением вред был возмещен потерпевшему – юридическому лицу – в полном объеме добровольным путем. Как правило, добровольное возмещение причиненного вреда имеет преимущество, с одной стороны, в быстром восстановлении у потерпевшего нарушенных прав, с другой стороны – в смягчении ответственности виновного;

- во-вторых, возникают трудности в доказывании размера и характера вреда, особенно неимущественного. Вследствие чего возникают препятствия юридическому лицу – потерпевшему – заявлять иск по возмещению вреда;

- в-третьих, по собственному желанию изучаемое нами юридическое лицо предъявляет иск в порядке гражданского судопроизводства, как правило, после вынесения судом решения по уголовному делу, где оно признается потерпевшим. Наличие преюдициального акта, в котором подтверждается виновность лица, позволяет упрощать предъявление иска в гражданско-процессуальном порядке;

- в-четвертых, из-за того, что должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, ненадлежащим образом разъясняет представителю юридического лица, потерпевшего от преступлений, право предъявления искового требования по возмещению причиненного преступлением вреда. УПК СРВ в п. «а» ч. 2 ст. 62 предусматривает право потерпевшего быть уведомленным и разъясненным о процессуальном статусе, приобретенным им при участии в производстве по уголовному делу. Если потерпевшим признается юридическое лицо, данное право реализуется его представителем. Однако УПК СРВ не конкретизирует соответствующую обязанность должностного лица, ведущего уголовное производство, а также не определяет формы, порядок реализации такого права. В связи с этим на практике нередко возникают случаи, когда вьетнамские следственные работники, необос-

нованно упрощая свою работу, обеспечивают реализацию данного права только формально, то есть не разъясняя права в понятных для потерпевшего и его представителя выражениях, а просто перечисляют перечень норм УПК. Как заявляет Е.В. Смирнова, отсутствие у потерпевшего информации о своих правах препятствует возмещению причиненного ему вреда [13]. Такие обстоятельства, на наш взгляд, являются существенным барьером в реализации потерпевшим и его представителем защиты их прав и законных интересов, которые необходимо ликвидировать. Отмечается, что данной причине также уделяется внимание многих ученых. В частности, С.А. Синенко поддерживает необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве требования по составлению протокола, в котором отражается факт разъяснения потерпевшему (дополним – представителю потерпевшего) определенных законодательством прав и возможностей по возмещению преступно причиненного вреда [12, с. 140]. Считаем, что предложение, заявленное данным автором, представляется целесообразным и эффективным в обеспечении прав юридического лица, потерпевшего от преступления.

В целом, можно сказать, что, несмотря на указанные причины, предъявление юридическим лицом, потерпевшим от преступления, гражданского иска представляет собой наиболее эффективный способ, обеспечивающий возмещение причиненного ему вреда.

Другая мера процессуального принуждения, часто применяемая в целях обеспечения возмещения причиненного вреда, – наложение ареста на имущество. Согласно результату проведенного Д.А. Ивановым опроса работников следственных органов более 78 % опрошенных респондентов указывают, что наложение ареста на имущество применяется ими в целях обеспечения возмещения вреда гораздо чаще, чем иные меры процессуального принуждения [7, с. 231].

В России, в соответствии с положением ст. 160.1 УПК РФ, должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, обязано незамедлительно принять меры как по установлению подлежащего конфискации имущества подозреваемого, обвиняемого, так и меры по наложению ареста на данное имущество. Логично утверждать, что в отношении юридического лица

часто совершаются преступления экономической направленности, и вред, причиненный такими преступлениями, практически всегда определяется не одним миллионом рублей [6]. В данном случае, разумеется, своевременное и обоснованное применение такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество оказывает положительное влияние на деятельность по возмещению потерпевшему – юридическому лицу – причиненного преступлением вреда.

Следует отметить, что наложение ареста на имущество в России производится на основании судебного решения. Согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство. Как правило, получение судебной санкции требует определенное время, что может влиять на успешность применения такой меры процессуального принуждения. В связи с этим некоторые ученые считают, что в целях совершенствования института наложения ареста на имущество представляется необходимым предоставить следователю (дознавателю) возможность самостоятельно применять данную меру путем вынесения соответствующего постановления [8]. По мнению О.Д. Вастьяновой, наличие у следователя (дознавателя) такой возможности способствует не только процессуальной экономии, но и более действенному и своевременному обеспечению возмещения потерпевшему причиненного вреда [3].

Стоит отметить, что, в отличие от законодательства России, действующее уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама предусматривает две разновидности наложения ареста на имущество: 1) ст. 128 УПК СРВ – опись имущества, которая осуществляется в отношении имущества, находящегося вне банковских и иных кредитных счетов; 2) ст. 129 УПК СРВ – замораживание банковских и иных кредитных счетов. Обе указанные меры могут применяться как отдельно, так и одновременно.

Еще одно отличие между законодательствами России и Вьетнама, касающееся процедуры применения наложения ареста на имущество, заключается в том, что, согласно ст. 128, 129 УПК СРВ, решение о применении вышеуказанной меры принимается не только судом, но и руководителем следственного органа (требуется одобрение прокурора), а также самостоятельно прокуро-

ром. На наш взгляд, такая процедура является наиболее эффективной, поскольку она дает следователю возможность быстро получить разрешение и своевременно применить данную меру. Сторону защиты данный порядок не ущемляет ее право на защиту, так как ей предоставлено право обжалования решений и действий (бездействий) суда, прокурора и руководителя следственного органа (ст. 470 УПК СРВ).

Наибольшие трудности при применении изучаемой меры возникают в отношении имущества, находящегося за пределами государства. В данном случае требуется уголовно-процессуальное сотрудничество между различными странами. Отмечается, что своевременное направление запроса о правовой помощи по данному направлению обеспечит возмещение потерпевшему (в том числе и юридическому лицу) причиненного преступлением вреда. В последнее время количество запросов о правовой помощи от российских органов предварительного следствия существенно возрастает.

Так, анализ данных НЦБ Интерпола МВД России показывает, что информация, полученная по каналам Интерпола, способствовала установлению объектов движимого и недвижимого имущества, банковских счетов и иных активов, приобретенных на средства, полученные в результате преступной деятельности.

Во Вьетнаме международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства регулируется восьмой частью УПК СРВ. При этом согласно ч. 1 ст. 507 УПК СРВ уполномоченные органы Вьетнама вправе осуществлять сотрудничество с уполномоченными органами иностранных государств в проведении ареста, описи имущества, замораживания банковских и иных кредитных счетов в отношении имущества, полученного в результате совершения преступления, в целях обеспечения расследования и разрешения уголовного дела, а также исполнения судебных решений. Очевидно, что задача по возмещению причиненного преступлением вреда прямо не указана в данной статье. Однако, как показывает практика, осуществление запроса о правовой помощи по данному направлению позволит более эффективно обеспечить установление и наложить арест на имущество, полученное преступным путем, в целом и, естественно, возместить потерпевшему причиненный вред. Данная деятельность осуществляется на

основе международных конвенций (соглашений, договоров) об оказании правовой помощи, подписанных и ратифицированных Вьетнамом.

Однако применение такой меры во многом зависит, во-первых, от законодательства государства, куда направляется запрос об оказании правовой помощи, а во-вторых, от наличия соглашения об оказании правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства. Поэтому в дальнейшем с целью совершенствования применения данной меры представляется необходимым развивать международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства путем подписания с различными государствами соответствующих соглашений об оказании правовой помощи.

Таким образом, можно утверждать, что вопрос об обеспечении возмещения вреда, причиненного юридическому лицу, потерпевшему от преступления, на сегодняшний день приобретает значительную актуальность. Реализация данного института на практике требует применение различных предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством способов, таких как гражданский иск, наложение ареста на имущество, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства и др.

1. Аветисян А.Д. Совершенствование института гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 55.

2. Баловнева В.И. Обеспечение защиты имущественных и неимущественных прав потерпевшего – юридического лица в уголовном судопроизводстве: дис. ...канд. юрид. наук. Оренбург, 2018. 220 с.

3. Вастьянова О.Д. Проблема обеспечения возмещения потерпевшим вреда, причинённого преступлением // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (8). С. 29–33.

4. Григорьева Е.Н. Институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2013. № 2 (15). С. 59.

5. Жеребятьев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. 220 с.

6. Журбенко А.М., Усова Г.М., Малыхин И.В. Обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 74–80.

7. Иванов Д.А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 497 с.

8. Марина В.С., Оксана Л.П. Установление судом сроков наложения ареста на имущество обвиняемого как обстоятельство, препятствующее возмещению потерпевшим вреда, причиненного преступлением // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 128–132.

9. Нгуен Ван Тиен. Возмещение вреда в уголовном судопроизводстве Вьетнама: монография / под ред. канд. юрид. наук П.В. Фадеева. М.: Юрлитинформ, 2019. 184 с.

10. Николаев Е.М. Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 204 с.

11. Никурадзе Н.О. Защита прав гражданского истца в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2017. 232 с.

12. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 418 с.

13. Смирнова Е.В. Проблема возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 162–132.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Во Ким Зунг. Адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117427, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Vo Kim Dung. Postgraduate student of the Faculty of Scientific and Scientific Pedagogical Personnel Preparation.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

117427, Russian Federation, Moscow, Akademik Volgin st., 12.

Ключевые слова: потерпевший; юридическое лицо; вред; преступление; гражданский иск; международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства; наложение ареста на имущество.

Keywords: victim; legal entity; harm; crime; civil claim; international cooperation in the field of criminal proceedings; seizure of property.

УДК 343.1

Калюжный А.Н.

КРИТЕРИИ «СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ» КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

CRITERIA OF "FREEDOM OF PERSONALITY" AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW

В статье анализируются подходы к категории «свобода личности», анализируются мнения авторов об объекте уголовно-правовой охраны, рассматриваются виды объектов посягательств гл. 17 УК РФ, выделяются критерии «свободы личности», обосновывается содержание выделенных критериев применительно к посягательствам на свободу личности.

The article analyzes the approaches to the category "Freedom of Personality", the opinions of the authors about the facility of criminal law are considered, the types of objects of cases of Chapter 17 of the Criminal Code of the Russian Federation are regarded, the criteria of

"Freedom of Personality" are distinguished, the content of the dedicated criteria is substantiated in relation to encouraging liberty.

Рабство и работорговля получили распространение с момента совместной жизнедеятельности людей и приобрели форму общественно опасных деяний значительно позднее образования государства. Даже после разрушения рабовладельческой формации рабство и работорговля сохранились, модернизировались и продолжают существовать в настоящее время [1, с. 186]. По данным Организации Объединенных Наций, ежегодно жертвами торговли людьми становятся более 700 тысяч женщин, детей и мужчин; таким образом, торговля людьми приобретает характер организованной транснациональной преступности с годовым доходом около 60 млрд. долларов США [12, с. 34].

В настоящее время международное право признает рабство и работорговлю в любых формах общественно опасными деяниями, обязывая современные государства криминализировать их в национальных уголовных законодательствах. Свобода личности получила статус неотъемлемого права, присущего каждому человеку от рождения и находящегося не только под охраной отдельных государств, но и гарантированного международным сообществом в целом [16, с. 35].

Обоснование свободы личности как объекта уголовно-правовой охраны предполагает необходимость анализа категорий «свобода» и «личность» с позиции уголовно-правовой доктрины, где рассматриваемые понятия имеют определенную специфику, однако также не отличаются единообразием мнений авторов.

Объект преступлений находится в поле исследований многих российских и зарубежных авторов, однако проблемные аспекты рассматриваемой тематики до настоящего времени остаются дискуссионными и нерешенными. Поставленные нами задачи исследования предопределяют необходимость рассмотрения лишь наиболее значимых и существенных сторон анализируемой тематики.

Наиболее распространенной в отечественной уголовно-правовой науке точкой зрения является позиция авторов, признающих в качестве объекта преступления общественные отношения, регламентирующие интересы государства, общества или лично-

сти [15, с. 52]. Несмотря на это, имеются и другие подходы, предлагающие в качестве объекта преступления признавать частные интересы человека, на которого направлено преступное деяние, социальные ценности и блага [9, с. 16; 10, с. 23], обобщенный перечень которых дан в ст. 2 Уголовного кодекса РФ (УК РФ).

Проведенное исследование положений уголовного законодательства, а также позиция современных научных деятелей в сфере уголовно-правового законодательства свидетельствуют об идентичности правового понимания, толкования и правоприменения категорий «личность» и «человек», позволяя их использовать для позиционирования носителя свобод.

Остается противоречивой и позиция авторов относительно объекта уголовно-правовой охраны, предусмотренного главой 17 УК РФ, ряд исследователей которого указывают на необходимость употребления термина «свобода личности» [2, с. 18], другие – «личная свобода» [11, с. 9], третьи – «физическая свобода» и др. [15, с. 55]

Не ставя перед собой целью анализ всех возможных подходов к определению содержания объекта преступлений, предусматривающих ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда, отметим, что единства мнений авторов и подходов в его (объекта) определении нет, поскольку исследованные нами ранее позиции лингвистов, философов и правоведов подчеркивают сложность и многоплановость категорий «свобода» и «личность».

Выделенный еще античными мыслителями физический критерий, бесспорно, составляет содержание категории «свобода личности». Под физической свободой целесообразно понимать реальную возможность человека перемещаться в пространстве и определять свое местоположение.

В то же время при определении объекта преступлений, предусматривающих ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда, многие авторы не ограничиваются лишь свободой передвижения, а включают в него еще и психологическую свободу. Например, Д.Я. Зайдиева полагает, что личная свобода человека подразумевает способность человека к активной деятельности в соответствии со своими желаниями и потребностями, с учетом возможностей и условий, предоставляемых

обществом [3, с. 8]. Данную позицию поддерживают и другие авторы, настаивая на необходимости включения в объект рассматриваемых преступлений психологической свободы [12, с. 49].

Выделение психологической свободы личности закономерно присуще философским взглядам периода Нового времени, лингвистам и филологам, представителям дореволюционной уголовно-правовой доктрины, а также ряду современных исследователей уголовно-правовой науки, выделявшим волевой и интеллектуальный критерий категорий «свобода» и «личность».

Учитывая значимость психологической свободы личности, полагаем необходимым ее включение в содержание объекта преступных деяний, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда, поскольку деятельность личности в условиях морального или психологического воздействия и давления не может признаваться свободной. Изложенное свидетельствует, что «свобода личности» представляет реальную возможность человека перемещаться в пространстве, определять свое местоположение, а также осуществлять деятельность, не ограниченную физическим или психологическим принуждением.

Некоторые представители современной уголовно-правовой науки предлагают рассматривать объект преступлений, предусматривающих ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда, еще более широко, обосновывая необходимость включения в него права на доступ личности к информации [5, с. 9].

Полагаем избыточным дополнение объекта преступлений, предусматривающих ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда, правом на доступ к информации, поскольку свобода доступа к информации выступает самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, находясь в гл. 19 УК РФ.

Рассматривая имеющиеся расхождения авторов в подходах к терминологии объекта исследуемых преступлений, обозначаемого как «личная свобода» и «свобода личности», отметим, что проанализированные нами учения философских мыслителей, лингвистов, представителей политико-правовой и уголовно-правовой доктрины свидетельствуют, что категория «свобода» рассматривается в неразрывной связи с категорией «личность».

В современном обществе личность априори свободна с рождения и «свобода личности» является ее неотъемлемым правом, получившим закрепление в ст. 22 Конституции Российской Федерации. Развивая положения Основного Закона, нормы уголовного законодательства относят исследуемые нами посягательства к преступлениям против личности (раздел VII УК РФ), сформировав отдельную главу «Преступления против свободы... личности». Свобода не может быть «неличная», она имманентно присуща каждому человеку. Именно поэтому полагаем необходимым рассматривать в качестве объекта преступлений, предусматривающих ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда, право на «свободу личности».

В то же время, мы поддерживаем позицию авторов, утверждающих, что свобода личности не является единственным объектом рассматриваемых нами преступлений. Например, ст. 127.1 УК РФ, запрещающая торговлю людьми, в качестве дополнительного объекта предусматривает свободу занятия общественно полезными видами деятельности, а ст. 127.2 УК РФ, предусматривающая ответственность за использование рабского труда – свободу трудовой деятельности и свободу распоряжаться собой по своему усмотрению [4, с. 16; 6, с. 214–216].

Таким образом, проанализированные учения философских мыслителей, взгляды и точки зрения лингвистов, представления и подходы политико-правовой и уголовно-правовой науки позволили выделить критерии категорий «свобода» и «личность»:

1) физический критерий, заключающийся в наличии реальной возможности человека перемещаться в пространстве и определять свое местоположение без каких-либо физических ограничений, затруднений, вмешательств. Данный критерий является одним из самых древних, выделяемых исследователями категории «свобода личности», и характеризует признак «беспрепятственности»;

2) психологический (волевой) критерий, подразумевающий возможность реализации своей деятельности при отсутствии вмешательства извне. Самостоятельность выбора способов реализации своей деятельности и неимение психологического или морального воздействия третьих лиц характеризует «самостоя-

тельность» как признак анализируемой нами категории «свобода личности»;

3) интеллектуальный критерий; предполагает необходимость осознанного восприятия происходящих событий, понимания значения и последствий совершаемых поступков, предвидения возможных результатов. Представляется неверным привлечение к ответственности лица, не осознающего характера совершаемых им поступков, подвергнутого обману, введению в заблуждение или добровольно заблуждающегося. Рассматриваемый нами критерий акцентирует внимание на «осознанности» как признаке категории «свобода личности»;

4) юридический критерий, предусматривающий установленные государством запрещенные модели поведения, нарушающие свободу личности, реализация которых влечет наступление правовых последствий в виде привлечения к ответственности. Данный критерий позволяет определить меру свободы личности, зафиксировать в рамках правового поля границы данной свободы, определить допустимый уровень поведения других членов общества. Анализируемый критерий предопределяет «правомерность» как признак категории «свобода личности».

Изложенное свидетельствует, что свобода личности как объект уголовно-правовой охраны характеризуется физическим, психологическим (волевым), интеллектуальным и правомерным критериями, предопределяющими коррелирующие их признаки: беспрепятственность, самостоятельность, осознанность и правомерность.

1. Адельханян Р.А. Расследование похищения человека. М., 2003. С. 29.

2. Бязров В.Г. Разграничение захвата заложника и похищения человека: вопросы квалификации // Рос. следователь. 2015. № 1. С. 18.

3. Зайдиева Д.Я. Уголовно-правовая охрана личной свободы человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

4. Казамиров А.И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 16.

5. Карасева М.Ю. Уголовная ответственность за преступления против свободы личности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017.

7. Кургузкина Е.Б., Полянская Е.М. Уголовно-правовые и международные аспекты борьбы с использованием рабского труда и торговлей людьми: монография. Воронеж, 2016. С. 34–35.

8. Лебединец И.Н. Генезис международно-правового регулирования борьбы с рабством, работоторговлей и другими формами торговли людьми // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). С. 186.

9. Мотин О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 16.

10. Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 23.

11. Панкратов В.В. Уголовно-правовая охрана личной свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 9.

12. Резепкин О.Ю., Журавлев И.А. Захват заложника. Уголовно-правовая регламентация свободы. М., 2003. С. 49.

13. Тер-Акопов А.А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. Рязань, 1994. С. 56.

14. Тютюнник И.Г. Объект похищения человека // Рос. следователь. 2007. № 12. С. 16.

15. Уголовное право России. Часть общая / под общ. ред. Л.Л. Кругликова. М., 2005. С. 52.

16. Филин М.В. Уголовная ответственность за незаконное лишение свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2000. С. 15.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Калюжный Александр Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации.

302034, Российская Федерация, г. Орел, ул. Приборостроительная, 35.

Kalyuzhny Aleksander Nikolaevich. Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation.

302034, Russian Federation, Orel, Priborostroitel'naya st., 35.

Ключевые слова: преступление; объект преступления; свобода личности; критерии; законодательство.

Keywords: crime; object of crime; freedom of personality; criteria; legislation.

УДК 343.985

Карагодин В.Н.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION AND OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

В статье рассматриваются наблюдающиеся в судебной практике тенденции распространения требований уголовно-процессуального закона на процедуру и оформление результатов оперативно-розыскных действий; ставится вопрос о поиске разумного подхода к регулированию деятельности, осуществляемой в целях раскрытия и расследования преступлений.

The article examines the trends observed in judicial practice in the extension of the requirements of the criminal procedure law to the procedure and registration of the results of operational investigative actions; the question is raised about finding a reasonable approach to regulating activities carried out for the purpose of detecting and investigating crimes.

В последнее время в практике оценки хода и результатов оперативно-розыскных действий, выполняемых для получения информации, имеющей значение для раскрытия и расследования преступлений, прослеживается ярко выраженный подход распространения на эту деятельность требований уголовно-процессуального закона.

Казалось бы, можно только приветствовать такое ужесточение требований к соблюдению закона и обеспечению прав и свобод граждан, оказавшихся вовлеченными в сферу рассматриваемой деятельности. Однако в реальных ситуациях это приводит к увеличению числа операций, связанных с подготовкой и производством ОРД. Так, по мнению некоторых авторов, в список документов, в которых отражаются результаты таких ОРД, как оперативный эксперимент или проверочная закупка, входит 17 наименований. Причем данный перечень не является исчерпывающим, то есть может расширяться в зависимости от условий реальных ситуаций и содержания конкретных оперативно-розыскных действий. Эти документы должны быть изучены следователем в рамках формальной проверки [1, с. 26–29], а достоверность содержащихся в большинстве из них сведений должна быть проверена в ходе следственных действий. На основе относимых, достоверных, допустимых фактических данных формируются процессуальные доказательства [2, с. 293–329]. В этих целях требуется проведение разнообразных следственных действий, что, конечно же, не способствует соблюдению принципа процессуальной экономии.

Нельзя не отметить региональные и ведомственные различия в количестве и качестве действий, выполняемых при подготовке и осуществлении рассматриваемых оперативно-розыскных действий. Например, в некоторых подразделениях полиции непосредственно перед производством оперативного эксперимента проводится досмотр предметов, подлежащих передаче предполагаемому субъекту преступления. Часть субъектов ОРД проводит досмотр или опрос лица, которое должно передать названные предметы. Проведение этих мероприятий представляется излишним, поскольку направлено на искусственное создание сведений о том, что сотрудничающее с органами ОРД лицо не имеет других объектов, которые случайно могут быть переданы вместе с

предназначенными для вручения заподозренному предметами. Думается, что даже если вместе с промаркированными будут переданы и другие предметы, это не должно повлиять на оценку проведенного оперативно-розыскного действия.

В судебно-следственной практике встречаются случаи довольно экономичного оформления анализируемых оперативно-розыскных действий в нескольких рапортах. В одном из них отражается передача предмета взятки, в другом сообщается о задержании с поличным, в третьем – обо всех проведенных мероприятиях. Эти материалы были приобщены к уголовному делу, которое окончено расследованием и передано в суд, постановивший обвинительный приговор.

Попытки внедрения в практику дополнительных требований, не предусмотренных нормативными актами об ОРД, нельзя расценивать иначе, как необоснованное применение для применения этой специфической деятельности требований уголовно-процессуального закона. Процедура проведения оперативно-розыскных действий регламентируется не уголовно-процессуальными, а иными нормами.

В частности, некоторые авторы в качестве типичных нарушений называют необоснованность оперативно-розыскных действий. Обращает на себя внимание и то, что при этом не приводятся обобщенные сведения о количестве таких действий, проводимых с подобными нарушениями. При этом необоснованными называются оперативно-розыскные действия, в частности обследование помещений, сооружений, на основе данных, которые содержатся в сообщениях, не проверенных с помощью иных мероприятий. В ходе проведения таких обследований не выявляется признаков преступления [3, с. 38]. В данном случае фактически предъявляются процессуальные требования обоснованности проведения следственных действий, в частности, таких как обыск, о проверке всех полученных доказательств.

Вряд ли можно отрицать, что любые операции субъектов ОРД, затрагивающие интересы, права и свободы физических и юридических лиц, должны быть обоснованы. Однако нельзя забывать и о том, что нередко оперативно-розыскные действия проводятся в ситуациях, характеризующихся дефицитом и неопределенностью информации о предполагаемом преступлении,

в условиях ограниченного времени. Процедуры согласования, проведения и оформления ОРД упрощены, чтобы в максимально сжатые сроки пресечь совершаемое, предупредить готовящееся или выявить уже оконченное преступление и его субъектов.

Несмотря на сходство целей, задач, а в некоторых случаях и содержания отдельных элементов, уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная виды деятельности существенно отличаются. Поэтому различаются и средства их регулирования, установленные нормативными актами требования к их проведению [5, с. 118].

Следует согласиться с мнением, что в статьях 5, 21, 37, 40, 41, 60, 80, 95, 157, 164, 209, 210, 258 и некоторых других положениях УПК РФ имеются указания, касающиеся производства оперативно-розыскных действий. Однако основная часть предписаний по ее осуществлению содержится в других нормативных актах. Множественность нормативных источников, отсутствие связи и пробелы норм, содержащихся в разных актах, порождают противоречивость практики их применения.

Для достижения единого толкования предписаний разных нормативных актов, прежде всего Закона «Об ОРД» и УПК РФ, предлагается внести в них общие нормы, содержащие требования к осуществлению этой деятельности, в целях получения данных для использования в уголовном судопроизводстве. Такие компактно сконструированные нормы должны содержать общие и в то же время конкретные указания на то, при каких условиях данные, добытые в ходе оперативно-розыскных действий, могут стать источниками допустимых доказательств уголовного судопроизводства.

1. Гармаев Ю.П. Как проверить результаты ОРД на предмет нарушений законодательства: алгоритмы и системный подход // Уголовный процесс. 2021. № 3. С. 24–29.

2. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2009. 376 с.

3. Мурылев И.М. Типичные нарушения в ОРД при выявлении экономических преступлений // Уголовный процесс. 2021. № 3. С. 30–37.

4. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 257 с.

5. Вагин О.А., Овчинский В.С. Уголовно-процессуальные основы оперативно-розыскной деятельности // Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 5-е изд., испр. и доп. М., 2021. С. 109–114.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карагодин Валерий Николаевич. Заведующий кафедрой криминалистики, доктор юридических наук, профессор.

Екатеринбургский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации».

620142, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Щорса, 18.

Karagodin Valery Nikolaevich. Head of the Chair of Criminalistics, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

620142, Russian Federation, Yekaterinburg, Shchors st., 18.

Ключевые слова: правовая регламентация; процессуальная и оперативно-розыскная деятельность; единство и диверсификация правового регулирования.

Keywords: legal regulation; procedural and operational investigative activities; unity and diversification of legal regulation.

УДК 343.14

Колотушкин С.М., Жиляев Р.М.

**АНАЛИЗ УГРОЗ, ВОЗНИКАЮЩИХ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ
ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЛИЦАМИ, ПОМЕЩЕННЫМИ
ПОД ДОМАШНИЙ АРЕСТ, ЗАПРЕТА
НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ СВЯЗИ
И СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

**ANALYSIS OF THREATS ARISING DURING
THE EXERCISE OF CONTROL FOR OBSERVANCE
BY PERSONS PLACED UNDER HOME ARREST
OF THE BAN ON THE USE OF MEANS
OF COMMUNICATION AND THE INTERNET NETWORK**

Домашний арест стал применяться в России с XVII века вплоть до 1960 г. В 2001 г. домашний арест вновь возвращен законодателем в российский уголовный процесс как альтернатива заключению под стражу. В настоящее время домашний арест предполагает не только запрет на выход из жилого помещения, но и возможность наложения дополнительных запретов, в том числе запрет на использования средств связи и сети «Интернет». Именно контроль за соблюдением данного запрета вызывает у контролирующего органа – уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России наибольшие трудности.

House arrest began to be used in Russia from the 17th century until 1960. In 2001, house arrest was again returned by the legislator to the Russian criminal process as an alternative to detention. Currently, house arrest implies not only a ban on leaving the dwelling, but also the possibility of imposing additional bans, including a ban on the use of communications and the Internet. It is the control over the observance of this prohibition that causes the greatest difficulties for the controlling body – the criminal executive inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia.

За последние 20 лет количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах (далее – СИЗО), снизилось с 230 тыс. чел.

до 92,4 тыс. Добиться столь значительного сокращения количества случаев заключения под стражу удалось в том числе и благодаря возвращению спустя более 40 лет в 2001 г. домашнего ареста в уголовный процесс (ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)) в качестве альтернативы заключению под стражу. Кроме того, законодатель предполагал, что домашний арест будет способствовать обеспечению прав личности, исполнению общепризнанных международных норм права, экономии средств федерального бюджета и сокращению репутационных потерь, связанных с удовлетворением Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) жалоб граждан РФ.

Домашний арест в редакции от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ предполагал наложение судом на подозреваемого и (или) обвиняемого (далее – обвиняемый) ограничения на свободу передвижения и запрета на общение с определенными судом лицами, а также получение и отправку корреспонденции и ведение переговоров с использованием любых средств связи. Также на усмотрение суда, в связи с тем, что в законе не был определен контролирующий обвиняемого орган, оставлялось и принятие решения об органе или должностном лице, ответственном за осуществление надзора за соблюдением обвиняемым установленных ограничений и запретов.

Домашний арест в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ предполагал полную либо частичную изоляцию обвиняемого в жилом помещении, а в некоторых случаях в лечебном учреждении, с возложением определенных ограничений и (или) запретов и осуществлением контроля.

К числу подобных запретов и (или) ограничений закон отнес: выход за пределы жилого помещения; общение с определенными лицами; отправку и получение почтово-телеграфных отправлений; использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Функции по контролю над нахождением обвиняемого в месте исполнения домашнего ареста и над соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений были переданы уголовно-исполнительным инспекциям (далее – УИИ), которые входят в состав Федеральной службы исполнения наказаний. Кроме того, УИИ было разрешено гласное использование аудиовизуаль-

ных, электронных и иных технических средств контроля (далее – средства контроля) за лицами, помещенными под домашний арест.

Социологический опрос, проведенный среди сотрудников УИИ, об эффективности применяемых средств контроля показал следующие результаты. На вопрос «возможно ли при помощи имеющихся в распоряжении УИИ электронных устройств (мобильные устройства (ГЛОНАСС/GPS), стационарные устройства, устройства аудиовизуального контроля) зафиксировать факт нарушения лицом, помещенным под домашний арест, запрета на общение с определенными лицами» большинство экспертов (68,5 %) дали отрицательный ответ: «нет, невозможно». В свою очередь, лишь 4,4 % экспертов отметили, что проблем здесь нет, и это удастся «во всех случаях». Существенно не меняет общей картины мнение почти каждого четвертого эксперта (24,5 %), который указал, что имеющимися в распоряжении УИИ электронными устройствами удастся зафиксировать факт нарушения запрета на общение с определенными лицами лишь «в некоторых случаях», что практически дополняет приведенные выше 68,5 % и в сумме дает 93,0 %. Это позволяет констатировать (опираясь на мнение экспертов) чуть ли не полное отсутствие какой-либо перспективы по повышению эффективности контроля за счет использования современной электронной техники в анализируемом сегменте деятельности УИИ [1, с. 41].

Издание Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ затронуло вопросы, касающиеся исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, поскольку данным Федеральным законом введена новая мера пресечения – запрет определенных действий. В соответствии с редакцией статьи 97 УПК РФ, в которую добавили пункт 1.1, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста суд теперь имеет право возложить на обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов.

В 2019 г. с помощью технических средств, которые применялись к 21 132 (или 95,94 %) из 22 026 обвиняемых, помещенных под домашний арест, удалось выявить 740 нарушений, связанных с использованием средств связи и интернета (из них на стадии предварительного расследования – 349; на стадии судебного разбирательства – 391). Для сравнения отметим, что за аналогичный период времени у лиц, содержащихся в СИЗО и испра-

вительных учреждениях, где, как известно, изоляция обвиняемых от общества гораздо строже, чем при домашнем аресте, изъято 47 940 средств связи и 17 353 сим-карты. Таким образом, эффективность работы по выявлению незаконного использования средств связи и интернета лицами, находящимися в учреждениях ФСИН России (СИЗО и исправительные учреждения) и под домашним арестом, составила 39,97 % и, соответственно, 35 нарушений из расчета на 1000 человек [2, с. 126].

Данный факт объясняется отнюдь не законопослушностью обвиняемых, помещенных под домашний арест, а отсутствием в распоряжении сотрудников УИИ эффективных, современных, высокотехнологических средств контроля и правовых норм, которые позволяли бы фиксировать подобные нарушения. Фактически в подобных случаях сотрудник УИИ вынужден ограничивать или фактически сводить контроль к визуальному осмотру места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и направлению соответствующей информации о возложении на обвиняемого таких запретов в адрес представителя указанных услуг (оператор связи, интернет-провайдер и т.д.).

В последнее время в практике сотрудников УИИ при осуществлении контрольной функции весьма остро встал вопрос о порядке осуществления контроля, если судом наложен частичный запрет на использование средств связи и почты, за исключением общения с контролирующим органом, следователем, адвокатом, супругом (супругой), детьми и отдельными родственниками. Запрет на ведение переговоров с использованием любых средств связи, в том числе информационно-коммуникационной сети Интернет, в действительности ни УИИ, ни орган предварительного расследования проконтролировать не в состоянии. По сути проблемы это «не работающая» норма.

С учетом разнообразия возможностей общения с помощью телекоммуникационных средств (мобильные телефоны, смартфоны, планшеты и др.), в том числе принадлежащих родственникам обвиняемого, а также другим лицам, совместно с ним проживающим, объективно не представляется возможным также осуществлять контроль со стороны УИИ за соблюдением запрета на общение обвиняемого с определенными лицами. Тем более что постановление суда об избрании домашнего ареста в качестве

меры пресечения не дает оснований для контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами [3, с. 104].

Важно обратить внимание и на то, что механизм, позволяющий осуществлять функции, связанные с реализацией запретов на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использованием средств связи, установлен только при проведении следственных действий, предусмотренных статьями 165, 185, 186, 186.1 УПК РФ. В данных статьях содержатся процессуальные нормы, предусматривающие возможность осуществления осмотра, выемки и снятия копий с почтово-телеграфных отправлений, контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, но только в рамках уголовного дела. Предусмотрено также, что указанные действия осуществляются следователями по постановлению суда.

Таким образом, приведенными аргументами не только подтверждается необходимость решения данной проблемы, но и констатируется факт отсутствия механизма осуществления контроля над нахождением обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и над соблюдением ими наложенных судом запретов.

На сегодняшний день необходимо признать, что главной проблемой реализации контрольных функций в данном сегменте деятельности УИИ является фактическое отсутствие механизма осуществления функции контроля за соблюдением обвиняемыми запретов на общение с определенными лицами, получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и сети Интернет.

В качестве весомого аргумента в пользу привлечения оперативных сотрудников ФСИН России к решению задач контроля респонденты отмечали совпадение некоторых задач, решаемых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и избрании соответствующей меры пресечения. Например, не допустить совершение новых преступлений, обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства и сохранность собранных по уголовному делу доказательств. Учитывая представленные пред-

ложения, представляется целесообразным внести дополнение в статью 7 («Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий») Федерального закона № 144-ФЗ, позволяющее проводить весь комплекс оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных статьей 6 («Оперативно-розыскные мероприятия») этого же Федерального закона, в целях осуществления контроля за нахождением лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, в месте исполнения данной меры пресечения и за соблюдением им наложенных судом запретов, в том числе получать сведения об использовании конкретным подконтрольным лицом средств связи и сети Интернет.

Требуется пересмотр подхода при вынесении решения о назначении тех или иных запретов. Суд одновременно с применением домашнего ареста в качестве меры пресечения может решить вопрос о контроле над получаемой обвиняемым корреспонденцией и ведением переговоров с использованием средств связи. Более того, избирая домашний арест и применяя запреты на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, ведение переговоров с использованием любых средств связи, суд должен одновременно на время ареста санкционировать проведение оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных статьей 6 Федерального закона № 144-ФЗ, как того требует статья 23 Конституции Российской Федерации. Положения части второй статьи 23 и части первой статьи 24 Конституции Российской Федерации предусматривают, что каждый гражданин имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а ограничение данных прав допускается только на основании судебного решения. Судебный контроль, таким образом, отнесен Конституцией Российской Федерации к числу гарантий, препятствующих необоснованным ограничениям такого права человека и гражданина, как право на тайну телефонных переговоров.

1. Жиляев Р., Антипов А., Первозванский В., Строгович Ю. Осуществление контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и

(или) ограничений: проблемы и пути решения: монография. Тверь, 2018.

2. Ахминова Ю.Л. Домашний арест как мера пресечения проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования. Санкт-Петербург, 2017.

3. Румянцев Н., Турченков М. Правовое регулирование и разрешение проблем, связанных с применением меры пресечения «домашний арест». Уголовно-исполнительная система: Право, экономика, управление. М., 2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колотушкин Сергей Михайлович. Главный научный сотрудник, доктор юридических наук, профессор.

Научно-исследовательский институт ФСИН России.

125130, Российская Федерация, г. Москва ул. Нарвская, 15а/1.

Kolotushkin Sergey Mikhailovich. Principal Researcher, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Russian Federation, Moscow, Narvskaya st., 15a/1.

Жиляев Рустам Мухамедович. Заместитель начальника научно-исследовательского центра № 1.

Научно-исследовательский институт ФСИН России.

125130, Российская Федерация, г. Москва ул. Нарвская, 15а/1.

Zhilyaev Rustam Mukhamedovich. Deputy Head of the Research Center № 1.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Russian Federation, Moscow, Narvskaya st., 15a/1.

Ключевые слова: мера пресечения в виде домашнего ареста с дополнительным запретом на использование средств связи и сети «Интернет»; недостатки технических средств контроля; анализ

действующего законодательства и предложения по его дальнейшему совершенствованию.

Keywords: preventive measure in the form of a house arrest with an additional ban on the use of communications and the Internet; shortcomings of technical means of control; analysis of the current legislation and proposals for its further improvement.

УДК 343.1

Колычева А.Н.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

EFFICIENCY OF CONDUCTING INVESTIGATIVE ACTIONS IN INVESTIGATING CRIMES AGAINST PERSONALITY

В данной статье выделяются и рассматриваются условия способствующие повышению эффективности производства следственных действий при расследовании преступлений против личности. Условия рассматриваются с учетом современной следственной практики и криминалистических рекомендаций, направленных на повышение эффективности рассматриваемой деятельности.

This article identifies and examines the conditions that contribute to the increase in the efficiency of the production of investigative actions in the investigation of crimes against the person. The conditions are considered taking into account modern investigative practice and forensic recommendations aimed at improving the efficiency of the activity in question.

Производство следственных действий является основополагающим элементом в расследовании преступлений против личности. Повышение эффективности проведения следственных дей-

ствий выступает как важная составляющая разрешения проблем качества расследования преступлений против личности. Так, Е.В. Шишкина провела анализ условий, позволяющих повысить эффективность следственных действий и систематизировала их [1, с. 17–26].

Первое условие — это постановка тактически обоснованной конечной цели следственных действий, допускающей наличие промежуточных целей. К этим целям относится отсутствие прямой связи доказательств с предметом доказывания, но способствующие установлению вспомогательных фактов. Пример тому — очная ставка, имеющая цель устранения противоречий в показаниях двух ранее допрошенных лиц, но на практике эта цель достигается достаточно редко. Промежуточные цели могут формулироваться в силу тактических комбинаций и операций в зависимости от локальных задач. Например, при возникновении острого конфликта и активного противодействия обвиняемого следствию при разработке тактики допроса нужно понимать, что основная цель допроса — получение достоверных показаний — в подобной ситуации вряд ли будет достигнута. Поэтому, помимо постановки цели, важно сделать правильный выбор следственного действия из всего перечня в рамках закона.

Второе условие — выбор оптимального в конкретной ситуации следственного действия с обязательным учетом его сущности и назначения. В практической деятельности нередко отмечаются ошибки в выборе между следственными действиями, которые действительно близки по своей природе и познавательной сущности: между очной ставкой и предъявлением для опознания, осмотром места происшествия и проверкой показаний на месте либо обыском, в допросе свидетелей, при назначении разного рода экспертиз и производстве выемки.

Как отмечает В.Н. Карагодин, современное российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит определения понятий следственных действий — как в общих чертах, так и в частности. Отсутствие в законе указанных дефиниций привело к различному пониманию и толкованию сущности следственных действий [2]. На эту же проблему указывал и О.Я. Баев, особенно подчеркивая необходимость совершенствования правовой регламентации в разграничении наиболее сходных по «информацион-

но-познавательным целям» действий, особенно осмотра и обыска, а также следственного эксперимента и проверки показаний на месте [3].

Третье условие указывает на правильность выбора наиболее продуктивного следственного действия с учетом его тактических возможностей в конкретно сложившейся следственной ситуации. Разное понимание сущности одного и того же следственного действия может привести к серьезным ошибкам в их разграничении, что затрудняет оптимальный выбор метода работы. Соперничают между собой, как правило, проверочные следственные действия: очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, назначение различных экспертиз. Их выбор должен основываться на основе выводов организационного характера, с учетом имеющихся у следствия ресурсов. Так, с учетом широты тактического потенциала следственного эксперимента в силу существенных материальных и временных затрат следователи от него отказываются и решают поставленную задачу другими методами.

Разработка тактических рекомендаций и указаний по отдельным следственным действиям должна проводиться с учетом специфики современной следственной практики и включать всестороннюю оценку эффективности различных тактических приёмов в конкретных следственных ситуациях [1, с. 17–26].

Тактика производства следственных действий при расследовании преступлений против личности как наиболее рациональная и эффективная организация проведения следственных мероприятий должна быть гибкой и подвижной, опираться на научно обоснованное предвидение и обеспечивать высокую оперативную готовность сотрудников, содержать альтернативу при изменении условий и целей решения задач расследования преступлений против личности. Эффективность следственных действий также в большой степени зависит и от правильного выбора последовательности их проведения в рамках тактических операций и на различных этапах расследования, а также тактически обоснованных решений о наиболее эффективных тактических приемах [4, с. 17–25].

Так, органами МВД России был накоплен довольно большой опыт по расследованию преступлений против свободы, че-

сти и достоинства личности. Однако обобщение и анализ практики расследования преступлений, связанных с торговлей людьми, указывают на ряд трудностей при квалификации действий виновных и их правовой оценке, затруднениях в верном разграничении этих посягательств на смежные с ними деяния, поскольку состав преступлений, согласно ст. 127.1 УК РФ, является довольно сложным и многоаспектным. Отсутствие прочной законодательной базы при четком теоретическом обосновании, недостаточно разработанная методика тактических действий с учетом специфики криминальной деятельности при торговле людьми вызывают множество нареканий работников правоохранительной сферы. Это приводит к низким показателям выявления и раскрытия преступлений подобного рода.

Другой проблемой при расследовании данной категории преступлений против личности, а именно при похищениях человека, является освобождение потерпевшего лица без какого-либо причинения вреда его жизни и здоровью как преступниками, так и сотрудниками ОВД. В подобных случаях необходимо заимствовать методические рекомендации по освобождению заложников, использовать приёмы прогнозирования при разработке и планировании тактической операции по освобождению жертвы и задержанию преступников [5, с. 24–33].

Решая сложные задачи по раскрытию и расследованию преступлений против личности, работники правоохранительных органов ежедневно сталкиваются с самыми различными проявлениями человеческих убеждений, интересов, потребностей, чувств, мотивов, взаимоотношений, позиций и других психологических особенностей. Нередко возникают конфликтные ситуации, особенно если речь идет о взаимодействии с асоциальными личностями или лицами с деформированным правосознанием. Поэтому в повседневной деятельности органов внутренних дел механизм правового регулирования обязательно должен учитывать тактические и психологический аспекты. Игнорирование этих важных аспектов либо ошибки в их анализе способны значительно снизить эффективность производства следственных действий.

1. Шишкина Е.В. Условия эффективности следственных действий // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 1. С. 17–26.
2. Карагодин В.Н. Методика расследования отдельных видов преступлений против личности: учебник для студентов вузов. М.: Юнити-Дана, 2018. 313 с.
3. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 208 с.
4. Татарников В.Г., Босхолов С.С. Уголовно-правовая охрана конституционных прав личности, общества и государства // Пролог: журнал о праве. 2020. № 1. С. 17–25.
5. Татарников В.Г., Никитин Ю.П. Система преступлений против личности и проблемы ее совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 24–33.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колычева Алла Николаевна. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Kolycheva Alla Nikolaevna. Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation of Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: следственные действия; против личности; преступление; эффективность; тактика.

Keywords: investigative actions; against the person; crime; efficiency; tactics.

УДК 343.1

Коновалов П.Н.

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЛИЦ,
ВОВЛЕКАЕМЫХ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ
ОХРАНЯЕМУЮ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ ТАЙНУ**

**ON THE QUESTION OF THE LEGAL STATUS OF PERSONS
INVOLVED IN CRIMINAL PROCEEDINGS WHEN
RECEIVING INFORMATION CONSTITUTING A SECRET
PROTECTED BY FEDERAL LAW**

Данная статья посвящена вопросам правового регулирования уголовно-процессуального статуса лиц, на которых законодательством возложена обязанность предоставления сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, при производстве предварительного расследования. Автором проводится сравнительный анализ норм, регулирующих порядок получения сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну на досудебном этапе уголовного судопроизводства. На основании проведенного исследования предлагается внесение изменений в действующее законодательство.

This article is devoted to the issues of legal regulation of the criminal procedural status of persons who are obliged by law to provide information constituting a secret protected by federal law during a preliminary investigation. The author conducts a comparative analysis of the norms governing the procedure for obtaining information constituting a secret protected by federal law at the pre-trial stage of criminal proceedings. Based on the research carried out, it is proposed to amend the current legislation.

Вопросы регламентации процессуального статуса лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, являются одними из наиболее актуальных и дискуссионных в современной юридической науке. Правовое положение личности в каждой отрасли права определяется законодательно закрепленным набором

прав и обязанностей лица в зависимости от его роли в конкретных правоотношениях.

Проблемные аспекты правового статуса участников уголовного судопроизводства служат объектом исследования в трудах огромного количества ученых-процессуалистов, тем не менее малоисследованным остается вопрос статуса лиц, обязанных предоставить сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, органам предварительного расследования при производстве следственных и иных процессуальных действий.

К указанным лицам представляется возможным отнести:

1) учреждение связи, на которое возлагается обязанность задерживать соответствующие почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ);

2) орган, которому поручается техническое осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ);

3) организация, осуществляющая услуги связи (ст. 186.1 УПК РФ);

4) неопределенный круг лиц, относящихся к следующим категориям: учреждения, предприятия, организации, должностные лица и граждане, которым предъявлены требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя (ч. 4 ст. 21);

5) лицо, в помещении которого производится обыск или выемка, если данные следственные действия сопряжены с изъятием носителей сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну (ст. 182, 183 УПК РФ).

Важно отметить, что ряд из перечисленных лиц не являются физическими лицами. В этой связи представляет интерес позиция ряда авторов относительно уголовно-процессуального статуса юридических лиц и организаций, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Так, по мнению М.Х. Абдрахманова и М.Р. Сафаралеева, наличие в уголовно-процессуальном законодательстве целого комплекса норм, призванных регламентировать деятельность юридических лиц в уголовном судопроизводстве, позволяет ставить вопрос и рассуждать об уголовно-процессуальном статусе юридического лица, который базируется на конституционных

положениях, а также на определенной общности правовых признаков, качеств, являющихся присущими любому юридическому лицу, попадающему в сферу уголовного судопроизводства. При этом уголовно-процессуальный статус юридического лица характеризуется совокупностью следующих элементов: процессуальные права, обязанности и законные интересы, их гарантии, ответственность и уголовно-процессуальная правосубъектность [1; с. 161–162].

Стоит отметить, что в данном ключе приведенная точка зрения применима в случае, если организация или юридическое лицо признаётся потерпевшим по уголовному делу либо гражданским истцом.

Вместе с тем приведённые доводы представляются неприменимыми относительно рассматриваемой темы исследования. Данный тезис обосновывается тем, что исполнение обязанностей юридических лиц и организаций по предоставлению соответствующих сведений при производстве следственных и иных процессуальных действий (ч. 4 ст. 21, ст. 182, 183, 185, 186, 186.1 УПК РФ), обеспечивается наличием юридической ответственности за неисполнение данных требований. Если ст. 17.7 КоАП РФ допускает возможность привлечения к ответственности юридических лиц, то субъектом преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, является исключительно физическое лицо.

На основании вышеизложенного обоснованным выглядит тезис, который приводит В.Ю. Стельмах. Согласно данному тезису юридическое лицо реально может участвовать в деле исключительно через представителей – конкретных физических лиц [2; с. 28].

Соответственно, представляется возможным сделать промежуточный вывод, что при производстве вышеуказанных следственных действий необходимо вести речь не об организациях и юридических лицах как об участниках уголовного процесса в целом, а также участниках следственных и иных процессуальных действий в частности, а о представителях данных организаций и юридических лиц.

При производстве следственных и иных процессуальных действий, направленных на получение сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, вышеперечисленные

учреждения, предприятия, юридические лица, организации, должностные лица обладают общим для них признаком – они занимаются обработкой сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, и являются профессиональными субъектами данных правоотношений, иначе говоря – операторами.

Раздел II УПК РФ не содержит норм, регулирующих правовой статус рассмотренных лиц, и не относит их к участникам уголовного судопроизводства с какой-либо из сторон.

Данной теме посвящены труды большого количества ученых-процессуалистов. Так, И.В. Смолькова предложила исчерпывающую классификацию данных субъектов, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, разделив их на три группы:

- 1) лица, статус которых определен недостаточно полно и конкретно;
- 2) лица, статус которых не определен вообще;
- 3) лица, вступающие в уголовно-процессуальные отношения, но вообще не названные в УПК РФ [3, с. 206–208].

Исходя из приведенной классификации, представителя оператора сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, представляется возможным отнести ко второй группе субъектов.

По обоснованному мнению В.Т. Томина и Е.Н. Карпова, данные лица, вовлеченные в уголовно-процессуальные отношения, являются «участвующими в деле лицами с неопределенным или недостаточно определенным процессуальным положением» [4, с. 355].

Одним из важнейших характерных признаков представителя оператора сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, как лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, является момент возникновения процессуальной обязанности данного лица предоставить необходимые сведения должностному лицу правоохранительных органов. Данным моментом выступает время, когда к данному субъекту предъявлено требование о предоставлении необходимой информации на основании судебного решения. Вовлечение данного лица происходит по воле лица, производящего предварительное расследование или производящего проверку сообщения о преступлении.

Вторым важнейшим признаком рассматриваемого субъекта является обладание специфической информацией, имеющей значение для уголовного дела, сохранение в тайне которой является его профессиональной обязанностью.

Указанные признаки в совокупности указывают на процессуальную близость данного вида субъекта к статусу специалиста как участника уголовного процесса.

Приведённые обстоятельства дают нам сделать вывод о необходимости правовой регламентации правового статуса лица, в чьем ведении находятся сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, в связи с осуществлением профессиональной или иной деятельности и отнесении данного лица к иным участникам уголовного судопроизводства.

Предлагается ввести в УПК РФ ст. 58.1 «Представитель оператора сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну», изложив ее в следующей редакции:

«1. Представитель оператора сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну – должностное лицо организации, в распоряжении которой в связи с осуществлением профессиональной или иной деятельности находятся сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну и на которое (лицо) федеральным законом возложена обязанность по обработке и сохранению в тайне данных сведений;

2. Представитель оператора сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, не вправе уклоняться от исполнения запроса дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора, суда о предоставлении сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, направленного в порядке следственного действия, предусмотренного настоящим кодексом;

3. Представитель оператора сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, несет ответственность, предусмотренную федеральным законом за непредоставление, предоставление неполных и (или) искаженных сведений, находящихся в его распоряжении».

1. Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р. Уголовно-процессуальный статус юридического лица: понятие и содержание //

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 1 (10). С. 156–163.

2. Стельмах В.Ю. Участие юридического лица в уголовном деле // Рос. судья. 2020. № 12. С. 25–29.

3. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 205–210.

4. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. 799 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коновалов Павел Николаевич. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Konovarov Pavel Nikolaevich. Postgraduate student of the Chair of Criminal Procedure.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Марковичева Елена Викторовна. Главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия, доктор юридических наук, доцент.

Российский государственный университет правосудия.

117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69.

Markovicheva Elena Viktorovna. Principal Researcher of the Research Center for the Study of Justice Problems, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Russian State University of Justice.

117418, Russian Federation, Moscow, Novocheryomushkinskaya st., 69.

Ключевые слова: уголовный процесс; тайна; участники уголовного процесса; уголовно-процессуальный статус.

Keywords: criminal procedure; secret; participants in criminal proceedings; criminal procedural status.

УДК 343.1

Костенко Н.С.

**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ)
В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА**

**EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF
TERMINATION OF A CRIMINAL CASE (CRIMINAL
PROSECUTION) IN CONNECTION WITH THE
APPOINTMENT OF A JUDICIAL PENALTY**

В статье проводится анализ эффективности введенного в уголовное законодательство пять лет назад нового основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Автором обращается внимание на положительные и отрицательные моменты применения такого основания. Предлагаются пути повышения эффективности применения ст. 25.1 УПК РФ.

The article analyzes the effectiveness of a new basis for the termination of a criminal case or criminal prosecution introduced into the criminal legislation five years ago. The author draws attention to the positive and negative aspects of the application of such a basis. The ways of increasing the effectiveness of the application of Art. 25.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства – это динамичный, длительный и закономерный процесс реформирования отдельных институтов уголовного судопроизводства, обусловленный изменениями в стране в различных сферах (социальной, политической, экономической и т.д.), путем их адаптации к современным реалиям и интересам общества и в итоге с целью выработки «идеальных» уголовно-процессуальных норм в общей ориентированности в построении правового государства.

Главными направлениями в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства являются его либерализация и оптимизация в ходе практического применения с учетом неукоснительного соблюдения законных интересов и гарантированной защитой прав всех участников уголовного процесса.

Однако иногда хаотичный, не вполне обоснованный и зачастую непредсказуемый характер вносимых в уголовно-процессуальное законодательство изменений, природу появления которых не всегда можно определить и объяснить, негативно влияет на практику их правоприменения, создавая дополнительные трудности при практической реализации таких норм, вызывая множественные проблемные вопросы при толковании и создавая коллизии и дополнительные пробелы в праве. Это, в частности, касается одного из молодых институтов уголовно-процессуального права – института прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (далее – прекращение с применением судебного штрафа).

Появление этого очередного основания прекращения производства по уголовному делу (уголовного преследования), по мнению многих ученых, обусловлено сложившейся высокой нагрузкой по расследованию преступлений и рассмотрению уголовных дел уполномоченными субъектами, сказывающейся на результативности их работы. Безусловно, именно такая процедура прекращения уголовного дела (уголовного преследования), обладающая признаком процессуальной взаимовыгодности для всех сторон уголовного судопроизводства, позволит экономить правоохранительные, материальные и временные затраты, высвобождая ресурсы для расследования более сложных и резонансных

преступлений. Исходя из текста Пояснительной записки к проекту федерального закона «О внесении в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [1], внесённого Верховным Судом РФ [2], немалая часть уголовных дел по преступлениям небольшой и средней тяжести могла бы прекращаться при досудебном производстве, способствуя расширению диапазона возможностей судебно-следственных органов по освобождению уголовной ответственности.

При этом активное применение указанного порядка прекращения правоотношений в сфере уголовного судопроизводства, являясь альтернативой уголовному наказанию, позволит лицам, совершившим преступления, на законных основаниях избежать уголовной ответственности и исключить последствия, связанные с наличием у него судимости (отказ в устройстве на работу при наличии судимости, ограничение прав на приобретение и хранение оружия и др.).

Порядок освобождения от уголовной ответственности в уголовный процесс России был введен Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ [3], предусмотрев новые условия прекращения уголовного дела (уголовного преследования), основанные на компромиссе между сторонами уголовного судопроизводства, закрепив их в ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) и наделив правом на принятие соответствующего решения исключительно суд – независимо от стадии судопроизводства. Соответственно, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора при наличии условий, предусмотренных для прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа, вправе еще на стадии расследования в установленном законом порядке прекратить производство предварительного расследования на любом его этапе. Стоит заметить, что требования о наличии достаточных доказательств, устанавливающих все обстоятельства совершенного преступления, в законе отсутствуют. К тому же при принятии судом решения о прекращении по данному основанию также не требуется проведение полноценного судебного разбирательства с исследованием всех обстоятельств, подлежа-

щих доказыванию. Важным здесь является наличие доказательств о полном заглаживании причиненного преступлением вреда или иной нейтрализации вредных последствий.

Казалось бы, предоставленное право следователю (дознавателю) на прекращение уголовного дела по данному основанию, во всех случаях, когда это возможно, при наборе соответствующих условий (преступление совершено впервые небольшой или средней тяжести, согласие лица его совершившего, полное возмещение потерпевшему вреда, причинённого преступлением), должно разгрузить органы предварительного расследования, избавив его от полноценного доказывания всех обстоятельств совершенного преступления, проведения всех необходимых для этого следственных действий и выполнения процессуальных действий, тем самым экономя свои ресурсы, «избавляясь» от таких дел законным способом и реализуя цель, преследуемую законодателем при принятии закона, которым был введен рассматриваемый порядок освобождения от уголовной ответственности, оправдывая эффективность применения этого порядка. Однако, как показывает практика, не все так гладко, как предполагалось.

Анализ сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции явно демонстрирует положительную динамику применения рассматриваемой уголовно-правовой меры и значительный рост количества прекращенных уголовных дел по данному основанию. В частности, за 2020 год судами прекращено с назначением судебного штрафа 34733 уголовных дел (за 2018 год – 17 200, 2019 год – 33641) в отношении 44627 лиц (2019 год – 43 322), их них 1201 – уголовное дело (2019 год – 969) по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, в отношении 1894 лиц (2019 год – 1205) [4].

Однако только 1435 уголовных дел (4,1 %), поступивших с обвинительным актом (обвинительным постановлением), прекращено судом. Это свидетельствует о том, что более чем в 95 % случаев инициатива прекращения уголовных дел исходит непосредственно от суда уже на стадии рассмотрения уголовного дела по существу. Поэтому в данной ситуации обоснованность экономии правоохранительных ресурсов не вполне оправдана.

Складывающаяся ситуация обусловлена несколькими причинами. Во-первых, сама норма, предусматривающая данное основание для прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, носит диспозитивный характер, предоставляющий уполномоченным субъектам право на принятие решения о прекращении уголовного дела (или уголовного преследования), несмотря на наличие всех условий для его принятия. То есть, даже если имеется весь требуемый перечень условий и возможность прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по данному основанию очевидна, субъекты расследования «не спешат» принимать такое решение, оставляя его на «откуп» судов.

Кроме того, имеющийся статистический учет раскрываемости уголовных дел не берет в расчет уголовные дела, прекращенные на стадии предварительного расследования, а лишь учитывает направленные в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом (обвинительным постановлением). К тому же организационно-построенные в следственных подразделениях и подразделениях дознания так называемые «прогноз» или «перспектива», достижение которых ставится как обязательные по количеству направленных в суд уголовных дел, ограничивают субъектов расследования в принятии решения о прекращении уголовного дела именно по этому основанию, поскольку оно не является преюдициальным.

Выходом из данной ситуации может являться преобразование характера данной нормы из диспозитивной в императивную, обязав органы расследования при наличии требуемых для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) условий принимать соответствующее решение еще до окончания предварительного расследования путем инициативной подачи соответствующего ходатайства в суд. Только в таком случае можно будет говорить о том, что данная уголовно-правовая мера является эффективным процессуальным методом, позволяющим экономить время и средства в ходе уголовного судопроизводства, высвобождая дополнительные правоохранительные ресурсы и разгружая органы расследования и суды.

1. Законопроект № 953369-6 [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6#bh_hron.

2. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: Рос. Федерации Федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Данные Судебной статистики за 2019 год и за 2020 год Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index> (дата обращения: 02.08.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Костенко Наталья Сергеевна. Доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Волгоградская академия МВД России.

700089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Kostenko Natalya Sergeevna. Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Educational Scientific Center On Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 700089, Russian Federation, Volgograd, Historical st., 130.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела; уголовно-правовая мера; судебный штраф.

Keywords: termination of a criminal case; criminal law measure; court fine.

УДК 343.1

Кузьменко Е.С., Шайдуллина Э.Д.

**ПОДПИСКА О НЕВЫЕЗДЕ ИЛИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО
О ЯВКЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО**

**TRAVEL BAN OR OBLIGATION TO APPEAR:
ENFORCEMENT ISSUES AGAINST A SUSPECT**

Статья посвящена сравнительному анализу подписки о невыезде и обязательства о явке как двух мер процессуального принуждения, не связанных с лишением и ограничением свободы передвижения, наиболее часто избираемых органами предварительного расследования в отношении подозреваемых. Определяется правовая сущность данных мер, правомерность их применения при расследовании уголовных дел, делаются предложения по оптимизации действующего законодательства и правоприменительной практики.

This article is devoted to a comparative analysis of the travel ban and the obligation to appear as two measures of procedural coercion, not involving deprivation and restriction of freedom of move-

ment, most often chosen by the bodies of preliminary investigation of suspects. The legal essence of these measures is determined, the legality of their application by officials in criminal cases is determined, on the basis of which proposals are made to optimize the current legislation and law enforcement practice.

Конституция Российской Федерации [1] в статье 22 закрепляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность. В то же время, при наличии законных оснований и при необходимости применения мер процессуального принуждения, указанное право может быть ограничено в ходе производства по уголовным делам. Законодатель выделяет три группы мер принуждения, применение которых, в той или иной степени, ограничивает права и свободы граждан – это задержание, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения. Казалось бы, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] предельно ясно закрепляет пределы правомерности их применения на практике. Однако анализ материалов уголовных дел, интервьюирование следователей и дознавателей (интервьюирование следователей и дознавателей органов предварительного расследования Республики Татарстан и Кировской области, проходивших обучение на факультете заочного обучения, факультете первоначальной подготовки, переподготовки и повышения квалификации Казанского юридического института МВД России, проводилось в период 2018–2020 годов) позволяют авторам сделать вывод, что в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования, зачастую, меры пресечения подменяются иными мерами процессуального принуждения; в нашем случае, подписка о невыезде и надлежащем поведении – обязательством о явке. Сложившаяся ситуация побудила авторов проявить научный интерес, изучить вопросы правомерности и обоснованности подобных решений следователей и дознавателей, а также выяснить возможности правового регулирования исследуемой проблематики. Выявленные проблемы предопределили необходимость проведения анализа указанной ситуации. Стремление решить поставленные задачи стало основой нашего исследования, результаты которого нашли отражение в настоящей статье.

Различные аспекты правомерности применения мер процессуального принуждения в ходе предварительного расследования традиционно являются предметом научного исследования в работах О.И. Цоколовой, Б.Б. Булатова, В.В. Николюка, К.Б. Калиновского, А.С. Барабаша, С.Н. Воробей, Э.К. Кутуева, К.В. Муравьева и других.

Так, например, К.В. Муравьев отмечает необходимость реформирования системы мер процессуального принуждения путем выделения основных и дополнительных мер с возможностью их комплексного использования в правоприменительной деятельности [3].

Однако полагаем, следует определить понятие и роль мер пресечения и иных мер процессуального принуждения в отечественном уголовном судопроизводстве. Руководствуясь действующей системой мер процессуального принуждения, отметим, что под мерами пресечения следует понимать меры государственного воздействия, применяемые в установленном законом порядке уполномоченными должностными лицами в целях воспрепятствования лицу, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, нарушать установленный порядок уголовного судопроизводства (в виде неявки без уважительной причины, уничтожения доказательств по уголовному делу, угрозы потерпевшим и свидетелям и т.д.), а также предупреждения совершения им нового преступления.

Мера пресечения избирается преимущественно в отношении обвиняемых; в отношении же подозреваемых – исключительная мера. В своем исследовании мы акцентировали внимание именно на аспекте исключительности, поскольку вопросы применения подписки о невыезде и надлежащем поведении или обязательства о явке в отношении подозреваемого – наиболее частые, которыми задается следователь или дознаватель в рамках производства по уголовному делу при необходимости применения мер процессуального принуждения в отношении лица, который не скрывается от органов предварительного расследования и не имеет такого намерения. (Ниже по тексту речь будет вестись именно об избрании меры принуждения в отношении только подозреваемого. Это обусловлено целью проводимого исследования.) Что касается избрания мер пресечения в отношении обвиняемого, то в подобных

ситуациях, как правило, избирается мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Целью избрания меры пресечения является предупреждение либо пресечение возникновения возможных препятствий со стороны подозреваемого нормальному ходу производства по уголовному делу.

При этом, как отмечают В.М. Корнуков и С.И. Вершинина, для законного и обоснованного принятия решения об избрании меры пресечения, должно быть три компонента:

1) появление у подозреваемого намерения совершить любое действие, предусмотренное ч. 1 ст. 97 УПК РФ;

2) формирование у следователя или дознавателя предположения о возникновении такого намерения у подозреваемого;

3) наличие объективных фактических обстоятельств, связывающих первые два элемента (иными словами – наличие соответствующих доказательств по уголовному делу – прим. наше) [4].

Подписка о невыезде представляет собой психологически принудительную меру, ограничивающую свободу подозреваемого посредством психического воздействия [5], и заключается в его письменном обязательстве не нарушать условия, предусмотренные ст. 102 УПК РФ. Для положительного решения вопроса об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде, следует установить наличие у лица постоянного или временного места жительства, а также быть уверенным в ответственном отношении данного лица к своим обязательствам [6].

Применение подписки о невыезде в отношении подозреваемого неоднократно подвергалось критике со стороны ученых-процессуалистов. Так, С.А. Новиков указывает, что «законодатель делает акцент на волевом действии самого подозреваемого: не ему объявляется о запрете уезжать и препятствовать и об обязанности являться, а он сам дает подписку, принимая соответствующее обязательство» [7].

До сих пор законом не установлено, каким образом осуществлять контроль над исполнением обвиняемого обязательств, предписанных избранной в отношении него подписки о невыезде и надлежащем поведении. Например, Ю.А. Тимохин предлагает использовать электронные средства контроля и надзора [8].

Под вопросом остается и вопрос исключительности случая избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде в отношении подозреваемого. Так, А.А. Давлетов и О.Е. Политыко в своем исследовании отмечают, что исключительной мерой пресечения в отношении подозреваемого, при которой актуален срок ее действия в 10 суток, является только заключение под стражу. В остальных случаях нет необходимости ограничивать срок подозрения десятью сутками.

В качестве альтернативы мерам пресечения они также выделяют обязательство о явке [9].

Законодатель относит обязательство о явке к иным мерам процессуального принуждения. В чем их отличие от задержания и мер пресечения? Исходя из положений УПК РФ, научных исследований по рассматриваемой теме, а также следственной практики, можем констатировать, что иные меры процессуального принуждения являются мерами, обеспечивающими беспрепятственное производство по уголовным делам, как в ходе предварительного расследования, так и в судебных стадиях.

Обязательство о явке, согласно ч. 2 ст. 112 УПК РФ, заключается в письменном обязательстве лица своевременно являться по вызовам следователя, дознавателя или в суд, а также немедленно уведомлять их в случае изменения места жительства. При этом вербальное влияние на участника уголовного судопроизводства, включающее в себя систему обоснованных доводов о необходимости соблюдения возлагаемых на него обязательств, является мерой контроля за исполнением обязательства о явке. Выступая методами стимулирования поведения, внушение и убеждение не предполагают принудительного воздействия на лицо [10].

Как в случае избрания подписки о невыезде и надлежащем поведении, так и в случае обязательства о явке, подозреваемый подтверждает своей подписью факт разъяснения ему предусмотренных УПК РФ обязанностей не покидать постоянного места жительства и своевременно являться к следователю, дознавателю или в суд. Анализ правоприменительной практики позволяет нам сделать вывод, что подписка о невыезде избирается как превентивная мера в случаях, когда поведение подозреваемого не вызывает подозрений у органов предварительного расследования, что лицо может скрыться либо иным образом препятствовать произ-

водству по уголовному делу. При наличии доказательств, что лицо действительно может скрыться либо угрожать свидетелям, потерпевшим, иным участникам, уничтожать доказательства по уголовному делу, а также продолжить заниматься преступной деятельностью, следователь, дознаватель должны принять решение об избрании более строгих мер пресечения.

Проведенное исследование позволяет нам сделать вывод, что в настоящее время, следователи и дознаватели в ситуации, когда нет сомнений, что лицо не будет препятствовать производству по уголовному делу, избирают сначала обязательство о явке. Затем, после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого либо составления обвинительного акта (обвинительного постановления), избирается подписка о невыезде. Это обстоятельство обусловлено тем, что в момент, когда лицо находится в статусе подозреваемого, имеется вероятность прекращения в отношении него уголовного дела или уголовного преследования по реабилитирующим основаниям в силу неполного объема имеющихся по уголовному делу доказательств. В свою очередь, данное процессуальное решение позволяет лицу, в отношении которого было прекращено уголовное дело (уголовное преследование) по реабилитирующим основаниям, реализовать свое право на реабилитацию. При этом, как показывает правоприменительная практика, в случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, который позже обращается в суд с требованием о его реабилитации, сумма компенсации взимается со следователя (дознавателя), принимавшего решение об избрании меры пресечения, в регрессном порядке.

Именно поэтому органы предварительного расследования идут по описанному выше пути, прежде всего, избирая обязательство о явке, а не подписку о невыезде, даже при условии наличия всех оснований и мотивов ее применения. В то же время законодательно не урегулирована подобная последовательность решений следователя, дознавателя, что позволяет стороне защиты поставить под сомнение правомерность их действий.

Учитывая вышесказанное, полагаем необходимым в целях соответствия правоприменительной практики действующему уголовно-процессуальному законодательству по исследуемой проблематике, внести дополнение в ст. 100 УПК РФ, сформули-

ровав его следующим образом: «ч. 1.1 ст. 100 УПК РФ: ... применение в отношении подозреваемого подписки о невыезде и надлежащем поведении исключается. Допускается избрание обязательства о явке в предусмотренном настоящим Кодексом порядке».

Отметим в заключение, единство требований закона и практики его соблюдения выступает залогом правомерности уголовного судопроизводства.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 24 апреля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I), ст. 4921. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Муравьев К.В. Оптимальна ли регламентация системы мер процессуального принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 24–29.

4. Корнуков В.М., Вершинина С.И. Проблемы объективации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 19–23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Калиновский К.Б. Система мер пресечения в российском уголовном процессе: современные проблемы и исторический опыт [Электронный ресурс] // Судебно-правовая реформа 1860-х гг. в России и современное уголовно-процессуальное право (посвящается 150-летию принятия Судебных Уставов 1864 г.): материалы III международной научно-практической конференции, проводимой в Российской академии правосудия / под ред. О.В. Качаловой, В.И. Качалова. М.: Право, 2014. С. 105–109. URL: <https://www.iaaj.net/node/1550> (дата обращения: 02.09.2020).

6. Барабаш А.С. Подписка о невыезде и другие меры пресе-

чения, избрание которых не требует решения суда [Электронный ресурс] // Рос. юридический журнал. 2017. № 1. С. 110–124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Новиков С.А. Подписка о невыезде и надлежащем поведении: о чем забывают следователи [Электронный ресурс] // Рос. следователь. 2018. № 4. С. 35–39. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Тимохин Ю.А. Значение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю [Электронный ресурс] // Рос. следователь. 2012. № 10. С. 9–11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Давлетов А.А., Политыко О.Е. Проблема исключительности применения меры пресечения к подозреваемому [Электронный ресурс] // Рос. юстиция. 2018. № 6. С. 50–52. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Баландюк О.В. Исполнение обязательств при реализации статьи 112 УПК РФ [Электронный ресурс] // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 32–34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузьменко Елена Сергеевна. Ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук, доцент.

ВНИИ МВД России.

121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25/1.

Kuzmenko Elena Sergeevna. Leading Researcher, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

National Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

121069, Russian Federation, Moscow, Povarskaya st., 25/1.

Шайдуллина Эльвира Дамировна. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Казанский юридический институт МВД России.
420108, Российская Федерация, г. Казань, ул. Магистральная, 35.

Shaidullina Elvira Damirovna. Deputy Chief of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Kazan law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
420108, Russian Federation, Kazan, Magistralnaya st., 35.

Ключевые слова: мера пресечения; мера принуждения; подписка о невыезде; обязательство о явке; подозреваемый; предварительное расследование.

Keywords: preventive measure; coercive measure; travel ban; obligation to appear; suspect; preliminary investigation.

УДК 343.13

Кучин О.С.

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ДЕФИНИЦИИ
«РЕЗУЛЬТАТЫ ОРД»**

**PROCEDURAL ASSESSMENT OF THE DEFINITION
«OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES RESULTS»**

В статье рассмотрены спорные вопросы, связанные с дефиницией «результаты ОРД», и предложено ввести в УПК РФ понятия «материалы ОРД» и «результаты ОРД» и разграничить их процессуальное значение в доказывании.

The article considers controversial issues related to the definition of «operational search activities results» and proposes to introduce the concepts of «materials of the operational search activities» and «operational search activities results» in the Criminal Procedure

Code of the Russian Federation and to distinguish their procedural meaning in proving.

Значение оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в борьбе с уголовной преступностью в настоящее время фактически не оценимо, и, соответственно, в блоке уголовно-правовых наук специалисты этому вопросу уделяют огромное внимание.

Вместе с тем, видимо, следует обратить внимание научной общественности на то, что для расследования уголовного дела и установления всех обстоятельств совершённого преступления одного восхваления оперативно-розыскной деятельности и исследования её значения в процессах выявления, раскрытия и расследования преступлений не достаточно.

По мнению автора статьи, самым важным принципом является результативность ОРД, т.е. получение в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее по тексту – ОРМ) таких результатов, которые в дальнейшем смогут с уверенностью служить полноценными доказательствами по уголовному делу и подтверждаться также в судебном заседании (это в основном касается только применения ОРД в процессе оперативного сопровождения предварительного расследования (досудебного производства) по уголовным делам – прим. автора).

Вместе с тем, исходя из анализа положений УПК РФ [1] и ФЗ «Об ОРД» [2] результаты оперативно-розыскной деятельности сами по себе, т.е. априори, не могут являться доказательствами по уголовным делам. Для этого в отношении них должна применяться процедура легализации результата ОРМ, что прямо предусмотрено ст. 89 УПК РФ, в которой указано, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, действующим уголовно-процессуальным законом.

Исходя из криминалистической и процессуальной теории доказывания, результаты ОРД должны быть оценены участниками досудебного производства и судом с точек зрения их допустимости, относимости и достоверности. Эта позиция в юридической науке поддерживается практически всеми специалистами и

дискуссия на данной научной площадке ведётся в основном в отношении критериев этой оценки и их объективности.

Вместе с тем Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г. № 252-ФЗ) в своих правовых нормах не раскрывает определения дефиниции «результаты оперативно-розыскной деятельности» (далее – результаты ОРД). Так, ст. 11 ФЗ «Об ОРД» «Использование результатов оперативно-розыскной деятельности» не раскрывает этого понятия, а только регламентирует сферу их использования и процесс легализации. Поэтому можно сделать вывод о том, что указанный закон до сих пор не определил, что же такое результаты ОРД и не раскрыл содержание этого понятия.

Какие-то признаки результатов ОРД можно найти в межведомственной Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее – Инструкция) [3]. Так, ней указано, что «... результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности», т.е., исходя из ведомственного приказа и Инструкции результат ОРД – это рапорт с изложенной в нём какой-то служебной информацией.

Примерно такое же определение результатам ОРД даёт и действующий УПК РФ в п. 36.1 ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе», определяя их как сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда (пункт 36.1 ст. 5 УПК РФ введен Федеральным законом РФ от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ – прим. автора).

Т.е. и Инструкция и УПК РФ определяют результаты ОРД как какие-то сведения и ни как иначе, что по мнению автора статьи приводит их к невозможности последующей легализации по уголовному делу, т.к. рапорт оперативного сотрудника ну ни как не соответствует требованиям, указанным в ст. 89 УПК РФ,

предъявляемым в результатах ОРД, чтобы они соответствовали процессуальным доказательствам.

Единственное, что радует специалистов, так это то, что в Инструкции сказано о том, что к рапорту «... прилагаются (при наличии) полученные (выполненные) при проведении ОРМ материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами». Но они почему-то не указываются как результаты ОРД.

Анализируя вышеизложенное, можно с успехом констатировать, что рапорт, как признанный легальный результат ОРД, никоим образом не может быть в дальнейшем признан доказательством по уголовному делу, т.к. он не соответствует никаким требованиям УПК РФ.

Он не подходит ни под одно из доказательств: это не протокол следственного действия, это не документ, выданный государственным органом или иной организацией, и это не заключение специалиста или эксперта. Рапорт – это информационный документ, который подтверждает проведение того или иного ОРМ, предусмотренного ст. 6 ФЗ «Об ОРД».

В научной теории ОРД её результаты подразделяются специалистами на две группы в зависимости от направления использования:

1) фактические данные, непосредственно указывающие на признаки преступления, которые, будучи закреплены процессуальными средствами, могут служить источниками доказательств по уголовному делу;

2) информация, которая носит вспомогательный характер и может служить для выбора организационных и тактических приемов проведения следственных действий.

Кроме того, по мнению автора статьи, результаты ОРД следует отличать от материалов ОРД.

Так, материалы ОРД – это документы, которые подтверждают сам факт проведения ОРМ, его законность, обоснованность и показывают, какой результат был получен в ходе его проведения. Путём проведения в дальнейшем следственной проверки материалов ОРД на предмет их относимости, допустимости и до-

стоверности, можно принять процессуальное решение о признании результата ОРД доказательством по уголовному делу.

Результат же ОРД – это итог проведённого ОРМ, зафиксированный с помощью средств объективного контроля и который демонстрирует весь процесс его проведения, который также должен быть проверен и подтверждён следственными действиями.

Поэтому, по мнению автора статьи, в УПК РФ следует предусмотреть два понятия: материалы ОРД и результаты ОРД и определить их место в доказывании состава преступления.

В действующем УПК РФ следует прямо указать, что материалы ОРД доказывают (подтверждают) только сам факт проведения такого мероприятия, а вот доказательствами могут быть только итоги ОРД (результаты) зафиксированные средствами объективного контроля и проверенные следственным путём.

Это в дальнейшем поможет сторонам уголовного процесса более объективно оценивать результаты ОРД как процессуальные доказательства, что объективно повлияет на качество предварительного расследования и недопущению судебных ошибок, а также будет неоспоримым препятствием для фальсификации доказательств.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 12 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 17 июня 2021 г.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: в ред. от 1 июля 2021 г.

3. О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: инструкция, утв. приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кучин Олег Стасьевич. Профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики, доктор юридических наук, профессор. Российский государственный университет правосудия.

125080, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 7–40.

Kuchin Oleg Stas'evich. Professor of the Chair of Forensic Examinations and Criminalistics, Doctor of Sciences (Law), Professor.
Russian State University of Justice.
125080, Russian Federation, Moscow, Volokolamsk highway, 7–40.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; доказывание; досудебное производство; уголовный процесс.

Keywords: operational-investigative activities; operational-investigative measures; evidence; pre-trial proceedings; criminal proceedings.

УДК 343.1

Лакеева Е.В., Волченко А.В.

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**PROBLEMATIC ASPECTS OF THE REALIZATION
OF THE RIGHTS OF FOREIGN CITIZENS IN CRIMINAL
PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье рассматриваются некоторые проблемы реализации прав участников уголовного судопроизводства, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется производство по уголовным делам. Приводятся статистические данные преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства и в отношении данной категории лиц. В том числе затронута проблема привлечения переводчика при производстве по уголовным делам с участием лиц, не владеющих

русским языком. В заключении приводятся возможные пути решения выявленных недостатков.

The article deals with some problems relating to the exercise of the rights of participants in criminal proceedings who do not know or are not proficient in the language in which criminal proceedings are conducted. Statistics are provided on crimes committed by and against foreign nationals and stateless persons. This included the problem of having an interpreter in criminal proceedings involving persons who do not speak Russian. The conclusion describes possible solutions to the shortcomings identified.

В ст. 7 Всеобщей декларации прав человека закреплено положение о том, что «все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона» [1]. Данное положение декларации нашло свое отражение и в ст. 19 Конституции РФ, которая провозглашает, что «все равны перед законом и судом» [2]. В том числе в ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства определяется как защита прав и законных интересов личности. Данные нормативные акты говорят о равенстве всех участников уголовного процесса.

В том числе, один из принципов уголовно-процессуального законодательства закрепляет, что уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. Однако, по нашему мнению, имеются существенные упущения в ряде положений УПК РФ в отношении участников уголовного процесса, которые не владеют языком, на котором ведется уголовное судопроизводство. Иными словами – в отношении иностранных граждан.

Согласно статистике главного информационного центра МВД РФ, количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации в период времени с января по декабрь 2020 года – 34,4 тыс. преступлений (на 1,5 % меньше, чем за январь–декабрь 2019 года), что составляет 3,3 % от числа расследуемых преступлений. В том числе, в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации в указанный период времени было совершено 16,0 тыс. преступлений (на

4,9 % меньше, чем за январь–декабрь 2019 года), что составляет 3,0 % от числа зарегистрированных преступлений. Несмотря на уменьшение количества преступлений, совершенных и совершаемых в отношении рассматриваемой категории лиц, их удельный вес от общего количества расследуемых и числа зарегистрированных преступлений остается прежним (в 2019 году – 3,3 и 0,8; в 2018 году – 3,5 и 0,8; в 2017 году – 3,7 и 0,7) [3].

Рассмотрим некоторые проблемы, с которыми сталкиваются органы предварительного расследования при производстве по уголовным делам в отношении рассматриваемой категорией лиц.

Во-первых, в ст. 18 УПК РФ закреплено, что лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика. По нашему мнению, спорным является аспект разъяснения прав лицу, не владеющим языком, на котором с ним разговаривают. Логичней было бы указать на первоначальное обязательное предоставление переводчика лицу, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Во-вторых, при задержании в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ лицу должен быть предоставлен один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения. В статье указано именно на телефонный разговор на русском языке. Возникает вопрос: как реализовать данное право подозреваемому, который им не владеет? Исполнить данное право иным лицом, к примеру, переводчиком подозреваемого также не всегда возможно, так как даже если он попросит осуществить звонок переводчика, то последний не сможет реализовать его на русском языке, так как предполагаем, что мало кто из родственников подозреваемого знают русский язык. При этом в действующей интерпретации именно подозреваемый должен осуществить данный звонок. Также законодатель указал именно на телефонный разговор, ко-

торый, исходя из изложенной нормы, должен состояться. Тем не менее, не при каждом телефонном вызове может состояться телефонный звонок, особенно если этот звонок необходимо будет сделать в другое государство.

В третьих, проблемным остается вопрос реализации вручения предусмотренных УПК РФ обязательных копий документов участникам уголовного процесса, таких как постановления о возбуждении уголовного дела; протокола задержания; постановления о применении к подозреваемому меры пресечения; постановления о привлечении в качестве обвиняемого и др. Положения ст. 18 УПК РФ гласят, что такие документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет. В российском законодательстве отсутствует порядок перевода вышеуказанных документов. Возникает вопрос, как поступить органам предварительного расследования при реализации данного права. Правоохранители обращаются в официальное бюро переводов, при этом предупреждая об уголовной ответственности по ст. 307 и 310 УК РФ, однако в УПК РФ такая норма отсутствует. Да и не всегда в бюро присутствует переводчик того языка и диалекта, которым владеет участник уголовного судопроизводства. Так, по состоянию на 2020 год, на Земле насчитывается 7139 языков, 40 из них наиболее распространены [4].

Четвертый аспект, на котором хотелось бы остановиться, – это вопрос ограничения в правах подозреваемого при производстве сокращённого дознания в отношении рассматриваемой категории лиц. Так, п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ определяет случай, когда подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, в качестве одного из обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме. В данном случае лицу, не владеющему языком, на котором ведется уголовное преследование, заявившему ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, будет отказано в удовлетворении данного ходатайства. То есть рассматриваемое лицо не имеет право на производство дознания в сокращенной форме лишь потому, что он не владеет соответствующим языком, и тем самым лишается права получения наказания, не превышающего одну вторую максимального срока или размера наиболее строго-

го вида наказания, предусмотренного УК РФ за совершенное им преступление в случае постановления обвинительного приговора по уголовному делу [5].

В-пятых, количество переводчиков в одном уголовном деле ничем не регламентируется. Так, в ст. 59 УПК РФ законодатель указал, что переводчик – это лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Также указанная статья предусматривает права, обязанности и ответственность переводчика при его участии в рамках уголовного дела. Однако в УПК РФ отсутствует указание на то, сколько должно привлекаться переводчиков в случае если несколько участников уголовного процесса не владеют языком, на котором ведется уголовное судопроизводство. Так, к примеру, подозреваемый и потерпевший по одному уголовному делу не владеют русским языком. Согласно действующему законодательству мы должны назначить указанным участникам переводчика; но насколько будет уместно привлечение одного лица в качестве переводчика для участия в очной ставке по уголовному делу? Да, с одной стороны, за заведомо неправильный перевод переводчик несет ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ, но с другой стороны, смогут ли ему доверить перевод своих показаний подозреваемый и потерпевшей по одному уголовному делу, чьи показания расходятся. Возможно, закрепление данного положения на законодательном уровне не совсем целесообразно, но считаем, что дать разъяснения по данному вопросу было бы необходимо.

Подводя итог, мы считаем, что для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, не владеющих языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, и возможности их реализации необходимо:

– ч. 3 ст. 46 УПК РФ изложить в следующей редакции: «В случае, предусмотренном пунктом 2 части первой настоящей статьи, подозреваемому предоставляется право на один телефонный разговор в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, а дознаватель, следователь должен исполнить обязанности по уведомлению о задержании в соответствии со статьей 96 настоящего Кодекса.

В случае если данное право предоставляется подозреваемому, не владеющему языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, оно должно реализоваться на родном языке с обязательным переводом переводчиком на русский язык». В том числе, внести соответствующие изменения и в ч. 1 ст. 96 УПК РФ.

Для решения проблемы, связанной с производством сокращенного дознания в отношении лица, не владеющим русским языком, существуют сложности, связанные, как минимум, с поиском переводчика того языка, которым владеет подозреваемый, что исключает возможность расследования в столь небольшие сроки. Однако для обеспечения прав и законных интересов лиц, не владеющим русским языком, целесообразно предусмотреть норму, которая бы при наличии условий, предусмотренных пп. 1–2 ст. 226.1 УПК РФ, и отсутствии обстоятельств, предусмотренных пп. 1–4, 6 ст. 226.2 УПК РФ, позволяла бы им воспользоваться правом получения наказания, не превышающего одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Необходимо разработать методические рекомендации с разъяснениями о том, с какого устройства должен быть осуществлен звонок об уведомлении о задержании, а также продумать возможность его записи. Должны быть даны разъяснения по количеству звонков и случаям, когда данный звонок считается совершенным. В том числе целесообразно включить в методические рекомендации разные следственные ситуации, в которых отсутствует возможность официального перевода документов.

Также требует доработка и ст. 59 УПК РФ в части, касающейся письменных переводов документов.

Данные предложения помогут в большей части реализовать защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, не владеющих языком, на котором ведется уголовное судопроизводство.

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с

изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184> (дата обращения: 01.09.2021).

4. Языки мира [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Языки_мира (дата обращения: 02.09.2021).

5. Кожина М.В. Противоречия и недостатки российского законодательства, связанные с процедурой дознания в сокращенной форме [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2017. № 21. С. 322–325. URL: <https://moluch.ru/archive/155/43722> (дата обращения: 01.09.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лакеева Екатерина Витальевна. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Lakeeva Ekaterina Vitalyevna. Teacher of the Chair of Criminal Procedure.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russian Federation, Belgorod, Gorky st., 71.

Волченко Анастасия Владимировна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Volchenko Anastasia Vladimirovna. Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law).

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russian Federation, Belgorod, Gorky st., 71.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства; язык уголовного судопроизводства; переводчик; иностранный гражданин.

Keywords: participants in criminal proceedings; language of criminal procedure; translator; foreign citizen.

УДК 343.13

Лисицын А.Г.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ КРАЖ И УГОНОВ АВТОТРАНСПОРТА

CERTAIN ASPECTS OF THE DISCLOSURE OF THEFTS AND HIJACKING OF VEHICLES

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оперативно-розыскной характеристикой краж и угонов автотранспортных средств, деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, изучаются аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий, способствующих эффективной профилактике указанного явления.

The article considers issues related to the operational-search characteristics of thefts and hijacking of vehicles, the activities of operational units of internal affairs bodies, studies aspects of conducting operational-search measures that contribute to the effective prevention of this phenomenon.

Преступления, связанные с тайным хищением чужого имущества, традиционно составляют не только в нашей стране, но и во всём мире наибольшую долю в общей структуре преступно-

сти. При этом эффективность деятельности правоохранительных органов по их раскрытию вызывает много нареканий как у контролирующих и надзирающих органов, так и у простых граждан; формирует негативное общественное мнение о способности государства в целом защитить конституционное право собственности.

Особое место среди хищений, в частности в крупных городах, занимают кражи и угоны автотранспортных средств, которые, несмотря на небольшой удельный вес среди всех хищений, как правило, причиняют наиболее существенный материальный и моральный вред гражданам, имеют наибольший общественный резонанс, свидетельствуют о наличии на обслуживаемой территории организованных преступных групп, занимающихся криминальным автобизнесом. Повышается уровень подготовки злоумышленников и степень оснащённости их современными техническими средствами, в связи с чем данная группа преступлений становится все более латентной [1].

Оперативно-розыскная характеристика рассматриваемого вида преступных посягательств, совершаемых на территории городов, свидетельствует, что в настоящее время можно выделить три основных направления преступного посягательства:

– во-первых, это кражи дорогостоящих автомобилей, совершаемые с использованием специальной аппаратуры (кодграбберов; сканирующих устройств, закамуфлированных под различные электроприборы; глушилок GSM, GPRS-сигналов и т.д.), стоимость набора которой может достигать на «чёрном рынке» двух миллионов рублей. Совершаются такие кражи организованными группами, состоящими из непосредственно исполнителей-угонщиков, специалистов, имеющих навыки и специальное оборудование для изменения номерных агрегатов, а также лиц, легализующих в последующем похищенное, нередко в соучастии с сотрудниками органов внутренних дел (ГИБДД и др.);

– во-вторых, это кражи автомобилей среднего ценового класса, которые зачастую похищаются для разбора и продажи по запасным частям либо под уже имеющиеся документы;

– в-третьих, угоны автомобилей, как правило, отечественного производства, составляющие наибольший удельный вес в общем количестве рассматриваемого вида преступлений. Соверша-

ются такие преступления чаще всего несовершеннолетними, без цели дальнейшей перепродажи, для того чтобы «покататься».

Как правило, хищения автотранспорта совершаются в ночное время суток (более 80 %) с неохраемых парковок и дворов жилых домов. Наибольшее количество таких преступлений регистрируется в марте, сентябре и ноябре. Соотношение похищаемых автотранспортных средств импортного и отечественного производства примерно сопоставимо. Из числа дорогостоящих моделей наиболее часто похищаются следующие марки автомобилей: Тойота-Камри, Тойота-Ленд Краузер, Тойота-Лексус, Тойота-РАВ-4, Тойота-Хайлендер.

Организованные преступные группы, занимающиеся кражами дорогостоящих автомобилей, нередко имеют межрегиональные, а иногда и международные преступные связи. При продолжительном сроке преступной деятельности на определённой территории возрастает их организованность и техническая оснащённость. Постоянно повышается профессиональный уровень преступников, занимающихся предварительной подготовкой, непосредственным совершением и последующим сокрытием похищенного автотранспорта.

В то же время существующие недостатки в деятельности органов внутренних дел по раскрытию краж и угонов автотранспортных средств, выражающиеся в недостаточно оперативном реагировании на сообщения о таких преступлениях, неполном и некачественном проведении первоначальных и последующих оперативно-розыскных мероприятий, влекут за собой в дальнейшем проблемы с их расследованием и доказыванием.

Выделим основные, наиболее характерные общие проблемы в организации раскрытия краж и угонов автотранспортных средств.

На первоначальном этапе раскрытия рассматриваемого вида преступлений большое значение имеет незамедлительное введение специального плана «Перехват». Однако эффективность его реализации на сегодняшний день является крайне низкой. Между тем при проведении анализа основных недостатков в организации этой операции вне поля зрения непосредственных руководителей, осуществляющих управление нарядами в ходе её осуществления,

остается деятельность центра управления нарядами (далее – ЦУН).

С учётом стремительно развивающихся современных информационных и телекоммуникационных технологий роль названных подразделений в раскрытии краж и угонов автотранспортных средств остается недооцененной со стороны служб ОВД. В рамках реализации федеральной программы «Безопасный город» большинство установленных камер наружного наблюдения заведены в данные подразделения, что позволяет в максимально сжатые сроки провести анализ получаемой с них информации, поставить на визуальный контроль все ключевые перекрестки, находящиеся под видеонаблюдением, в случае необходимости своевременно провести передислокацию наружных нарядов полиции.

Следующим важным этапом является слаженная и квалифицированная работа на месте происшествия дежурной следственно-оперативной группы (далее – СОГ).

Прежде всего, сотрудникам СОГ необходимо правильно оценить ситуацию и дать верную квалификацию совершённого деяния. Согласно действующему уголовному законодательству за незаконное изъятие транспортного средства из собственности его законного владельца предусмотрена ответственность как по ст. 158 УК РФ (Кража), так и по ст. 166 УК РФ (Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)). В основе разграничения квалификации лежат субъективные признаки состава преступления: желало ли лицо похитить автомашину либо иное транспортное средство, т.е. обратить его в свою пользу либо распорядиться им по своему усмотрению, или же оно не преследовало такой цели.

В качестве основных объективных признаков для разграничения кражи и угона транспортного средства можно выделить следующие:

- длительность владения транспортным средством;
- разукomплектование транспортного средства (полное или частичное), в результате которого снимается большое количество деталей, элементов конструкции, в т.ч. дорогостоящих;
- изменение либо уничтожение идентификационных номеров кузова и двигателя транспортного средства.

Безусловно, для образования хотя бы одного из названных признаков должно пройти достаточно много времени после совершения преступления. В случае же задержания преступников по горячим следам, зачастую недалеко от места преступления, истинную цель завладения транспортным средством возможно лишь предположить, исходя из показаний самих задержанных, которые они, как правило, дают после консультации с защитником [2]. В результате цели и мотивы излагаются в выгодном для преступников свете, дабы избежать либо максимально смягчить уголовную ответственность за содеянное.

В этой связи при работе на месте происшествия необходимо в обязательном порядке предпринимать меры по установлению камер наружного наблюдения и незамедлительному изъятию с них видеоинформации.

Вместе с тем у сотрудников ОВД зачастую возникает вопрос: «в рамках какого нормативного правового акта производить изъятие видеозаписи с камер наружного наблюдения?», – т.к. уголовное дело, как правило, возбуждается спустя 10 суток, в связи с чем законных оснований для изъятия необходимой информации до момента возбуждения уголовного дела нет.

Правомерность изъятия видеозаписей с камер наружного наблюдения регламентируется ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которая наделяет правом дознавателя орган дознания, следователя, руководителя следственного органа «при проверке сообщения о преступлении получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий». При этом необходимо составлять протокол изъятия.

Более того, анализ изъятых видеозаписей также должен осуществляться в максимально короткие сроки. Это может помочь в

установлении других соучастников, а также дополнительных объективных признаков преступления, его мотива и цели.

Отдельно хочется остановиться на особенностях проведения последующих ОРМ по раскрытию краж и угонов автотранспортных средств, исходя из наиболее типичных оперативно-розыскных ситуаций:

1) одной из типичных является ситуация, когда криминальные группы специализируются на хищениях автотранспортных средств среднего ценового диапазона (для разбора на запасные части). В этом случае преступники, как правило, достаточно рационально и экономно относятся при выборе способов совершения преступлений. В целях преодоления средств сигнализации и иных защитных устройств автотранспортных средств они редко используют специальные электронные устройства и приспособления. Во-первых, это дорого; а во-вторых, требует соответствующих знаний и навыков работы с приборами, т.к. при неумелом обращении высока вероятность быть задержанным владельцем автомобиля с поличным на месте совершения преступления. Чаще всего преступники обращаются за помощью к специалистам, уже официально работающим в фирмах, занимающихся установкой сигнализации, которые за небольшую сумму предоставляют им дублирующий брелок от интересующей сигнализации. Другим способом поиска интересующего автомобиля является простое перемещение преступников в местах массового скопления автотранспорта (на неохраняемых автостоянках или во дворах жилых домов) и подбор подходящей модели, не оснащённой противоугонными системами. Похитить такой автомобиль даже для малоопытного преступника, как показывает практика, не представляет большой сложности;

2) другой достаточно типичной ситуацией является заказное хищение автотранспортного средства, совершаемое под конкретные документы или аварийный автомобиль. Такие кражи под заказ совершаются по предварительному сговору с покупателем, имеющим старый либо аварийный автомобиль. В некоторых случаях участники организованной преступной группы предлагают владельцу такого аварийного транспортного средства, не подлежащего восстановлению, продать им машину за небольшую сумму. Затем члены ПГ похищают автомобиль той же марки, пере-

носят на неё идентификационные номера с повреждённой машины и регистрируют её уже как восстановленную.

Успешность проведения оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию и расследованию краж и угонов автотранспортных средств, особенно совершаемых организованными преступными группами, зависит от целого комплекса управленческих, организационных и тактических факторов. В значительной степени эффективность работы определяется уровнем взаимодействия всех заинтересованных служб и подразделений (уголовного розыска, оперативно-поисковых подразделений и специальных технических мероприятий, следствия и др.), а также во многом зависит от профессионализма оперативных сотрудников, быстроты и адекватности их реагирования на изменения оперативной обстановки.

Положительный результат работы по раскрытию рассматриваемых видов преступлений напрямую связан с многолетним опытом работы оперативных сотрудников по данной линии, их способностями находить правильные решения в любых сложных ситуациях, даже когда фигуранты для достижения своих преступных целей используют передовые технологии и коррумпированность отдельных сотрудников ОВД.

Выявление и раскрытие краж и угонов автотранспортных средств представляет собой сложную многоплановую практическую деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел, все детали которой невозможно изложить в рамках одной научной статьи. Невозможно также разработать универсальный алгоритм действий оперативных сотрудников, применимый для всех складывающихся (даже типичных) ситуаций совершаемых преступлений.

1. Лисицын А.Г. Некоторые аспекты борьбы с угонами и кражами автотранспорта // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 4 (81). С. 65–68.

2. Гордеев С.Г., Ермаков М.М. Состояние раскрытия краж автотранспортных средств // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13-1. С. 37–39.

3. Моисеенко А.Н., Ковалев В.М. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по предупреждению, раскрытию краж и угонов автотранспорта // ППД. 2016. № 3. С. 136.

4. Цепинский С.А. К вопросу о сущности организации ОРД по раскрытию краж и угонов автомобилей // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 180.

5. Мухитдинов А.А., Пулатов Ю.С. Организационно-тактические основы раскрытия краж и угонов транспортных средств. Душанбе: ЭР-граф, 2018. 304 с.

6. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Особенности противодействия преступлениям в сфере незаконного автобизнеса // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2019. № 1. С. 91–95.

7. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Актуальные вопросы противодействия кражам и угонам автотранспортных средств оперативными подразделениями ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 37–40.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лисицын Андрей Григорьевич. Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Lisitsyn Andrey Grigoryevich. Teacher of the Chair of Operational-Investigative Activity of Internal Affairs Bodies.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; права; розыск автотранспортных средств; угон; хищение.

Keywords: investigation and search operations; rights, search of vehicles; stealing; plunder.

УДК 343.1

Лукьянчикова С.А.

**ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ
ПРИ ДТП И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ПРИ ИХ ПРОИЗВОДСТВЕ**

**FEATURES OF INSPECTION OF THE ACCIDENT
SITUATION AND ENSURING
THE PERSONAL SAFETY OF EMPLOYEES DURING
THESE PROCEDURES**

Настоящая статья посвящена изучению особенностей производства осмотра места происшествия как одного из первоначальных следственных действий при дорожно-транспортном происшествии. В работе рассмотрена роль беспилотных летательных устройств в обеспечении безопасности сотрудников при производстве следственных действий.

This article is devoted to the study of the features of the inspection of the scene of the accident as one of the initial investigative actions in a road traffic accident. The paper discusses the role of unmanned aerial vehicles in ensuring the safety of employees during investigative actions.

На сегодняшний момент уровень преступности в нашей стране заметно снизился по сравнению с предыдущим годом. Так, с января по декабрь 2020 года наблюдалось сокращение преступлений против личности (на 5,1 %), а именно, число убийств, а также покушений на убийство уменьшилось на 3,2 %, причинение тяжкого вреда здоровью – на 6,7 %. По итогам 2020 года неизменным остается вопрос, касающийся оперативной обстановки на объектах транспорта. Общее количество преступлений в области дорожного движения сократилось на 7,3 %, тяжких и особо тяжких – на 7,1 % [1].

Преступность на транспорте является одним из наиболее негативных факторов, характеризующих транспортные пассажирские и грузовые перевозки. Это объясняется тем, что преступления, совершаемые на транспорте, имеют ряд особенностей:

быстрая смена обстановки, длинные пути следования транспорта, а также специфика отношений, возникающих, например, между потерпевшим и преступником.

Раскрытие и расследование преступлений, в том числе и транспортных, безусловно, невозможно без проведения оперативно-розыскных мероприятий, применения системы мер уголовно-правового характера, уголовно-процессуальных средств, а также других методов предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. Данные меры проводятся с целью установления точной и достоверной информации по поводу личности лица, совершившего преступление, недопущения привлечения к ответственности невиновных лиц, а также с целью исключения самоговора подозреваемого и определения степени участия в преступлении третьих лиц.

Перед следователем стоит непростая задача: определить факты, имеющие достаточно важное, первостепенное значение в правильном и грамотном разрешении уголовного дела. В случае неправильного определения момента возникновения опасности со стороны водителя другого транспортного средства либо пешехода, переходящего проезжую часть в неположенном месте, может быть принято неправильное решение, незаконное обвинительное заключение, которое может погубить судьбу невиновного человека. Следует установить все смягчающие, а при наличии – и отягчающие обстоятельства по делу, выявить условия, способствующие совершению преступления. Ведь немаловажно определить, что стало первоисточником неправильных действий водителя: недостаточная квалификация водителя, управление транспортным средством в состоянии опьянения, техническое состояние транспортного средства, недостатки улично-дорожной сети. Например, недостаточное освещение улиц, неправильное расположение пешеходных переходов или плохое, непотребное качество дорожного покрытия.

Именно система следственных действий составляет основу расследования дорожно-транспортных преступлений и помогает установить факты, определяющие виновность/невиновность лица, провести истинный анализ предоставленных сведений. К числу наиболее распространенных следственных действий, применяемых в расследовании преступлений на транспорте, относят:

осмотр места происшествия, осмотр транспортного средства, допрос очевидцев и иных участников дорожно-транспортного происшествия, следственный эксперимент, судебно-медицинская, автотехническая и иные экспертизы.

Первостепенным следственным действием, проводимым сотрудниками незамедлительно после прибытия на место совершения дорожно-транспортного преступления, является осмотр места происшествия. Данное следственное действие проводится с целью обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [2]. Осмотр места происшествия является разновидностью осмотра, предусмотренного главой 24 УПК РФ, и может быть произведен до возбуждения уголовного дела.

Наряду с осмотром места происшествия могут производить осмотр местности, предметов, а также трупов. Именно от этого необходимо отталкиваться, когда определяется состав следственно-оперативной группы. Так, в нее могут входить: оперуполномоченный уголовного розыска, участковый уполномоченный, специалист-автотехник, специалист-криминалист, судебно-медицинский эксперт и т.д. Следственно-оперативная группа, отталкиваясь от характерных особенностей того или иного дорожно-транспортного преступления, обеспечивается той аппаратурой и специальными средствами, которые ей необходимы для расследования конкретного дела.

Перед началом осмотра следователь разъясняет лицам, участвующим в данном следственном действии, о праве делать замечания по ходу осмотра с последующим занесением данных сведений в протокол осмотра места происшествия. По прибытии на место происшествия следователь либо лицо, производящее дознание, в соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК РФ принимает решение о привлечении понятых. В случае если привлечь понятых не удалось, фиксация хода следственного действия, а также его результатов осуществляется с помощью технических средств фото-видеофиксации. Это объясняется тем, что обстановка при дорожно-транспортных происшествиях весьма изменчива ввиду погодных условий, скоротечных действий других участников дорожного движения, и для того чтобы отразить все моменты, детали и объекты на месте происшествия, зафиксировать положение

предметов в момент совершения преступления, прибегают к использованию технических средств.

Для наиболее точного определения месторасположения найденных объектов особенно важным моментом при производстве осмотра места происшествия является выявление и последующая фиксация в протоколе осмотра места происшествия географических координат и постоянных ориентиров. К постоянным ориентирам можно отнести, например, здания, сооружения, которые будут легко просматриваться при обзоре местности.

В случае совершения лицом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, оперативно-следственной группой в процессе осмотра места происшествия производится не только фиксация объектов и предметов, но и получение устной информации от очевидцев ДТП. Полученная информация может помочь в последующем сконцентрироваться на наиболее конкретных обстоятельствах, относящихся к данному дорожно-транспортному преступлению, поможет урегулировать деятельность оперативно-следственной группы и направить все силы на разрешение проблемной ситуации.

В соответствии со ст. 180 УПК РФ по окончании производства осмотра места происшествия составляется протокол, в котором указываются следующие данные: тип дорожного покрытия, уровень влажности дорожного полотна и наличие на нем дефектов, степень освещенности дороги, обзорная видимость и другие условия. Помимо этого в протокол заносятся все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре, перечисляются и описываются все предметы, изъятые при осмотре.

В настоящий период – период технологического процесса – беспилотные летательные аппараты получили широкое распространение в процессе производства следственных действий, а именно – осмотра места происшествия. Следователи, дознаватели и многие другие участники следственных действий в большинстве случаев к протоколу осмотра места происшествия прилагают иллюстрационную таблицу, в которой содержатся соответствующие фотоснимки. Иллюстрационная таблица представляет собой дополнительный, вспомогательный элемент фиксации результатов следственных действий. Отличительной особенностью

иллюстрационной таблицы является тот факт, что ее составление возможно только при помощи цифровых фотографий.

В этом сотрудникам ГИБДД и помогают беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА), которые не только отражают целостную картину места происшествия, но и помогают исключить лишние действия сотрудников. Например, погоню – так с помощью беспилотных летательных аппаратов можно отследить транспортное средство, причастное к дорожно-транспортному происшествию, распознать его номерные знаки, а также передать в режиме реального времени фото и видео случившегося на основной монитор.

То есть мы можем отметить, что зачастую именно уровень безопасности является определяющим критерием эффективности производства следственных действий. Так, при осмотре места происшествия немаловажно обеспечить следователям, сотрудникам Госавтоинспекции и иным участникам следственного действия сохранность их жизни, здоровья, собственности.

БПЛА используются для контроля пожарной безопасности и спасения людей (в работе служб по чрезвычайным ситуациям), для патрулирования (в работе полиции), для контроля рыбного промысла и лесоохраны (в работе лесничества и рыболовства). Свое распространение БПЛА получили и в деятельности ГИБДД.

В зависимости от типа конструкции выделяют следующие виды БПЛА (рис. 1).

1. Мультироторные – мультикоптерные дроны;

2. Беспилотник с неподвижным крылом;

3. Однороторный дрон – беспилотный вертолет;

4. Гибридные дроны.

Рис. 1. Виды БПЛА.

Широкое распространение в деятельности сотрудников Госавтоинспекции, а также в деятельности следователей по производству следственных действий получили именно мультироторные – мультикоптерные дроны. Они более просты в использовании

и имеют наиболее низкую стоимость по сравнению с остальными видами БПЛА.

Дрон – платформа, состоящая из определенного количества бесколлекторных двигателей и пропеллеров (4, 6, 8, 12): с 4 моторами – квадрокоптер, с 6 – гексакоптер, с 8 – октокоптер.

Простота данного аппарата заключается в том, что для его использования не требуется специального обучения и подготовки; управлять дроном может любой человек. Все действия совершаются путем изменения тяги на каждом моторе, стоит лишь выбрать открытую площадку и запустить дрон в небо.

Наряду с положительными моментами мультикоптерные дроны имеют ряд недостатков, которые также влияют на эффективность проведения следственных действий. Так, например, скорость, набираемая и развиваемая в процессе эксплуатации. Во время дорожно-транспортного происшествия очень важно незамедлительно зафиксировать место происшествия, освободить проезжую часть, чтобы не затруднять движение другим транспортным средствам. А из-за своего небольшого стартового разгона это сделать затруднительно.

Ограниченное время полета также очень сильно влияет на ход следственного действия. Дрон не способен длительное время находиться в воздухе, что приводит к промедлениям в процессе осмотра места происшествия. То есть мы можем заметить, что, несмотря на сравнительно дешевую и простую конструкцию, мультироторный дрон не способен выполнять свои функции идеально на все 100 % – есть свои недочеты, недостатки.

Обращаясь к истории внедрения данных технических средств, можно сказать, что первые беспилотники были обнаружены в 2014 году в Тюменской области [3]. Тогда с их помощью отслеживали водителей, которые предпочитали езду по обочинам. В 2015 году БПЛА начали использоваться на Дальнем Востоке, в этом же году сотрудникам УГИБДД по Свердловской области в использование поступила целая партия дронов, которые были способны распознавать номера автомобилей, а также факт пересечения сплошной линии. К 2016 году БПЛА использовались в Ставрополи. Так, по сообщению пресс-службы Ставропольского края, «эксперимент показал положительные результаты. Техническое устройство просто в управлении, стоит дешевле

стационарных камер и может применяться как в дневных, так и в ночных условиях» [4, с. 20].

Сотрудники ГИБДД отмечают, что за счет БПЛА, отличающихся простотой и надежностью использования, можно заметно сэкономить государственный бюджет, поскольку стационарные камеры (комплексы фотовидеофиксации) в сравнении с БПЛА имеют достаточно высокую стоимость. Снимки, получаемые с БПЛА, имеют высокое разрешение, а также мгновенно передаются в онлайн-режим, что, безусловно, влияет на ход и эффективность следственного действия [5, с. 139].

Благодаря своему маленькому весу БПЛА обладают высокой мобильностью, способностью зависать в пространстве, с помощью чего могут визуально осматривать объекты при помощи фотофиксации.

Съемка с использованием БПЛА позволяет провести фотограмметрию объекта, то есть получить 3D-модели объекта и производных от него материалов: проекций, планов, разрезов и т.д., помогает лучше понять произошедшее событие, зафиксировать места обнаружения трупов, оценить весь масштаб трагедии, а самое главное обезопасить жизнь сотрудников ГИБДД, оперативно-служебной группы. Ведь личная безопасность – залог эффективных профессиональных действий сотрудников.

Таким образом, приведенные выше данные говорят о том, что осмотр места происшествия является основополагающим следственным действием при дорожно-транспортных происшествиях, благодаря которому можно выявить следы преступления либо, например, признаки, указывающие на круг лиц, среди которых следует искать виновного и т.д. В ходе изучения мы выяснили, что огромную роль в проведении осмотра места происшествия играют беспилотные летательные устройства. За счет своей маневренности и компактности, возможности производить съемку с различных высот, а также мобильности БПЛА способны преследовать преступника, определять его местонахождение, тем самым ставя под защиту жизнь и здоровье сотрудников.

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.пф/reports/item/22678184>.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: с изменениями и дополнениями. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. URL: <https://www.autonews.ru/news/5f2a5d539a79471e8cebbdb1>.Autonews.

4. Барышников К.В., Червяков М.Э. К вопросу о применении беспилотных летательных аппаратов в ходе осмотра места происшествия // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 19–22.

5. Справцева Е.В. Применение квадрокоптеров в ГИБДД // Технические науки – от теории к практике. 2017. № 3 (63). С. 136–140.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукьянчикова Светлана Анатольевна. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Lukyanchikova Svetlana Anatolievna. Teacher of the Chair of Criminal Procedure.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: следственные действия; осмотр места происшествия; дорожно-транспортное происшествие; беспилотные летательные устройства; сотрудник Госавтоинспекции.

Keywords: investigative actions; inspection of the scene; road traffic accident; unmanned aerial vehicles; traffic police officer.

УДК 343.1

Мальшев К.С.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**FEATURES OF CONDUCTING OPERATIONAL SEARCH
ACTIVITIES IN RELATION TO MINORS**

Статья посвящена рассмотрению вопроса, связанного с проблематикой проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних. Автор проанализированы возможные ситуации проведения оперативно-розыскные мероприятия из перечня, содержащегося в законе. Рассматривается оперативно-розыскная характеристика несовершеннолетних включающая различные элементы характеристик преступлений, совершаемых несовершеннолетними, наиболее значимые для выявления и раскрытия преступлений.

The article is devoted to the consideration of the issue related to the problems of conducting operational search activities in relation to minors. The author analyzes the possible situations of conducting operational search activities from the list contained in the law. The article considers the operational-search characteristics of minors, which include various elements of the characteristics of crimes committed by minors, the most significant for the detection and disclosure of crimes.

Приоритетной национальной задачей Российской Федерации на сегодняшний день является государственная политика по улучшению положения детей в России.

Данная сфера государственной деятельности в период с 2012-го по 2017 год была определена и регламентирована Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» (утратил силу).

После истечения срока реализации данной стратегии вступил в законную силу Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации

Десятилетия детства», который направлен на совершенствование государственной политики в области защиты детей с учетом результатов, достигнутых в процессе реализации первой стратегии.

Актуальность и высокая общественная значимость реализации политики по улучшению положения детей обусловлена не только серьезностью существующих проблем в детской сфере, но и появлением «новых вызовов» и проблем, связанных с интересами и безопасностью населения в целом.

Самая большая проблема – рост криминальной активности подрастающего поколения, которая во многом зависит от негативных социально-экономических и политических последствий плохо продуманных реформ в любой сфере жизни, отсутствия разработанной программы действий, резкого снижения уровня жизни и доходов населения, а также духовно-нравственного и идеологического кризиса.

Преступления против несовершеннолетних – одна из самых острых проблем современности, которая существует практически в каждом государстве. Однако когда несовершеннолетний сам становится субъектом преступления, проблема преступности среди несовершеннолетних становится еще более серьезной.

Государство принимает комплекс правовых, социальных и иных мер, направленных на предупреждение и пресечение девиантной и незаконной деятельности подрастающего поколения, повышение эффективности деятельности правоохранительных и других органов, участвующих в этой работе, оптимизацию правового регулирования их деятельности.

Раскрытие преступлений, совершаемых несовершеннолетними, также как и раскрытие любых других преступлений, производится путем производства оперативно-розыскных мероприятий, исчерпывающий перечень которых установлен оперативно-розыскным законодательством.

Все оперативно-розыскные мероприятия могут быть классифицированы на различные виды в зависимости от тех или иных критериев. Так, в зависимости от формы их проведения принято выделять гласные и негласные оперативно-розыскные мероприятия. В зависимости от направленности выделяют такие виды оперативно-розыскных мероприятий, как разведывательные, контрразведывательные, оперативно-поисковые, вспомогательные.

В зависимости от субъектов, производящих оперативно-розыскные мероприятия, принято выделять: проводимые любыми субъектами оперативно-розыскной деятельности и специализированными субъектами. В зависимости от продолжительности оперативно-розыскных мероприятий выделяют кратковременные и длительные.

В зависимости от субъектов, санкционирующих оперативно-розыскные мероприятия, принято выделять: несанкционируемые (производимые исключительно по инициативе оперативных сотрудников и не требующих чье-либо разрешения); осуществляемые на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (мероприятия ведомственного санкционирования); осуществляемые на основании судебного решения (мероприятия судебного санкционирования).

Если речь именно об особенностях производства оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в отношении несовершеннолетних, то можно обнаружить лишь одну определенную норму, предусмотренную в специальном законодательстве – указании в ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» на тот факт, что в случае получения сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем и при наличии письменного согласия одного из родителей несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, вынесенного в течение 24 часов с момента поступления сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем, допускается получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у несовершеннолетнего, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства путем снятия информации с технических каналов связи с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение [1, с. 11].

На основе приведенной выше информации, видится необходимым проанализировать, в каких случаях производство оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних обладает определенной спецификой.

Так, представляется, что в случае производства такого оперативно-розыскного мероприятия как опрос, которое всегда для конкретного лица производится гласно, в обязательном порядке надлежит приглашать защитника, который будет гарантировать соблюдение конституционных прав несовершеннолетнего. Также, при производстве данного мероприятия вправе участвовать законный представитель, а в ряде случаев необходимо обеспечивать участие и такого специалиста, как педагог либо психолог. Поскольку в настоящее время по данному поводу никаких конкретных указаний в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» не имеется, здесь следует опираться на нормы уголовно-процессуального законодательства. Это, помимо обеспечения прав несовершеннолетнего, будет впоследствии обеспечивать и возможность использования результатов, полученных в ходе производства таких мероприятий, в качестве доказательств в рамках уголовного дела, при условии предоставления их следователю (дознавателю) в установленном законом порядке.

Также видится необходимым обеспечивать участие защитника и законного представителя в производстве такого оперативно-розыскного мероприятия, как сбор образцов для сравнительного исследования, при условии, что указанное оперативно-розыскное мероприятие проводится гласно. Аналогичным образом надлежит подходить и к производству такого оперативно-розыскного мероприятия как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Что же касается производства негласных оперативно-розыскных мероприятий, здесь не возникает сомнений в том, что они должны производиться без участия иных лиц, в частности, без участия защитника и законного представителя, поскольку в противном случае сущность производства данных оперативно-розыскных мероприятий будет полностью утрачена [2].

При производстве некоторых оперативно-розыскных мероприятий требуется в обязательном порядке наличие судебного решения, либо уведомление суда, если такие мероприятия произ-

водятся безотлагательно. В отношении несовершеннолетних каких-либо исключений в данном случае не предусмотрено, что, представляется, обусловлено тем фактом, что получение судебного решения само по себе является определенной гарантией обеспечения прав граждан, в том числе и несовершеннолетних.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что в отношении несовершеннолетних могут быть произведены любые оперативно-розыскные мероприятия из перечня, содержащегося в законе, однако должна иметь место определенная специфика. В частности, для того, чтобы результаты оперативно-розыскной деятельности, проведенной в отношении несовершеннолетних, могли выступить впоследствии в качестве доказательств, необходимо при производстве гласных оперативно-розыскных мероприятий обеспечивать участие защитника несовершеннолетнего, а также при необходимости привлекать к участию в них законных представителей, педагогов или психологов.

В оперативно-розыскную характеристику несовершеннолетних включаются различные элементы характеристик преступлений, совершаемых несовершеннолетними, наиболее значимые для выявления и раскрытия преступлений.

Личность несовершеннолетнего преступника характеризуется различными аспектами, но в целом на нее накладываются отпечаток возрастные особенности: повышенная активность, возбудимость и агрессия, свойственные подростковому возрасту.

Знание оперативно-розыскной характеристики преступлений несовершеннолетних позволяет оперуполномоченному в конкретном случае при выявлении признаков преступления выдвинуть версию о том, что данное деяние совершено именно несовершеннолетними и определить круг поиска преступников.

В настоящее время регулирование оперативно-розыскной деятельности осуществляется широкой нормативной базой, где важное место отводится Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», который в настоящее время требует актуального правового дополнения.

Видится необходимым принять Оперативно-розыскной кодекс РФ, в котором детально урегулировать все спорные вопросы, посвятить отдельные нормы каждому оперативно-розыскному мероприятию, порядку и особенностям его производства, по

аналогии с нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также предусмотреть отдельную главу, посвященную вопросам производства оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних, исключив, таким образом, все спорные вопросы, возникающие в правоприменительной практике.

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: в ред. от 2 августа 2019 г. // Рос. газ. 1995. 18 авг. № 160.

2. Кузнецов Е.В., Самсонов В.А. Критерии разграничения гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7 (122). С. 261.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малышев Константин Сергеевич. Преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Уральский юридический институт МВД России.

620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Malyshev Konstantin Sergeevich. Teacher of the Chair of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

620057, Russian Federation, Yekaterinburg, Korepin st., 66.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; преступления в отношении несовершеннолетних; оперативные подразделения; сбор образцов для сравнительного исследования.

Keywords: operational-search activities; operational-search events; crimes against minors; operational units; collection of samples for comparative research.

УДК 343.102

Марковичева Е.В.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

DIGITAL TECHNOLOGIES IN CURRENTS CRIMINAL PROCEDURE

В статье рассматривается влияние пандемии COVID-19 на трансформацию системы правосудия по уголовным делам. Автор анализирует некоторые проблемы, связанные с обеспечением бесперебойного уголовного судопроизводства в условиях социального дистанцирования, и предлагает более активно использовать цифровые технологии для преодоления кризисных явлений в системе отправления правосудия.

The article examines the impact of the COVID-19 pandemic on the transformation of the criminal justice system. The author analyzes some of the problems associated with ensuring criminal justice in the context of social distancing, and suggests using digital technologies more actively to overcome the crisis in the justice system.

В последнее десятилетие в юридической науке активно обсуждается проблема более активного использования достижений цифровой революции для оптимизации судопроизводства. Научная полемика идет в условиях, когда многие государства начинают рассматривать правосудие как особый вид государственной услуги, оказываемый населению [1]. Соответственно, для обеспечения большей доступности правосудия одним из приоритетных направлений государственной политики становится информатизация деятельности судов и иных правоприменительных органов. При этом общей тенденцией стало то, что информатизация в большей степени затронула судопроизводство по гражданским и уголовным делам, в меньшей – уголовное судопроизводство. Причины такого дисбаланса очевидны и связаны и с особенностями уголовно-процессуальных правоотношений, и, собственно, с его организацией, когда судебному рассмотрению предшествуют те или иные виды досудебного производства.

В условиях пандемии COVID-19 государства столкнулись с целым рядом проблем, связанных с обеспечением «нормального» отправления правосудия в условиях различных противоэпидемических ограничений, требующих социального дистанцирования людей и затрудняющих правоприменительную деятельность в ее традиционном формате. В результате проблематичными стали как организация уголовного судопроизводства, так и реализация отдельных прав участников процесса. Следственные органы и суды различных государств второй год вынуждены искать баланс между необходимостью обеспечения фундаментальных прав человека и принципов уголовного судопроизводства и прав каждого на охрану его жизни и здоровья. Являясь важнейшими государственными институтами, суды, органы прокуратуры, органы предварительного расследования, должны обеспечивать публичные интересы, которые в пандемический период лежат в плоскости физической безопасности и снижения эпидемической нагрузки. Однако одновременно эти органы должны выполнять те функции, которые возложены на них изначально, то есть, например, для суда это функции, связанные с отправлением правосудия и осуществлением судебного контроля. Неслучайно перед судами была поставлена задача не только рассмотрения уголовного дела, но и обеспечения безопасного с эпидемиологической точки зрения правосудия. На это обстоятельство обратила внимание и Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы в специальной Декларации 10 июня 2020 г. [2].

По этим причинам в условиях цифрового общества большинство государств видят выход из кризиса с обеспечением отправления правосудия и производства по уголовным делам в более активном использовании современных технологий, позволяющих бесперебойно рассматривать уголовные дела в условиях закрытых для посетителей судов и вводимых ограничений на социальные контакты. Однако специфика уголовного процесса, недостаточная информационная обеспеченность правоприменительных органов, пробелы в законодательстве вынуждают современные государства признать, что цифровизация уголовного процесса возможна при соблюдении целого ряда условий: 1) наличии хотя бы минимальной законной базы для их использования (что в ряде государств потребовало экстренных поправок

в законодательство); 2) оценке уголовного дела или материалов как безотлагательных, осуществляемой судами на основе рекомендаций высших судебных инстанций и общей эпидемической ситуации в регионе; 3) потенциальной возможности рассмотрения дела с использованием дистанционных технологий (по этой причине везде изначально отпал вопрос о деятельности судов присяжных в период строгих локдаунов).

Таким образом, цифровая трансформация как правосудия, так и собственно уголовного судопроизводства не может быть проведена в короткий временной период, а степень цифровизации производства по уголовным делам зависит от нормативных, организационных и финансовых условий, которые должны быть обеспечены в системной взаимосвязи. Нельзя не учитывать и тот факт, что хотя в последнее десятилетие исследователи, в том числе и российские, активно призывают к переходу на электронный формат уголовного дела [3], в целом, юридическое сообщество до 2020 г. демонстрировало осторожный, а нередко и весьма консервативный взгляд на «оцифровку» уголовного процесса и правосудия [3].

Как справедливо отмечают исследователи, степень информатизации уголовного судопроизводства отдельных государств в значительной степени варьируется и зависит от многих факторов [4]. В тех странах, где информатизации правосудия уделялось больше внимания, оказались в более выигрышном положении. Причем данная тенденция проявилась практически повсеместно. В результате усилия, затраченные на внедрение информационных технологий в деятельность судов в Казахстане или Эстонии, позволили данным государствам быстрее адаптироваться к новым чрезвычайным условиям. Более того, в Казахстане, где не только возможно ведение электронного уголовного дела, но и нормативно определен порядок производства дистанционного допроса, удалось достаточно оперативно решить вопрос с рассмотрением неотложных дел в рамках уголовного судопроизводства. Российская судебная система, информатизации которой уделялось все же достаточно внимания [5], оказалась более адаптированной к функционированию в период пандемии, нежели органы предварительного расследования.

В целом принимаемые государствами в 2020 г. меры направлены на разрешение возникшего конфликта между обязанностями субъектов уголовно-процессуальной деятельности и правом каждого на здоровье и безопасность в условиях эпидемической опасности. При этом неизбежно ограничиваются и отдельные права участников уголовного судопроизводства, что ставит вопрос о пределах подобного ограничения. Примечательно, что в принятом 7 апреля 2020 г. Советом Европы руководстве для государств-членов ЕС «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19» указывается, что вирус не должен «уничтожить наши основополагающие ценности и свободу общества» [4]. Совет Европы рассматривает пандемическую ситуацию как временную и полагает, что можно говорить исключительно о временном, вынужденном приостановлении исполнения обязательств, взятых на себя государствами, ратифицировавшими Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Хотя подобные ограничения вводились в условиях действия специальных режимов (например, тревожный режим в Испании или режим повышенной готовности в России), любые отступления от международных стандартов прав человека должны носить законный и соразмерный характер. К сожалению, уголовно-процессуальное законодательство большинства государств оказалось мало адаптированным к регулированию уголовно-процессуальных отношений в таких условиях. Многие судебные системы встали перед необходимостью нормативного распространения процедур дистанционного допроса и видеозаписи показаний на всех свидетелей, а не какой-то одной группы – например, тех, кто нуждается в защите. Верховный Суд РФ был вынужден в условиях правовой неопределенности создавать новый механизм дистанционного рассмотрения дел за счет сочетания легально определенной видеоконференцсвязи и неурегулированной процессуальным законодательством процедуры веб-связи. Российские суды в период карантинных ограничений стали активно использовать различные мессенджеры, хотя до пандемии чаще всего придерживались нормативно-методических инструкций, нацеливающих на проведение видеоконференцсвязи только с использованием специального программного модуля. Тщательного анализа

и осмысления требует и опыт различных государств по принятию нормативных актов «чрезвычайного характера», определяющих специальный режим деятельности государственных органов как в стране в целом, так и в отдельных ее частях.

Таким образом, признание приоритета жизни и здоровья каждого над процессуальными правами и обязанностями привело к появлению общего подхода к решению вопроса о необходимости или целесообразности производства тех или иных процессуальных действий как отвечающих критерию неотложности.

Безусловно, что основным уроком, внесенным системой уголовного правосудия из периода функционирования в условиях специального режима, должна стать системная работа по его цифровой модернизации, которая, к сожалению, не может быть осуществлена только за счет привычных точечных корректив уголовно-процессуального законодательства. Проводимые мероприятия должны быть нацелены на сокращение разрыва между уровнем развития современных технологий и уголовно-процессуальным законом и практикой его применения. Наиболее продуктивными направлениями для исследования с возможностью практической реализации являются: 1) снижение рутинности ряда процедур за счет использования информационных технологий; 2) более активное преобразование материалов уголовного дела в цифровой формат; 3) разработка вспомогательных систем поддержки принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве.

1. Качалова О.В. Правосудие как услуга: мировой тренд // Уголовный процесс. 2019. № 11 (179). С. 10.

2. Lessons learnt and challenges faced by the judiciary during and after the COVID-19 pandemic: European commission for the efficiency of justice (CEPEJ). Ad hoc virtual CEPEJ plenary meeting Wednesday 10 June 2020. Official site of the Council of Europe. Available at: https://www.coe.int/ru/web/portal/-/how-should-judges-respond-to-covid-19-challenges-and-what-lessons-should-they-learn?fbclid=iwar2rhvr8l-o9oxddpofodwu0_gnihh1viieabmturo-uzkz64sxjxrj6q (date accessed: 01.10.2020).

3. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Рос. правосудие. 2015. № 2 (106). С. 95–101.

4. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Рос. правосудие. 2018. № 6. С. 15–25.

5. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 214–224. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.214-224.

6. Марковичева Е.В. Перспективы развития электронного судопроизводства в Российской Федерации // Рос. правосудие. 2017. № 3 (131). С. 88–95.

Ключевые слова: суд; уголовный процесс; пандемия; цифровые технологии; дистанционное правосудие; электронное правосудие.

Keywords: court; criminal procedure; pandemic; digital technologies; remote justice; e-justice.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марковичева Елена Викторовна. Главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия, доктор юридических наук, доцент.

Российский государственный университет правосудия.

117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69.

Markovicheva Elena Viktorovna. Principal Researcher of the Research Center for the Study of Justice Problems, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Russian State University of Justice.

117418, Russian Federation, Moscow, Novocheryomushkinskaya st., 69.

Маткаримов М.М.

**ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА МЕЖДУНАРОДНОГО
РОЗЫСКА ПРЕСТУПНИКОВ В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ УЗБЕКИСТАНА**

**FEATURES OF THE MECHANISM OF THE
INTERNATIONAL SEARCH OF CRIMINALS
IN CRIMINAL TRIAL OF UZBEKISTAN**

В статье затрагиваются особенности совершенствования механизма международного розыска преступников в уголовном процессе, указаны международные акты, непосредственно регулирующие сотрудничество в данной сфере, проведен анализ международного опыта применения современных инновационных технологий в организации розыска скрывающихся преступников, сотрудничества государств с международными организациями при осуществлении розыскной функции, были показаны основные направления развития международного розыска обвиняемых.

In article features of perfection of the mechanism of the international search of criminals in criminal trial are mentioned, the international certificates directly regulating cooperation in this sphere are specified, the analysis of the international experience of application of modern innovative technologies in the organisation of search of disappearing criminals is carried out, cooperation of the states with the international organisations at realisation of search function, the basic directions of development of the international search of the accused have been shown.

Механизм уголовного преследования преступников, совершивших общественно-опасные деяния в одной стране и скрывающихся в других странах, включает в себя институт международного розыска, который представляет собой комплекс теоретических, практических, правовых и прикладных оснований для его осуществления. Криминалистическая методика и тактика международного розыска основывается на правовых нормах, закрепленных в уголовно-процессуальном, оперативно-розыскном за-

конодательстве, и включает в себя наиболее важные правила розыскной деятельности, создает организационно-правовые основания для указанного механизма розыска.

М.С. Репкин, касаясь особенностей процессуального порядка розыска скрывающихся преступников, отметил, что при этом «обосновывается уголовно-процессуальная сущность розыска. Об этом свидетельствуют его структура и содержание» [1, с. 13]. Одним из действенных условий совершенствования механизма уголовно-процессуального порядка является криминалистическая методика и тактика международного розыска скрывающихся преступников.

Установление и задержание разыскиваемых преступников зависит от вероятного их местонахождения, т.к. они могут находиться как внутри страны, так и за ее пределами. Во втором случае осуществляется международный розыск, который обеспечивается системой розыскных мер, предусмотренных как национальным уголовно-процессуальным, оперативно-розыскным законодательством, так и международными договорами. В тех случаях, когда лицо скрывается за пределами одного государства, согласно нормам международного права могут применяться положения различных конвенций, двухсторонних или многосторонних договоров и осуществляться сотрудничество государств в осуществлении международного розыска преступников [2, с. 72].

При установлении факта нахождения разыскиваемого обвиняемого за пределами государства-инициатора или неизвестности точного его местонахождения объявляется межгосударственный или международный розыск.

Следует отметить, что существуют различные трактовки относительно понятий «виды розыска» и «этапы розыска». Так, российский ученый С.В. Бородин пишет, что «розыск обвиняемого может состоять из нескольких этапов: 1) местный розыск – когда работа проводится на территории субъекта федерации; 2) все-российский розыск – когда к розыску подключаются органы внутренних дел нескольких или всех субъектов федерации; 3) розыск, когда в нем принимают участие органы милиции, полиции стран-участниц СНГ в соответствии со ст. 6, 56–77 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, се-

мейным и уголовным делам, заключенной государствами-членами СНГ 22 января 1993 г.; 4) розыск ведется через Национальное Центральное бюро Интерпола в России» [3, с. 320].

А.Г. Волеводз относительно международного розыска отмечает, что «транснациональный характер преступлений... требует активного взаимодействия правоприменительных органов и судебных властей различных стран не только в рамках, ставших уже традиционными, форм правовой помощи по уголовным делам, но также путем создания и развития новых правовых институтов, необходимых практике, одним из которых является международный розыск» [4, с. 139].

Международным соглашением, регулирующим межгосударственный розыск лиц, совершивших преступления, является договор государств-участников СНГ «О межгосударственном розыске лиц», заключенный в Москве 10 декабря 2010 года [5], который вступил в силу для Республики Узбекистан 24 августа 2011 года.

А.В. Дунаева определяет, что «межгосударственный розыск – это разновидность международного розыска, который осуществляется теми же мероприятиями, средствами и с той же целью, но на территории двух государств по инициативе правоохранительных органов одного из указанных государств» [6, с. 85].

Действующий порядок объявления международного розыска не исключает, если имеются достоверные сведения о связях разыскиваемого за рубежом в конкретных странах, возможности направления в НЦБ страны запроса о проведении отдельных розыскных мероприятий на их территории. Необходимо учитывать, что на практике нередки случаи, когда разыскиваемые могут находиться как на территории стран СНГ, так и в других странах дальнего зарубежья. В подобной ситуации необходимо одновременно действовать в двух направлениях: объявить межгосударственный розыск в порядке, установленном Временной инструкцией, и международный розыск по каналам Интерпола (п. 1 Комментария к Временной инструкции о едином порядке осуществления межгосударственного розыска лиц) [7, с. 47].

Если обратить внимание на зарубежный опыт в деле осуществления розыска скрывающихся от следствия преступников,

то можно увидеть, что, например, в США имеется криминалистический учет, который называется «системой уголовной идентификации» и носит всеобъемлющий характер, поскольку на учет ставятся все участники уголовного процесса, в том числе и лица, совершившие преступление. Учет данных лиц ведется по отпечаткам пальцев, признакам внешности, причем не только по описанию этих признаков, но и по фотографиям, по способу совершения преступления. Дактилоскопический учет ведется по 10-пальцевой системе. Это позволяет непрерывно отслеживать с высокой точностью появление дактилоскопической информации о разыскиваемом на всей территории США. Определение местонахождения отпечатков пальцев позволяет обнаружить и задержать разыскиваемого. Это тоже имеет непосредственное значение для уяснения границ и объема розыскных мероприятий и, на наш взгляд, позволит повысить эффективность розыска преступников.

Изучение международного опыта применения современных процессуальных и криминалистических способов и методов организации розыскной деятельности правоохранительных органов, их сотрудничества с международными организациями по осуществлению розыскной функции позволило сделать вывод о том, что он характеризуется следующими тенденциями развития и перспективами организации международного розыска лиц, совершивших преступление:

1) создание международной системы информационного взаимодействия правоохранительных органов стран с международными организациями, ответственными за розыск (Интерпол, Европол), на основе инновационных информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих оперативную передачу информации о преступниках, объявленных в международный розыск;

2) создание стационарной и мобильной международной системы идентификации преступников, находящихся в международном розыске по дактилоскопическим, видеоскопическим, габитологическим, одорологическим, фоноскопическим, сравнительно-анатомическим, трасологическим и т.д. признакам;

3) создание в международном масштабе электронной картографической системы, детально определяющей границы и объем розыскных мероприятий относительно скрывающегося обвиняе-

мого, объявленного в международный розыск, включая элементы международного сотрудничества между правоохранительными органами государств.

В настоящее время возникла настоятельная необходимость принятия специальных международных договоров и законодательных мер по оптимизации уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего вопросы организации международного розыска скрывшегося обвиняемого с учетом современных тенденций развития криминалистической науки и технического прогресса.

Таким образом, международный розыск преступников должен исходить из целей оптимизации работы национальных правоохранительных органов и международных организаций по осуществлению планомерных, эффективных мероприятий. Для этого следует учитывать некоторые аспекты, а именно:

1) международный розыск по своей сути – это комплекс розыскных, информационно-справочных и иных мероприятий компетентных органов государства-инициатора розыска и зарубежных стран, направленных на обнаружение, арест и выдачу (экстрадицию) разыскиваемых преступников;

2) учет особенностей уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан, регламентирующих порядок взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств по вопросам сотрудничества в международном розыске преступников;

3) совершенствование организационно-тактических приемов взаимодействия правоохранительных органов с НЦБ Интерпола МВД Республики Узбекистан в осуществлении международного розыска.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что международный розыск преступников, в том числе розыск, проводимый в рамках Интерпола, межгосударственный розыск, осуществляемый в странах Содружества Независимых Государств (СНГ), на сегодняшний день еще в недостаточной степени отвечает предъявляемым современным требованиям времени. На наш взгляд, необходимо комплексно исследовать уголовно-процессуальные, криминалистические аспекты, оперативно-розыскное обеспечение, международно-правовое регулирование, организа-

цию международного розыска лиц и выработать необходимые теоретические и практические рекомендации по совершенствованию международного сотрудничества в розыске скрывающихся преступников.

1. Репкин М.С. Розыскные меры в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 13.

2. Матчанов А.А. Механизм международного сотрудничества в установлении местонахождения обвиняемых объявленных в международный розыск: монография. Т.: Академия МВД Республики Узбекистан, 2015. 153 с.

3. Уголовный процесс / под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 320.

4. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 139.

5. Сборник международных договоров Республики Узбекистан. 2012. № 1–2.

6. Дунаева А.В. О понятиях межгосударственного и международного видов розыска // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1. С. 85.

7. Илларионов В.П., Путова И.В. Правовые и организационно-методические аспекты международного розыска преступников: учебное пособие. М.: Книжный мир, 1999. С. 47.

СВЕДЕНИЕ ОБ АВТОРЕ

Маткаримов Музаффар Мамадович. Самостоятельный исследователь кафедры уголовно-процессуального права.

Академия МВД Республики Узбекистан.

100197, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, 68.

Matkarimov Muzaffar Mamadovich. Independent Researcher of the Chair of Criminal Procedure Law.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

100197, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Intizor st., 68.

Ключевые слова: международный розыск; межгосударственный розыск; розыск преступников; виды розыска; уголовный процесс; международный механизм; сотрудничество; розыскная функция.

Keywords: international search; interstate search; search of criminals; search kinds; criminal trial; the international mechanism; cooperation; search function.

УДК 343.985.5

Матчанов А.А.

**ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ
В РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ
БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ИЛИ ЭКСПЛУАТАЦИИ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В УЗБЕКИСТАНЕ**

**FEATURES OF TACTICS CRIMINALISTIC MAINTENANCE
OF PROCESS TO PROVE IN INVESTIGATION
OF INFRINGEMENT OF SAFETY ROAD RULES
OR OPERATION OF VEHICLES IN UZBEKISTAN**

В статье рассматриваются тактико-криминалистические особенности процесса доказывания нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств органами и должностными лицами, ответственными за проведение доследственной проверки, возбуждения и расследования данного вида преступления; проведен анализ имеющихся в данной сфере проблем, которые необходимо разрешить посредством комплексного подхода в обнаружении, фиксации и проверке доказательств в досудебном производстве Узбекистана.

In the article the author considers tactics and criminalistic features of process of proving infringements of safety road rules and operation of vehicles by bodies and officials responsible for carrying

out preliminary checks, excitation and investigation of the given kind of a crime; the author carries out the analysis of the problems available in the sphere which are necessary to resolve by means of the complex approach in detection, fixation and check evidence in pre-judicial procedure of Uzbekistan.

Закон Республики Узбекистан «О безопасности дорожного движения» регулирует отношения, возникающие в области нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, и направлен на обеспечение охраны жизни, здоровья и имущества граждан, защиту их прав и законных интересов. В соответствии с данным Законом на территории страны органы внутренних дел реализуют государственные программы по обеспечению безопасности дорожного движения и осуществляют контроль над их реализацией.

Несмотря на принимаемые государством и, в частности, Главным управлением безопасности дорожного движения МВД Узбекистана (далее ГУБДД) меры, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения, предупреждением нарушений правил безопасности движения и эксплуатацией транспортных средств, их количество имеет тенденцию к росту.

Причиной этому являются такие факторы, как превышение скорости, технические неполадки транспортного средства, его эксплуатации и невыполнение требований, предусмотренных правилами дорожного движения. Об этом в своем исследовании отмечает В.А. Городокин, который определил возможности использования специальных автотехнических знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [1, с. 9].

Данную проблему в Узбекистане исследовал А.Д. Хусанов, который в своем анализе правоприменительной и экспертно-криминалистической деятельности обеспечения фиксации доказательственной информации дорожно-транспортного происшествия сделал вывод, что в настоящее время рассматриваемый процесс в недостаточной степени использует возможности судебно-автотехнических, судебно-криминалистических и иных видов экспертиз по причине недостаточной информированности дознавателей, следователей и органов, осуществляющих доследст-

венную проверку о возможностях инновационных технологий в сфере фиксации дорожно-транспортного происшествия [2, с. 33].

Еще одной существенной проблемой тактико-криминалистического обеспечения процесса доказывания фактов нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств является наличие проблем, связанных с недостаточной разработанностью криминалистической методики и тактики расследования этих преступлений, использованием криминалистической или иной современной техники, основанных на инновационных технологиях информационно-коммуникационных технологий. На наш взгляд, это оказывает существенное влияние на качество расследования нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств.

Тактико-криминалистическое обеспечение процесса доказывания нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств является необходимым компонентом, который служит средством закрепления обнаруженной доказательственной информации. По мнению С.В. Власовой, автотехническая экспертиза является основным способом получения доказательств по делам об автотранспортных преступлениях [3, с. 100]. Органом, осуществляющим доследственную проверку, дознавателем, следователем важно обнаружить, зафиксировать и предоставить в распоряжение эксперта необходимые материалы, которые позволят ему вынести соответствующее заключение, имеющее статус доказательства.

В современных условиях быстрого развития криминалистики как прикладной науки эффективность расследования рассматриваемого вида преступлений зависит от квалификации сотрудников, ответственных за расследования уголовного дела и привлекаемых ими специалистов, которые в свою очередь должны знать и уметь применять оптимальные тактические приемы использования технических средств. При этом предоставляется возможность достижения цели следствия посредством использования новейших технических средств на основе инновационных, информационно-коммуникационных технологий в криминалистической тактике проведения следственных действий и методике получения доказательств, способствующих расследованию этих преступлений.

В этом отношении мы согласны с мнением И.И. Литвина, который под техническими средствами понимает «любые вспомогательные устройства, применяемые в процессе доказывания следователем, экспертом либо специалистом в целях обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и проверки информации, имеющей значение для разрешения дела» [4, с. 9].

Современное состояние механизма тактико-криминалистического обеспечения процесса доказывания нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств еще не в полной мере отвечает предъявляемым требованиям времени. Это, прежде всего, связано с тем, что при расследовании нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств предполагается широкое использование множества технических средств и научных изысканий, привлечение специалистов в автотехнической сфере, экспертов традиционных криминалистических и иного рода судебных экспертиз. Они оказывают действенную помощь лицам, расследующим преступления, основываясь на таких специфических объектах исследования, как транспортное средство, дорожное происшествие и физическое лицо, совершившее нарушение или пострадавшее в результате нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств.

Таким образом, на основе анализа современного состояния тактико-криминалистического обеспечения процесса доказывания преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, можно выделить следующие проблемы в рассматриваемом аспекте:

- 1) пробелы в нормативно-правовом регулировании отношений, связанных с обнаружением, фиксацией доказательственной информации и материальных следов на месте совершенного преступления;

- 2) недостаточная оснащенность органов следствия и экспертно-криминалистических отделов ОВД современными техническими средствами для качественного криминалистического обеспечения процесса доказывания в расследовании нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств;

3) не отвечающие современным требованиям методики применения тактико-криминалистических средств обнаружения, фиксации доказательств и криминалистической тактики проведения необходимых следственных действий в закреплении доказательственной информации при совершении данного вида преступлений;

4) недостаточная квалификация привлекаемых специалистов и экспертов при расследовании преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности и эксплуатации транспортных средств, применения современных научных достижений в проведении судебно-автотехнических, судебно-трасологических и иного вида экспертиз при обнаружении и фиксации материальных следов;

5) организационно-тактические ошибки и упущения, допускаемые при осуществлении практической деятельности, связанные с тактико-криминалистическим обеспечением процесса доказывания в расследовании нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств и др.

Указанные проблемы, связанные с тактико-криминалистическим обеспечением процесса доказывания при совершении преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, должны быть устранены или максимально минимизированы. Только в этом случае можно повысить эффективность и качество расследования данного вида преступлений.

Оптимизация тактико-криминалистического обеспечения процесса доказывания при осуществлении доследственной проверки, возбуждении уголовного дела и производстве расследования нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств требует комплексного подхода, в который должны быть включены уголовно-процессуальные, криминалистические, оперативно-розыскные, судебно-экспертные аспекты, которые могут в целом создать условия для эффективного, быстрого расследования данных общественно-опасных деяний.

Преимущества предлагаемого комплексного подхода к обнаружению, сбору и фиксации доказательств в расследовании преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности

движения или эксплуатации транспортных средств, могут максимально проявить свою эффективность при оптимальном использовании возможностей инновационных информационно-коммуникационных технологий, оказывающих большое значение на деятельность как следственных органов, так и экспертных учреждений. Данный концептуальный подход позволит качественно поднять возможности использования достижений криминалистической науки и техники в процессе доказывания нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств и позволит координально повысить качество предварительного расследования этих преступлений.

1. Городокин В.А. Использование специальных автотехнических знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 25 с.

2. Хусанов А.Д. Совершенствование криминалистического обеспечения фиксации дорожно-транспортных происшествий: автореф. дис. ... д-ра философии (PhD). Т., 2020. 65 с.

3. Власова С.В. К вопросу об автотехнических экспертизах как способе получения доказательств по делам об автотранспортных преступлениях // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секции «Уголовно-процессуальное право» и «Юридическая психология»: мат-лы Международ. науч.-практ. конф. (г. Волгоград, 13–14 декабря 2012 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 100–107.

4. Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 31с.

СВЕДЕНИЕ ОБ АВТОРЕ

Матчанов Алимжан Атабаевич. Профессор кафедры теории и практики прав человека, доктор юридических наук, профессор. Академия МВД Республики Узбекистан.

100197, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, 68.

Matchanov Alimzhan Atabaevich. Professor of the Chair of Theory and Practice of Human Rights, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

100197, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Intizor st., 68.

Ключевые слова: безопасность движения; эксплуатация транспортных средств; доказательства; доследственная проверка; расследование; тактико-криминалистическое обеспечение.

Keywords: traffic safety; operation of vehicles; evidence; preliminary check; investigation; tactics and criminalistic maintenance.

УДК 343.98: 343.346.2

Мерецкий Н.Е.

**РАССЛЕДОВАНИЕ ИНСЦЕНИРОВОК
ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ЦЕЛЬЮ НЕПРАВОМЕРНОГО
ЗАВЛАДЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ**

**INVESTIGATION OF STAGED TRAFFIC ACCIDENTS
COMMITTED FOR THE PURPOSE
OF ILLEGAL POSSESSION OF A VEHICLE**

В статье на основе изучения практики рассматриваются некоторые способы совершения инсценирования дорожно-транспортного происшествия с целью неправомерного завладения транспортным средством. Кроме этого, в ней представлены некоторые рекомендации, направленные на задержание и изоляцию преступника.

In the article, based on the study of practice, some ways of performing the staging of a road accident with the purpose of illegal possession of a vehicle are considered. In addition, it provides some recommendations aimed at detaining and exposing the criminal.

Анализ результатов проведенных исследований позволил установить, что существуют различные способы неправомерного завладения транспортным средством – например, в результате хищения, мошенничества, грабежа, разбойного нападения, инсценированием дорожно-транспортного происшествия, угона – т.е. кражи, предъявление подложных (поддельных) документов и т.д. В связи с этим можно констатировать, что к наиболее часто встречаемым и сложно раскрываемым преступлениям относятся мошенничества, совершаемые в результате обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта. В результате действий преступника могут наступить определенные выгодные для него последствия, которые способствуют за счет наступившего имущественного ущерба, причиненного законным собственникам или владельцам транспортного средства, получить от них материальное вознаграждение.

В то же время очевидным является и тот факт, что при фальсификации обстоятельств ДТП или инсценировки ДТП с целью неправомерного завладения транспортным средством не существует тяжких или вредных последствий, как и факта нарушения преступником правил дорожного движения. В этом случае происшествие имитировано, а повреждения транспортному средству нанесены собственником или посторонними лицами специально во время или до совершения противоправных действий, направленных на получение какой-либо материальной выгоды. Для современных мошенников нет серьезных препятствий на пути разработки способов достижения поставленной цели.

Как показывают наши исследования, наиболее часто встречаемые случаи мошенничества именно в области неправомерного завладения транспортным средством совершаются в результате обмана с использованием различных способов изменения обстановки совершенного ДТП. Например, нанесение на поверхность транспортного средства царапин, вмятин, трещин на лобовое или боковое стекло, повреждение или разбитие оптических приборов

(фар, подфарников, зеркал), так называемое «подрезание» автомобиля будущей жертвы и т.д. При совершении преступных действий субъект предпринимает попытку завладеть транспортным средством у законного владельца путем вымогательства или иными преднамеренными действиями с последующим предъявлением ему требований компенсации имущественного характера или возможностью причинения физического или иного насилия. В результате этих действий «жертва», как правило, соглашается с условиями, навязанными преступником.

В результате изучения практики нами было установлено, что о мошенничестве с целью завладения транспортным средством в большинстве случаев редко становится известно работникам правоохранительных органов, и в силу этого уголовные дела по ним в большинстве случаев не возбуждаются по причине отсутствия заявления потерпевшего. В случаях, когда поступает заявление, сообщение о вымогательстве или информация о якобы совершенном ДТП, то раскрытие и расследование их в большинстве случаев (56,8 %) ведется не на достаточно высоком уровне, хотя практически всегда есть конкретный подозреваемый. Дело в том, что свои действия правонарушитель планирует совершить, во-первых, в ситуации, когда отсутствуют очевидцы содеянного, но имеются сообщники, выступающие в качестве свидетелей; во-вторых, в качестве потерпевшего (жертвы) выбирается лицо пожилого или, наоборот, очень молодого возраста.

Наши исследования показывают, что при раскрытии и расследовании мошенничества, спланированного на завладение транспортным средством, значительную роль в формировании доказательств играет, во-первых, исходная информация о содеянном и лице [1, с. 90]; во-вторых, исследование используемого способа достижения поставленной цели; в-третьих, изучение зафиксированных аналитических данных об аналогичных преступлениях, совершенных в других регионах России. Следовательно, получение и анализ достоверной информации о преступлении дает возможность установления истины по конкретному делу. Дело в том, что в результате неправомерного завладения транспортным средством субъект оставляет только ему присущие следы, являющиеся информационной базой для раскрытия и расследования преступления. В этом случае следует идти от замысла

субъекта преступления, его реализации к планомерному исследованию его действий вплоть до раскрытия всех этапов мошеннических действий.

В нашем случае неправомерное завладение транспортным средством, как правило, возможно лишь в результате совершения какого-либо противоправного деяния – например, инсценирование дорожно-транспортного происшествия, и здесь способ действия субъектов играет определяющую роль. В силу этого познание этапов деятельности преступника можно рассматривать как метод изучения следовой картины происшествия. В целях определения возможности возбуждения уголовного дела следователь дает поручения о сборе необходимой информации из различных источников, в том числе и из налоговых органов [2, с. 99]. Иначе говоря, при расследовании необходимо создать условия для обнаружения, исследования и анализа всей информации о ранее совершенных аналогичных правонарушениях, которая поступает в правоохранительные органы.

В результате исследования нами был установлен механизм примерных действий субъекта с целью неправомерного завладения транспортным средством, который имеет две разновидности – запланированное и спонтанное. Спонтанное мошенничество используется субъектом, как правило, в момент совершенного ДТП, в котором водитель воспринимает случившееся как повод обогатиться за счет виновника происшествия. В случае подготовки к запланированному неправомерному завладению транспортным средством путем фальсификации обстоятельств ДТП к организационным действиям относят: изучение правил дорожного движения, определенных статей Кодекса об административных правонарушениях, уголовного, гражданского и т.д. (чего? Кодекса? Если да, то лучше перенести эти слова, поставить перед «Кодекс»).

В силу этого при получении следователем сообщения о подозрении, что в результате ДТП произошло неправомерное завладение транспортным средством, необходимо определить, какой метод инсценировки или фальсификации применяли преступники. В этом случае преступники путем нарушения общей обстановки ДТП преследуют задачу, создающую возможность изменения следовой картины, извращающей обстоятельства, которые предшествуют событию, с целью незаконного возмещения

ущерба как физическими, так и юридическими лицами путем завладения транспортным средством или получения страхового вознаграждения. В первом случае используется такой метод, как вымогательство с физических лиц, а во втором (если автомобиль застрахован), предъявляется иск страховой компании, которая обязана оценить ущерб и выплатить (данное деяние будет квалифицироваться как мошенничество) причитающуюся сумму, а в дальнейшем автомобиль может быть изъят в качестве компенсации морального ущерба. Следует отметить, что, согласно полученным нами данным, случаи вымогательства с юридических лиц достаточно редки и составляют 12,4% от всех возбужденных дел.

Из изложенного можно видеть, что способ совершения указанных преступлений может включать в себя действия как по подготовке, так и по совершению обозначенных преступлений, объединенных общим преступным замыслом. Подготовка при совершении преступлений именно этим способом может включать в себя различные действия, содержащие заранее продуманные способы сокрытия (например разработка ложного алиби) на случай задержания и разоблачения.

Анализ практики показывает, что этап непосредственного совершения преступления, как правило, включает действия, направленные на присвоение чужого имущества, а в дальнейшем на то, чтобы скрыться от ответственности. Это означает, что способ неправомерного завладения транспортным средством включает следующие направления: 1) во-первых, разнообразные схемы незаконного обогащения; 2) во-вторых, инсценировка ДТП обладает всеми(главное слово, от которого задается вопрос – «направления»), а значит вопрос, который задается, – «какие?», должно быть перечисление, «обладает» неправильная постановка предложения; соответственно, в следующем пункте та же ошибка; скорее всего, тут должно быть «признаки хищения личного имущества) признаками хищения личного имущества; 3) в-третьих, обладает сокращенным временным интервалом между действиями преступника и изъятием материальных ценностей у потерпевшего.

Попытаемся кратко рассмотреть возможные способы мошенничества, разрабатываемые субъектами в период подготовки

к неправомерному завладению транспортным средством путем совершения фальсификации ДТП:

- 1) преднамеренное изменение умысла о виновности правонарушителя;
- 2) совершение действия без соприкасания автомобилей;
- 3) инсценировка наезда на пешехода;
- 4) умышленное провоцирование (создание условий) совершения дорожного правонарушения;
- 5) совмещение или подмена автомобилей одинаковых марок ранее побывавших в различных авариях;
- 6) предварительный сговор участников дорожного правонарушения – например, между мошенником и сотрудником (ГИБДД, страховой компании, нотариуса и т.д.);
- 7) подделка, изменение сведений в протоколе осмотра транспортного средства, включающих подлог документов, подтверждающих совершенное дорожное правонарушение.

В заключение следует отметить, что знание способов мошенничества при совершении ДТП с целью завладения транспортным средством влияет на успешное раскрытие и расследование, что позволяет установить все этапы противоправной деятельности субъекта и получить неопровержимые доказательства о его виновности. Кроме того, следует иметь в виду, что характерной особенностью рассматриваемых преступлений является многократность эпизодов совершения мошеннических действий по типу «конвейера», а именно: 1) совершение преступлений в отношении одного или разных субъектов и передача для разборок соучастникам; 2) достаточно долгая преступная деятельность в одном или нескольких регионах; 3) обнаружение (поиск) иных потерпевших, подвергнутых насилью, но уже оплативших или лишенных автотранспортного средства.

Приведенные нами способы мошенничества при совершении ДТП с целью завладения транспортным средством представляют определенные знания, которые могут повлиять на применение различных тактических приемов, направленных на разработку методических рекомендаций по осуществлению расследования. Кроме того, необходимо отметить, что в своем стремлении любыми способами изъять у законного владельца транспортное средство с целью обогащения, преступник непреднамеренно мо-

жет повлиять на установление лиц, склонных к совершению обозначенных преступлений, и в силу этого – на разработку определенных профилактических мероприятий.

1. Мерецкий Н.Е. Влияние исходной информации на расследование преступлений // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований: материалы Всерос. науч-практ. конф. (11–12 ноября 2016 г.). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016. С. 89–92.

2. Шурухнов Н.Г., Кутенкова В.Д. Изменения процедур принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: материалы межвузовской научно-практической конференции (Тула, 6–7 июня 2016 г.). Тула: Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. С. 98–101.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мерецкий Николай Евгеньевич. Профессор кафедры криминалистики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России.

Дальневосточный юридический институт МВД России.

680020, Российская Федерация, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Meretskiy Nikolay Evgenyevich. Professor of the Chair of Criminalistics, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honoured Lawyer of Russia.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

680030, Russian Federation, Khabarovsk, Kazarmenniy lane, 15.

Head of the Chair of Criminal Law Disciplines.

Far Eastern State Transport University.

Ключевые слова: расследование; субъект; обман; транспортное средство; преступник; правила дорожного движения; инсценирование; мошенничество; материальный вред; уголовное дело.

Keywords: investigation; subject; deception; vehicle; criminal; traffic rules; staging; fraud; material damage; criminal case.

УДК 343.1

Моисеев Н.А., Новоселов Н.Г., Флоря Д.Ф.

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ
ЭКСТРАСЕНСОРНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ,
ДЛЯ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РОЗЫСКА ЛИЦ**

**INVOLVEMENT OF PERSONS WITH PSYCHIC ABILITIES
TO SOLVE CRIMES AND SEARCH FOR PERSONS**

В статье рассматриваются некоторые аспекты совместной деятельности оперативных подразделений территориальных органов внутренних дел и лиц, обладающих экстрасенсорными способностями для решения задач оперативно-розыскной деятельности. Авторами дается понятие парапсихологии как области знаний и определение лиц, обладающих парапсихологическими способностям в различных областях жизнедеятельности.

В статье отражена статистика «Всероссийского центра изучения общественного мнения» тестирования россиян по вопросам доверия лицам, обладающих паранормальными способностями. Кроме этого, приводятся результаты интервьюирования сотрудников отдела уголовного розыска УМВД России по г. Белгорода и сотрудников, проходивших обучение в Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина по дополнительной профессиональной программе профессиональной переподготовки сотрудников, включенных в кадровый резерв территориальных органов МВД России на районном уровне о целесообразности использования

лиц, наделенных экстрасенсорными способностями для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

В статье рассматривается положительный опыт сотрудничества с экстрасенсами Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республики Хакасия. В заключение статьи авторами высказываются предложения по применению и использованию возможностей экстрасенсов для борьбы с преступностью.

The article considers some aspects of joint activities of operational units of territorial internal affairs bodies and persons with psychic abilities to solve the tasks of operational-search activities. The authors give the concept of parapsychology as a field of knowledge and the definition of persons with parapsychological abilities in various areas of life.

The article reflects the statistics of the «All-Russian Center for the Study of Public Opinion» testing of Russians on issues of trust in persons with paranormal abilities. In addition, the article presents the results of interviewing employees of the Criminal Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Belgorod and employees who were trained at Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin under the additional professional retraining program for employees included in the personnel reserve of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level on the expediency of using persons with psychic abilities to solve the tasks of operational search activities.

The article discusses the positive experience of cooperation with psychics of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia. At the end of the article, the authors make suggestions on the application and use of the capabilities of psychics to combat crime.

Деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел направлена, в первую очередь, на раскрытие преступлений, поиск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, установление местонахождения без вести пропавших лиц.

Определенную дополнительную помощь оперативным подразделениям, прежде всего сотрудникам уголовного розыска, в решении этих и многих других задач могут оказать лица, которые наделены парапсихологическими способностями. Необходимо отметить, что экстрасенсорные способности человека рассматриваются парапсихологией, под которой понимается область знаний, изучающая паранормальные явления (пси-феномены), которые не могут быть объяснены на основе естественнонаучных законов и принципов [1], а экстрасенсом, в свою очередь, является лицо, обладающее сверхъестественными способностями в области гадания, определения бушующего конкретного человека, установление диагноза лечения, розыска различной категории граждан (в большей степени без вести пропавших) и др. [2]

Нередко указанные лица ассоциируют себя с колдунами, шаманами, ведьмами, целителями и др. Данный дар рассматривается мировым сообществом как псевдонаучный и мошеннический, а лица им якобы обладающими мошенниками, наделенными минимальными психологическими навыками. Подобная доктрина может быть подвержена сомнению, которое основывается на анализе некоторых исторических событий, связанных с жизнью и деятельностью таких людей как Мессинг, Ванга, Кейси, реально обладавших экстрасенсорными способностями.

Так, достаточно вспомнить известный факт, когда в 1974 году Мессинг присутствовал на допросе директора магазина, который подозревался в совершении крупного хищения, но вину свою не признавал. Мессинг в ход следственного действия не вмешивался, но по окончании допроса сообщил следователю факты, которые ранее были неизвестны. Когда эти сведения были сообщены подозреваемому, он полностью признал свою вину в совершении преступления [3, с. 31].

Необходимо отметить, что до сих пор сверхъестественные способности некоторых подобных людей находятся за гранью человеческого, религиозного, научного и медицинского понимания [4]. По нашему мнению, сегодня, человечество еще не обладает определенными знаниями и не достигло такого уровня развития, когда могло бы понимать и объяснять происходящие явления в области экстрасенсорики и парапсихологии. Достаточно вспомнить средневековье. Если в это время кто-то высказал бы

предположение о появлении в будущем телефонной связи, автомобиля, авиации, то его бы как еретика сожгли на костре, предварительно придав пыткам. Физиологически так устроен человек, что он не хочет и не желает признавать то, что находится за гранью его понимания. Исключением может являться психологическое состояние безысходности, когда исчерпаны все средства решения определенной проблемы и остается только обращаться ко всем, от кого, возможно получить помощь. При этом гражданами уже не берется во внимание сложившаяся в обществе парадигма в отношении экстрасенсорики, а на уровне подсознания преследуются одна цель – получить положительный результат, которого до этого реально никто не дал, не гарантировал и даже не обещал, а, получив его, экстрасенсорика становится для этих людей аксиомой.

Никто не будет отрицать и опровергать тот факт, что были случаи, когда медицина в лечении некоторых заболеваний была беспомощна, или когда сотрудники полиции долгое время не могли разыскать без вести пропавшего, тогда помощь приходила от лиц, обладающих паранормальными способностями в качестве исцеления или получения достоверной информации о местонахождении розыскиваемого.

Споры об экстрасенсорных возможностях человека начались еще в начале XX века не только между практиками, но и между учеными. Так два немецких криминалиста Ганс Шнейкерт и Альберт Гельвинг совершенно диаметрально противоположно оценивали возможности ясновидящих. Один считал их обманщиками и мошенниками, другой высказывал мнение о реальной их помощи в раскрытии преступлений [3, с. 34].

Сегодня, с учетом активно развивающегося медиaprостранства, у обыкновенных граждан также складывается противоречивое мнение о наличии парапсихологических способностей у экстрасенсов. Примером может служить передачи «Битва экстрасенсов», «Экстрасенсы ведут расследование», с их различными испытаниями для лиц, наделенных сверхспособностями. Проводя мониторинг социальных сетей, мы столкнулись с диаметрально противоположными взглядами на происходящее в телепроектах. С одной стороны отмечается доверие граждан к мистическим способностям экстрасенсов, с одной стороны, и полное скептиче-

ское отношение и недоброжелательные отзывы об их деятельности, с другой. Это связано, прежде всего, с отсутствием возможности реально оценить, что происходит на проектах – сложная проверка особенных людей, либо театрализованное, заранее поставленное художественное шоу. Кроме этого, необходимо отметить, что отсутствуют также и однозначные комментарии в информационно-коммуникационной среде специалистов в этой области на происходящее в телевизионных проектах.

Обратимся к статистике «Всероссийского центра изучения общественного мнения». Согласно проведенному им опросу, более половины тестированных россиян (55 %) считают возможным предсказывать будущее, тогда как только 38 % в это не верят. Оставшиеся 7 % респондентов не определились в своем мнении. Также 48 % граждан верят в способности людей колдовать и наводить порчу, тогда как 44 % к этому относятся скептически, 8 % россиян затруднились ответить на этот вопрос [4].

Точка зрения оперативных сотрудников органов внутренних дел на экстрасенсорные способности человека, как правило, совпадает со среднестатистической. Нами проведен опрос 18 сотрудников отдела уголовного розыска УМВД России по г. Белгорода и задан вопрос о целесообразности использования лиц, наделенных экстрасенсорными возможностями для решения задач оперативно-розыскной деятельности. 11 сотрудников (61,1 %) высказали мнение, что в их деятельности важен положительный результат, любое преступление должно быть раскрыто, поэтому если выполнен весь комплекс оперативно-розыскных мероприятий и этот результат отсутствует, почему бы и не обратиться за помощью к экстрасенсам.

С таким мнением согласны и некоторые сотрудники правоохранительных органов. Так руководитель управления криминалистики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республики Хакасия А.А. Кротов пояснил, что следователи данного ведомства не раз сотрудничали с экстрасенсами. «Когда традиционными методами не удастся раскрыть преступление, мы применяем и нетрадиционные методы, потому что все инструменты хороши для раскрытия преступления. Мы даже экстрасенсов привлекаем, когда необходимо. Экстрасенсы привлекаются только

для раскрытия резонансных особо тяжких преступлений через Следственный комитет Российской Федерации и называются не экстрасенсы, а «специалисты по прикладной психологии» [5].

Хотелось бы отметить, что по нашему мнению, специалисты в этой области могут решать достаточно актуальные проблемы и оказывать дополнительную помощь оперативным сотрудникам органов внутренних дел, а в частности в получении следующей информации:

- жив или мертв человек в данный момент;
- местонахождение, трупа, живого человека, других объектов и предметов;
- серийность совершенных преступлений;
- обстановку совершения преступления;
- места сбыта и хранения похищенного имущества, орудий преступления;
- конкретное лицо причастное к совершению преступления или его приметы.

Так, 2019 году в городе Старый Оскол было совершено разбойное нападение на магазин «Звездочка». Неустановленное лицо, угрожая ножом продавцу, требовало передачи ему денежных средств. Продавец оказала сопротивление, и преступник с места происшествия скрылся. Работники магазина вызвали сотрудников полиции. К приехавшему наряду патрульно-постовой службы обратилась женщина, которая пояснила, что была очевидцем преступления. Нападавшего преступника не знает, но может оказать помощь в его розыске, так как обладает экстрасенсорными способностями и не раз оказывала помощь поисковым отрядам, по обнаружению останков солдат погибшим в годы Великой Отечественной войны в районе поселка Прохоровка. Проследовав с сотрудниками полиции, она показала дом, в котором и скрывался преступник. Задержанный оказался ранее неоднократно судимым, уроженцем города Старого Оскола гр-н Б. Кроме этого она пояснила, что нож преступник спрятал в подвале дома. В ходе осмотра подвального помещения нож был обнаружен.

Нами проведено интервьюирование 21 сотрудника, проходящего обучение в Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина по дополнительной профессиональной программе профессиональной переподготовки сотрудников, включенных в кадровый

резерв территориальных органов МВД России на районном уровне, стаж службы которых в оперативных подразделениях ОВД составил не менее 13 лет. 16 сотрудников (76,2 %) считают что существуют люди, которые обладают паранормальными способностями. 14 (66,7 %) высказывают мнение о необходимости для раскрытия преступления обращаться к экстрасенсам, 4 (28,6 %) из этих сотрудников территориальных органов внутренних дел считают необходимым создание самостоятельного специализированного структурного подразделения по прикладной психологии с его дислокацией в структуре центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации МВД России. В дальнейшем, с учетом эффективности деятельности и востребованности в специалистах указанного профиля возможно, регулирование его географического местоположения и штатной численности. Кроме «специалистов по прикладной психологии» в данном подразделении могут осуществлять свою деятельность, например, еще и гипнологи.

С учетом сложившейся современной экономической ситуации, связанной с финансированием деятельности органов внутренних дел и основываясь на оптимизации и эффективности использовании сил и средств оперативно-розыскной деятельности существует альтернативное мнение. Мы предлагаем, во-первых, рассматривать деятельность данных лиц в качестве содействия специалистов при проведении оперативно-розыскных мероприятий и во-вторых, использовать их по мере возникновения потребности в их услугах. При этом необходимо отметить, что применение указанных лиц должно осуществляться при соблюдении ряда определенных требований, предъявляемых к процессу подготовки и проведения этих мероприятий с их участием.

Например, считаем, что процесс привлечения экстрасенсов к раскрытию преступлений и розыска без вести пропавших должно носить исключительный характер и применяться только при раскрытии особо тяжких преступлений, когда комплексно проведены все необходимые оперативно-розыскные мероприятия, исчерпаны все имеющиеся возможности, и другими средствами и методами получить информацию, представляющую оперативный интерес не представляется возможным.

Результаты, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий, и финансирование данной деятельности считаем необходимым оформлять документами, регламентирующими оперативно-розыскную деятельность. Кроме этого, сведения, полученные от лиц, обладающих парапсихологическими способностями, не могут быть признаны доказательствами по уголовному делу, носят вероятностный характер и выступают лишь в качестве ориентирующей информации, которая может использоваться только в оперативных целях.

Подводя итог, необходимо отметить, что предлагаемая нами точка зрения носит дискуссионный характер, и требуют обсуждения, дополнения и корректировки. Данное направление в оперативно-розыскной деятельности нуждается не только в дальнейшем научном исследовании, но и в апробации к практической деятельности. К числу основных задач, связанных с внедрением данного метода в деятельность оперативных подразделений территориальных органов внутренних дел, в первую очередь, необходимо отнести отбор, регламентацию деятельности и разработку соответствующих методик использования лиц, обладающих паранормальными способностями [6].

1. Остапенко И.А. О возможности применения нетрадиционных способов и знаний при расследовании преступлений // Символ науки. 2016. № 5. С. 161–163.

2. Свенцицкий А.Л. Краткий психологический словарь. М.: Проспект. 2011. С. 302.

3. Китаев Н.Н. Парапсихология и криминалистика. Законность. 1988. № 7.

4. Неутешительная статистика от ВЦИОМ: экстрасенсы и НЛЮ сдают позиции, но в колдовство, приметы и предсказания верит половина россиян [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post> (дата обращения: 14.01.2021).

5. Красноярский следователь рассказал о сотрудничестве с экстрасенсами [Электронный ресурс]. URL: <https://prmira.ru/news> (дата обращения: 14.01.2021).

6. Смолькова И.В. Экстрасенсы и расследование преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3. С. 132–135.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Моисеев Николай Александрович. Заместитель начальника кафедры, кандидат юридических наук, доцент.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Moiseev Nikolay Aleksandrovich. Deputy Head of the Chair, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russian Federation, Belgorod, Gorky st., 71.

Новоселов Николай Георгиевич. Старший преподаватель кафедры.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Novoselov Nikolay Georgievich. Senior Lecturer of the Chair.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russian Federation, Belgorod, Gorky st., 71.

Флоря Денис Федорович. Начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Florya Denis Fedorovich. Head of the Chair of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; парапсихология; парапсихологические способности; паранормальные явления; специалисты по прикладной психологии.

Keywords: operational-search activity; operational-search events; parapsychology; parapsychological abilities; paranormal phenomena; specialists in applied psychology.

УДК 343.1

Морозова Н.В.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

**THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS
OF CARRYING OUT FORENSIC EXAMINATIONS
IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES**

Статья посвящена рассмотрению сущности института судебной экспертизы, анализу проблемных аспектов назначения и производства экспертиз.

The article is devoted to the consideration of the essence of the institute of forensic examination, the analysis of problematic aspects of the appointment and production of examinations.

Ставя перед собой задачи по выявлению, расследованию и пресечению преступлений, правоохранительные органы повсеместно применяют научные достижения современности. В связи с этим существенно возрастает необходимость в привлечении специалистов, обладающих специальными познаниями в различных областях. Не вызывает сомнений тот факт, что основным носителем специальных знаний является эксперт, а одной из форм

его деятельности является производство судебной экспертизы [1]. Именно экспертиза призвана разрешить вопросы, возникающие в процессе расследования преступления, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Данная деятельность представляет собой некий законодательно урегулированный процесс взаимодействия следователя и эксперта, с целью достижения максимального успеха в расследовании.

Говоря о законодательном закреплении процедуры производства экспертного исследования обратимся к ст. 9 ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» который трактует понятие «судебная экспертиза» как «предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла».

Отметим также, что правовая регламентация судебно-экспертной деятельности не ограничивается лишь Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», упоминание о ней содержится и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (глава 27), в ст. 2 ФЗ «О полиции» также отмечается, что одним из основных направлений деятельности полиции является осуществление экспертно-криминалистической деятельности [2].

Тем не менее, несмотря на законодательное закрепление судебно-экспертной деятельности и, казалось бы, многолетнюю правоприменительную практику, проблемы данного института до сих пор являются предметом дискуссий и различных научных исследований учёных.

Так, по мнению С.Б. Россинского, «проблемы судебно-экспертного обеспечения уголовно-процессуальной деятельности уже не первый год привлекают внимание учёных и являются предметом различных научных исследований. Однако ввиду всей сложности и дискуссионности многие из них пока ещё не получили окончательного разрешения, продолжая побуждать к бурной полемике и оказывая негативное влияние на дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики. В част-

ности, вплоть до настоящего времени в доктрине так и не сложилось единого понимания сущности судебной экспертизы» [3].

Тем не менее в настоящее время в научной среде сформировалось единое мнение, что судебная экспертиза обладает рядом признаков, отличающих ее от любой другой деятельности, к ним относятся:

1) проведение экспертизы осуществляется только специально уполномоченным на то лицом – судебным экспертом;

2) в ходе производства экспертизы применяются специальные познания в различных областях;

3) судебная экспертиза проводится при точном соблюдении норм процессуального законодательства, где четко закреплены права и обязанности субъектов экспертных исследований;

4) экспертиза назначается и проводится в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела;

5) порядок производства исследований, а также результаты, к которым пришел эксперт, оформляются соответствующим заключением, в последующем оно приобретает доказательственное значение.

Также стоит отметить, что ряд ученых, разрабатывающих институт судебной экспертизы, едины во мнении о наличии ряда проблем, сопровождающих процесс назначения, производства экспертиз, а также этапа оценки заключения эксперта. Анализ научной литературы позволяет выделить некоторые из них:

1. Целесообразность проведения экспертизы. В последнее время, в связи с широким распространением относительно новых преступлений (компьютерные преступления, коррупционные преступления, экономические преступления, экологические преступления и т.д.) все чаще возникает потребность в расширении возможностей экспертизы, возникновении новых видов экспертиз, а также увеличении круга разрешаемых вопросов. Тем не менее лицу, назначающему судебную экспертизу, следует понимать, что необходимость в использовании специальных знаний возникает лишь в том случае, когда для ответа на вопросы следствия или суда необходимо проведение исследования с использованием специальных знаний.

2. Некорректная формулировка вопросов эксперту при назначении экспертизы. Эта проблема обусловлена тем, что сле-

дователь, обращаясь за помощью к специалистам, априори не владеет специальными познаниями, а также зачастую не может в полной мере определить весь практический потенциал назначаемого им исследования, в связи с чем ограничивается постановкой вопросов из справочника следователя, зачастую не задумываясь о том, что каждый вопрос, ставящийся на разрешение экспертизы, намечает конкретную цель исследования, что обязывает эксперта проводить дополнительные исследования, тем самым увеличивая сроки проведения экспертизы.

Также здесь уместно будет отметить некоторые требования, предъявляемые к вопросам, подлежащим постановке перед экспертами:

- точность и отсутствие двоякого толкования вопроса;
- исключение профессиональных сокращений, полупрофессиональных терминов, жаргонизмов, фразеологизмов, а также иных выражений следственной деятельности, так как они могут быть непонятны эксперту;
- исключение информации, которая выходит за пределы компетенции эксперта;
- вопросы не должны являться очевидными и не требующими исследования с использованием специальных знаний.
- соответствие вопросов, поставленных на разрешение существующей методической и технической базе экспертного учреждения.

3. Экспертные ошибки, т.е. выводы или действия эксперта, не соответствующие действительности. В юридической литературе встречается достаточно развернутые классификации экспертных ошибок, так, например, по мнению профессора Е.Р. Россинской, их можно разделить на:

- ошибки процессуального характера (нарушение установленного процессуального порядка производства экспертиз);
- гносеологические ошибки (такие ошибки возникают при познании сущности, свойств и признаков объектов экспертизы, также отношений между ними);
- деятельностные, или операционные ошибки (нарушение процедуры, порядка проведения исследования) [4].

Также экспертные ошибки принято подразделять на ошибки объективного (не зависящие от эксперта) и субъективного (связаны с определенными чертами личности эксперта) характера.

Отметим, что в уголовном судопроизводстве довольно часто встречается мнение, что заключение эксперта является чуть ли не главенствующим источником доказательств, не подвигающемся сомнениям в достоверности, однако в связи с вышеуказанными ситуациями даже исследование лицом, обладающим знаниями в определенной сфере, использующим высокоточные методы и апробированные методики, может оказаться неточным, сомнительным и недостоверным.

В этой связи необходимо акцентировать внимание, что одним из важнейших условий эффективного расследования преступлений является качественное проведение экспертного исследования, достоверное заключение, которые напрямую зависят как от компетенции и профессионализма лица, производящего экспертизу, так и от следователя, по инициативе которого была назначена судебная экспертиза.

В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотрения наиболее часто встречающихся проблем, однако приходится констатировать, что в стремительно развивающемся обществе, наряду с несовершенствами правоприменительной практики, неизбежно возникновение существенных проблем, противоречий в функционировании всех институтов, в том числе и института судебной экспертизы.

1. Сретенцев Д.Н. Формы и субъекты реализации судебно-экспертной деятельности // Наука и практика. 2015. № 3 (64). С. 108.

2. Лефтерова В.В. Основные причины экспертных ошибок в уголовном процессе // Право: история, теория, практика: материалы VII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–23 октября 2019 г. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2019. С. 21.

3. Россинский С.Б. Эксперт – научный судья: возвращаемся к обсуждению позабытой проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 133.

4. Россинская Е.Р. Гносеологические и деятельностные экспертные ошибки при использовании в производстве судебных экспертиз современных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозова Наталия Владимировна. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Morozova Natalia Vladimirovna. Assistant Professor of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law).

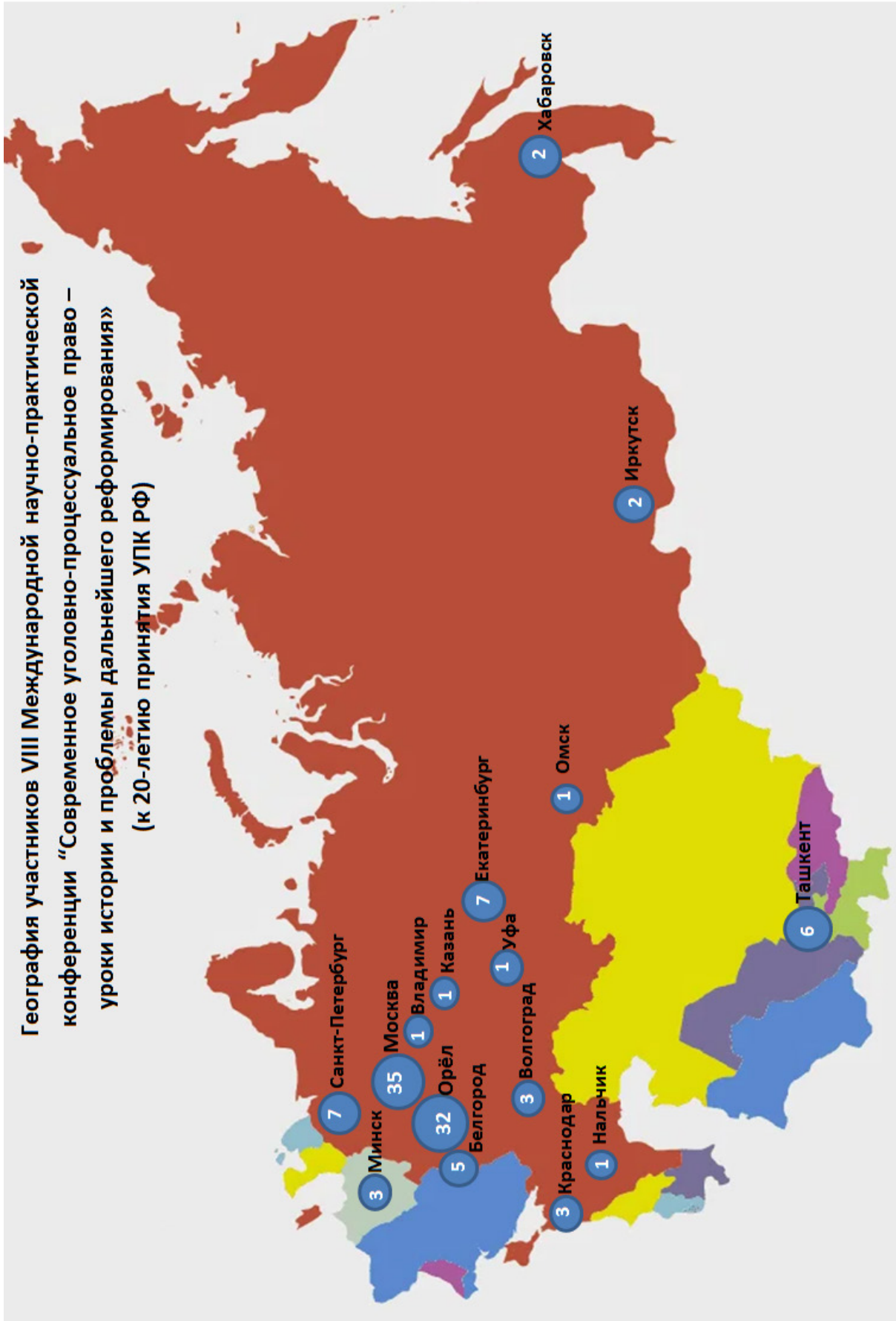
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: экспертиза; эксперт; следователь; признаки; специальные знания; проблемы.

Keywords: criminal proceedings; stage; institution of criminal proceedings; independence; problems.

УДК 343.98

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не рецензируются и не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих выпусках журнала.

Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.